

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

10
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series

Academic Journal

Periodical publication.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.3. Literary theory (Philology)

5.9.4. Folkloristics (Philology)

5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Cultural Studies)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(History)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: bityunan@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология»

Научный журнал

Периодическое печатное издание.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология» включен: в систему Российской индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееоведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееоведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееоведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкоznания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институциями.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: bityunan@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sidel'tsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Shlioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/ Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editors

- Yu.G. Bit-Yunan*, Dr. of Sci. (Philology), RSUH
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Анцыферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Барanova, доктор исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жепниковска, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорbonna, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Купцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлесская*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Полопинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российской Федерации
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкоznания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюна*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российской Федерации
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- А.Л. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российской Федерации
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российской Федерации
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкоznания РАН, Москва, Российской Федерации
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкоznания РАН, Москва, Российской Федерации
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

Ответственные за выпуск

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, РГГУ

М.П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>Михаил П. Одесский</i>	
Критик В.Я. Брюсов и советская литература (статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии»)	14
<i>Галина А. Элиасберг</i>	
Лазарь Кармен на страницах одесской печати: ранние публикации и очерки о бояках Одесского порта	24
<i>Юрий Г. Бит-Юнан</i>	
Публицистическая компонента прозы В.С. Гроссмана середины 1930-х гг.: спор в советской критике	42
<i>Евгения В. Бродская</i>	
Публицистичность автора vs ангажированность критики (на материале статей о В.С. Высоцком). Часть 1	67

Проблемы теории журналистики

<i>Наталья Я. Макарова</i>	
Медиапотребление и медиаповедение зумеров	94
<i>Дарья В. Неренц</i>	
Трансформация методов расследовательской журналистики: от репортажных наблюдений до data-расследований	103
<i>Кирилл А. Зорин</i>	
Трэш-рейтинг как свойство «медиахаотизации»	122

История публицистики. Риторика

<i>Оксана И. Киянская</i>	
Публицистические приемы в пропагандистской практике декабристов: случай М.П. Бестужева-Рюмина	134
<i>Дарья И. Булдакова</i>	
Феномен декабристов в стихотворной публицистике 1820–1850-х гг.	153

<i>Давид М. Фельдман</i>	
К истории советской публицистики и цензуры конца 1920-х гг.: роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»	166
<i>Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова</i>	
«Язвы» и «яды» эмигрантской публицистики: метафора болезни в «Дневнике политика» П.Б. Струве	186

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

<i>Mikhail P. Odesskii</i>	
Critic V. Bryusov and Soviet literature (article “Yesterday, Today and Tomorrow of Russian Poetry”)	14
<i>Galina A. Eliasberg</i>	
Lazar Karmen in the Odessa press. Early publications, essays on tramps of the Odessa port	24
<i>Yuriii G. Bit-Yunan</i>	
The journalistic component of V. Grossman’s prose of the mid-1930s.	
Critical controversy	42
<i>Evgeniya V. Brodskaya</i>	
Authorial journalism vs. critical engagement (based on articles about V. Vysotsky). Part 1	67

Problems of the Theory of Journalism

<i>Natalia Ya. Makarova</i>	
Media consumption and media behavior of zoomers	94
<i>Daria V. Nerents</i>	
Transformation of investigative journalism methods.	
From reportage observations to data investigations	103
<i>Kirill A. Zorin</i>	
Trash writing as a property of “media chaos”	122

History of Publicism. Rhetoric

<i>Oksana I. Kiyanskaya</i>	
Journalistic techniques in the Decembrists’ propaganda practice. The case of M.P. Bestuzhev-Ryumin	134
<i>Daria I. Buldakova</i>	
The phenomenon of the Decembrists in the poetic journalism of the 1820s – 1850s	153

<i>David M. Feldman</i>	
On the history of Soviet journalism and censorship in the late 1920s.	
The novel “The Twelve Chairs” by I. Ilf and Ev. Petrov	166
<i>Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova</i>	
“Sores” and “poisons” of emigrant journalism. The metaphor of disease in “The politician’s journal” by P. Struve	186

История журналистики и литературной критики

УДК 82.09(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-14-23

Критик В.Я. Брюсов и советская литература (статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии»)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется литературно-критическая деятельность В.Я. Брюсова в Советской России. Статья Брюсова «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922) – одна из важнейших статей этого периода. Критик подробно рассматривает прошлое, настоящее и будущее русской поэзии, то есть символизм, футуризм и пролетарское искусство. В то же время композиция советской статьи Брюсова повторяет композицию книги Эллиса о русском символизме (1910). Эллис доказывал, что в истории символизма К. Бальмонт – это прошлое, Брюсов – это настоящее, Андрей Белый – это будущее. Напротив, Брюсов доказывает, что весь символизм (Бальмонт, Белый) – это прошлое. Однако критик Брюсов намекает, что истинное будущее литературы – это не пролетарское искусство, а поэзия самого Брюсова. Полемика Брюсова с пролетарским искусством совпала с борьбой против пролетарского искусства (теории А. Богданова), которую проводил В.И. Ленин.

Ключевые слова: советская литература, В.Я. Брюсов, статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», Эллис, пролетарское искусство, А.А. Богданов

Для цитирования: Одесский М.П. Критик В.Я. Брюсов и советская литература (статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 14–23. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-14-23

Critic V. Bryusov and Soviet literature
(article “Yesterday, Today
and Tomorrow of Russian Poetry”)

Mikhail P. Odesskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru

Abstract. The article analyzes the literary and critical activity of V. Bryusov in Soviet Russia. Bryusov's article "Yesterday, Today and Tomorrow of Russian Poetry" (1922) is one of the most important articles of this period. The critic considers in detail the past, present and future of Russian poetry, namely, symbolism, futurism and proletarian art. At the same time, the composition of Bryusov's article repeats the composition of Ellis' book on Russian symbolism (1910). Ellis argued that in the history of symbolism, K. Balmont is the past, Bryusov is the present, Andrey Bely is the future. On the contrary, Bryusov hints that all symbolism (Balmont, Andrey Bely) is the past. However, critic Bryusov hints that the true future of literature is not proletarian art, but the poetry of Bryusov himself. Bryusov's polemic with proletarian art coincided with V. Lenin's struggle against proletarian art (A. Bogdanov's theory).

Keywords: Soviet literature, V. Bryusov, article "Yesterday, Today and Tomorrow of Russian Poetry", Ellis, proletarian art, A. Bogdanov

For citation: Odesskii, M.P. (2025), "Critic V. Bryusov and Soviet literature (article 'Yesterday, Today and Tomorrow of Russian Poetry')", *RSUH/RGGU Bulletein, "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 10, pp. 14–23, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-14-23

Программная статья В.Я. Брюсова «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (далее «ВСЗ») была напечатана в журнале «Печать и революция» (1922, № 7). Это журнал с установкой на обзоры художественной и научной литературы, который издавался с 1921 г. при Госиздате и редактировался В.П. Полонским, одним из авторитетных руководителей советской культуры.

Брюсов ответственно работал над пространной статьей, юбилейной – к пятилетию Октября. Еще в августе 1922 г. он уточнил в письме Полонскому свой замысел:

...написать о «нашей поэзии за 5 лет» оказалось куда хитрее, чем мне казалось. Во всяком случае, статья у Вас будет. Может быть, напишу не вполне на ту тему, какую Вы мне задали, то есть не дам фактического обзора за 5 лет, но зато сделаю очерк внутренней эво-

люции нашей поэзии за этот период. Надеюсь, на такую замену Вы согласитесь. (Конечно, в статье все же будут и имена, и факты, но не «история» и не «библиография»).¹

Иными словами, Брюсов намерен представить не традиционный «фактический обзор», но амбициозный «очерк внутренней эволюции нашей поэзии». Сдав статью в журнал, он продолжал заботиться о тексте, в октябре 1922 г. внимательно держал корректуру².

В «ВСЗ» Брюсов повторяет форму, выработанную в пору «Русской мысли», – «обзор целого ряда поэтических книг в рамках одной статьи»³. Эта форма предполагает, что, с одной стороны, статья дробится на характеристики стихотворений множества авторов, их сборников, поэм, изданных в 1917–1922 гг., а с другой стороны, она подчинена «общей линии» – в данном случае, так сказать, «хронологической триаде»: послереволюционные поэты разделены на три группы – как заявлено в заглавии, на «вчера, сегодня и завтра».

Поэты «вчера» – это символисты и акмеисты. Критик здесь наименее детален в анализе, совершенно не занимается поэтикой и выносит убийственный приговор прежним единомышленникам:

В эпоху Революции символисты вступили уже разбитой армией, потерявшей многих вождей и за последние годы не приобретшей ни одного ценного соратника. И все пятилетие 17–22 года не ознаменовано ни одним выдающимся произведением, которое было бы подписано именем поэта, находящегося в рядах символистов (с. 585).

Поэты «сегодня» – футуристы, описанные с симпатией: «Главными деятелями пятилетия были футуристы и вышедшие из футуризма течения» (с. 606). Брюсов – в отличие от случая символистов – внимательно разбирает теорию футуристов, заставившую осознать, что «язык – это материал поэзии и что этот материал может и должен быть обработан поэтами соответственно задачам

¹ Переписка с журналом «Печать и революция (1921–1923) / вступ. ст., публ., comment. Т.В. Анчугова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2 / отв. ред. Н.А. Трифонов. М.: Наука, 1994. С. 577.

² Там же. С. 578.

³ Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / вступ. ст., comment. Н.А. Богомолова. М.: Советский писатель, 1990. С. 22; далее ссылки на это издание даются в тексте статьи – в скобках, с указанием страницы.

художественного творчества» (с. 593). Впрочем, критик дистантно оговаривает, что выдвижением этой программы роль футуризма «в русской литературе может считаться тоже законченной» (с. 607).

В разделе «Завтра» критик рассматривает пролетарских поэтов. Их идеология и тематика заранее предрешены общественной ситуацией, но – напоминает Брюсов – «в поэзии может существовать только оформленное содержание», а «для идей, выражителями которых желали стать пролетарские поэты, готовой формы не было» (с. 601). Приходилось искать и экспериментировать, однако «эта грандиозная задача ложилась на круг писателей, не имевших навыка в такой технической работе...» (с. 601). Составляя список лучших, критик руководствовался критерием самобытности и выбрал И.И. Садофеева, А.К. Гастева, В.Т. Кириллова, М.П. Герасимова, В.В. Казина. Ставить их в один ряд, например, с футуристами Брюсов не намерен, но, утешает он читателя, «чему суждено существовать долго, вырастает всегда неспешно» (с. 599), и «пролетарская поэзия – наше литературное “завтра”» (с. 607).

Согласно советскому семитомнику статья «является наиболее развернутым выступлением Брюсова-критика в советский период»⁴. Н.А. Богомолов привлек внимание к тому, что в заглавии этой статьи афористически сформулирован новый «мотив, ранее отсутствовавший или присутствовавший лишь беглыми упоминаниями, – мотив прогностический» (с. 29).

Цель данной статьи – уточнить специфику «прогностического» мотива в «ВСЗ», а это помогает осуществить выявление гипотетически присутствующего в статье полемического диалога с давним литературно-критическим выступлением символиста Эллиса.

* * *

В первое десятилетие XX в. Эллис (Л.Л. Кобылинский) заявил о себе как об одном из самых агрессивных критиков журнала «Весы» и как о ревнителе той символистской линии, которую проводил в «Весах» Брюсов. Итоговая книга Эллиса «Русские символисты» (М.: Мусагет, 1910)⁵ стала, по определению А.В. Лаврова, «первым опытом развернутого аналитического обзора философско-эстетических идей русской символистской школы и творчества ее крупнейших представителей» К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова,

⁴ Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии 1893–1924 / авт. вступ. ст. Д.Е. Максимов; авт. примеч. Д.Е. Максимов, Р.Е. Померчий. М.: Художественная литература, 1975. С. 638.

⁵ Цит. по: Эллис. Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1996. 288 с.

Андрея Белого⁶. Однако обзор Эллиса имеет – при всем богатстве литературной конкретики – не только историко-аналитический, но и полемический, публицистический характер. В частности, полемический запал выражается в оценке исторического места трех выбранных писателей (каждому из которых посвящена специальная глава).

Заключительная глава «Символизм и будущее» показывает развитие русского символизма как соотношение и борьбу двух начал: «Мы отметили также и существенную разницу между символизмом как “школой нового искусства”, и символизмом как “новым миросозерцанием” и исканием новых, первичных критериев культуры <...>»⁷. Эллис исповедует веру в «великое, мировое будущее символизма»⁸, поскольку символизм способен стать «новым миросозерцанием» («теургизмом и универсальным синтезом»⁹), а такого рода ожидания требуют считать творчество Белого – «будущим», Брюсова же, с его поэзией «символической по существу»¹⁰ – всего лишь «настоящим».

С этой точки зрения Эллис подытоживает анализ в «Общей схеме развития русского символизма»¹¹. Здесь в трех вертикальных столбцах помещены имена Бальмонта, Брюсова, Белого; в горизонтальных строках – восемнадцать параметров, по которым различается творчество трех мэтров символизма; в конечной восемнадцатой строке – «Историческое место в развитии символизма» – Эллис так заполняет таблицу: Бальмонт – «Прошлое символизма», Брюсов – «Настоящее», Белый – «Будущее».

А.В. Лавров, подробно рассмотрев в статье «Брюсов и Эллис» повороты их отношений, в частности, констатировал: «К сожалению, мы не располагаем более или менее определенным по своим оценкам отзывом Брюсова об этой книге («Русские символисты» – M. O.)» [Лавров 2007, с. 137]. Однако, похоже, Брюсов лишь внешне сохранял спокойствие, и если гипотетически предположить, что при написании «ВСЗ» он продолжал помнить о «Русских символистах», то статья 1922 г. предстает в новом свете.

Во-первых, архитектоника двух текстов – книги и статьи – очевидно перекликается. У Эллиса – «прошлое», у Брюсова – «вчера»;

⁶ Андрей Белый: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова. СПб.: РХГИ, 2004. С. 929.

⁷ Эллис. Русские символисты... С. 279.

⁸ Там же. С. 287.

⁹ Там же. С. 276.

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Там же. С. 274–275.

у Эллиса – «настоящее», у Брюсова – «сегодня»; у Эллиса – «будущее, у Брюсова – «завтра».

Разумеется, допустимо возразить, что сходство здесь – случайное и что для современников Брюсова ситуация победившей революции сама по себе диктовала логику «до» и «после». Тем не менее, по наблюдению Н.А. Богомолова, Брюсов-критик – после «Весов» – обыкновенно удовлетворял свою «классификаторскую страсть», просто разделяя «поэзию на направления, течения, группы, школы и пр.» (с. 25), напротив, в «ВСЗ» этот прием подчинен «хронологической триаде», которая почти неизбежно выглядит как аллюзия на книгу Эллиса.

Во-вторых, коль скоро в статье 1922 г. содержится аллюзия на Эллиса, она означает не столько подражание давней книге, сколько литературную полемику (свидетельствуя о ее травматической актуальности для автора статьи).

Хотя Эллис предлагал прогностическую интерпретацию лишь символизма, но, учитывая, что другой литературы для него не существовало, в его случае можно отождествить символизм с русской литературой. Тогда получается, что если для Эллиса «прошлое» – символизм по Бальмонту, «будущее» – «теургический» символизм по Андрею Белому, то для Брюсова весь символизм отнюдь не «новое мироцерцание», а лишь литературная школа, которая (кроме самого автора «ВСЗ») стала безвозвратным прошлым. Потому во «вчера» помещены как нещадно очерняемый Бальмонт – «заурядный графоман» (с. 586), так и Белый, которого, как выясняется, только ангажированные участники недобросовестной критической «кампании» называли «создателем новой эпохи в литературе» (с. 584).

Возникает вопрос: какое же «историческое место» в своей триаде отводит Брюсов-критик Брюсову-поэту? Это – не традиционный символизм, не футуризм и уж никак не «пролетарская поэзия».

О собственном творчестве Брюсов упоминает в лаконичном предисловии, предваряющем разделы:

Но здесь, в предисловии, позволю себе сказать, что действительно признаю, поскольку способен критически отнестись к себе, и свои стихи 1912–1917 гг. не свободными от общих недостатков символической поэзии того периода. Но, продолжая столь же откровенно, думаю, что некоторых роковых для символизма путей мне удалось избежать и что мои стихи следующего пятилетия («В такие дни», 1920 г.; «Миг», 1922 г.; «Дали», 1922 г.) выходят на иную дорогу (с. 574).

Сопоставив эту скромную автохарактеристику с рассуждениями о «завтра», можно прийти к отнюдь уже не скромному за-

ключению. Действительно, «в поэзии может существовать только оформленное содержание», а у пролетарских писателей в данный момент нет «навыка в такой технической работе» (с. 601); напротив, послеоктябрьские стихотворения Брюсова «выходят на иную дорогу»; следовательно, согласно Эллису, Брюсов – поэт «настоящего», а согласно Брюсову – поэт «завтра».

Предисловие к упомянутому Брюсовым сборнику «Дали» раскрывает то, что в статье подразумевается под «иной дорогой». В предисловии Брюсов признает, что в его стихотворениях часто встречаются «термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук, а также намеки на разные научные теории и исторические события», но считает такую практику не промахом, а достижением: «Все, что интересует и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии»¹².

В примечаниях к семитомнику было указано на преемственную связь послеоктябрьской декларации в «Далях» с идеей «Научной поэзии», заявленной еще в одноименной статье 1909 г. («Русская мысль», 1909, № 6)¹³. Однако М.Л. Гаспаров, именовавший поэтику позднего Брюсова «академическим авангардизмом», справедливо утверждал, что автор «Далей» старался разрабатывать «ни много ни мало как новую систему образного строя, которая могла бы лечь в основу всей поэтики новой эпохи человеческой культуры, начавшейся в XX в. мировой войной и русской революцией»: «Мифологическую картину мира Брюсов заменил научной картиной мира, т. е. составленной из терминов точных наук, из исторических имен и географических названий» [Гаспаров 1995, с. 238].

Результатом соположения «Далей» с «ВСЗ» становится почти манифест. «Иная дорога» будущей советской литературы прокладывается не пролетарским происхождением, а синтезом: 1) революционной идеологии, 2) способности откликаться на то, что «интересует и волнует современного человека», и 3) профессиональными навыками в «технической работе» стихотворца.

Такое толкование дает возможность подобрать ключ к тайне «ВСЗ». Ведь даже те, кто занимался Брюсовым-критиком в советские времена, не скрывали амбивалентного впечатления, которое производит эта статья. Д.Е. Максимов в 1975 г. замечает: «В некоторых случаях стремление Брюсова к фронтальной ревизии

¹² Брюсов В.Я. Собрание сочинений. Т. 3: Стихотворения 1918–1924 / Подгот. текста М.В. Васильев, А.А. Козловский, Р.Л. Щербаков; авт. примеч. М.В. Васильев, М.Л. Гаспаров, В.Ф. Земсков, А.А. Козловский, Р.Л. Щербаков. М.: Художественная литература, 1974. С. 571.

¹³ Там же. С. 572.

современной ему поэзии приводит его к явно несправедливым суждениям – например, в его отчужденно неодобрительном отзыве о Блоке...»¹⁴. Н.А. Богомолов в 1990 г. высказался более жестко, особенно об оценке пролетарской поэзии:

С сегодняшней точки зрения такая позиция Брюсова не может не выглядеть странной; неужели на самом деле он, испытанный мастер стиха, умевший ценить в литературе и то, что было ему абсолютно чуждо, не видел поэтических достоинств сборников Блока или Мандельштама <...> Нам представляется, что причины подобных ответов <...> состоят в отчетливо публицистической природе критики Брюсова в эти годы. <...> Автор уже не столько исследовал литературный процесс (хотя его статьи по-прежнему оставались насыщены многочисленными анализами и разборами), сколько старался угадать то направление его развития, которое соответствовало бы представлениям широких социальных масс (выразителями позиции которых он не мог не считать пролетарских поэтов) (с. 30–31).

Если Брюсов полагал, что пролетарии – лишь местоблюстители литературного «завтра», а законный претендент – он, Брюсов (когда-то обделенный Эллисом), то «явно несправедливые суждения» в адрес достойных современников и двусмысленные похвалы пролетарским поэтам не просто публицистика, но сопутствующие потери в борьбе за величественную вакансию.

Наконец, в-третьих, «ВСЗ» отличается от «Русских символистов» тем, что в советском контексте концепция «завтра» обретает конкретно-политическое измерение.

Пролетарская поэзия, вызывавшая неравнодушную реакцию Брюсова, базировалась на Пролеткульте – массовой организации рабочих. Созданный за несколько дней до Октября 1917 г., Пролеткультставил перед собой широкие культурно-просветительские задачи и основывался на идеях А.А. Богданова, Богданов же был некогда авторитетным большевистским вождем и одновременно непримиримым оппонентом В.И. Ленина. Пока шла Гражданская война, у Предсвнаркома руки не доходили до Пролеткульта, но затем Ленин обнаружил, что прежний соперник успел сформировать собственную влиятельную школу. Перспектива конкуренции казалась вполне реальной¹⁵.

¹⁴ Брюсов В.Я. Собрание сочинений. Т. 6. С. 21.

¹⁵ Подробнее см.: Богданов А.А. Пять недель в ГПУ / авт. вступ. ст., коммент. М.П. Одесский, Д.М. Фельдман // De visu. 1993. № 7. С. 28–43; см. также: [Карпов 2009, с. 98–119].

В 1920 г. началась ленинская интрига против возможных конкурентов, завершившаяся письмом ЦК партии «О пролеткультах» («Правда», 1920, 1 декабря). Организация всегда финансировалась из бюджета Наркомпроса, а состав Президиума ЦК Всероссийского Пролеткульта утверждало Политбюро ЦК РКП(б), однако теперь пролеткультовских лидеров обвинили в стремлении к автономии от партии и государства.

Наступление ленинского руководства продолжалось, сторонники Богданова из Пролеткульта были удалены или «перестроились», организация была жестко подчинена правительству, советская культурная политика корректировалась. Я.А. Яковлев, влиятельный сотрудник аппарата ЦК, в октябре 1922 г. – как раз когда Брюсов сдавал «ВСЗ» – напечатал в «Правде» статью «О “пролетарской культуре” и Пролеткульте», которая была прямо инспирирована Лениным и суммировала претензии к продолжателям линии Богданова.

В подобной ситуации манифест Брюсова (который административно не зависел от Пролеткульта и никогда не разделял идеи исключительно пролетарской природы революционной культуры) выглядел как своевременная альтернатива богдановской программе и как попытка выступить в роли первого поэта. Летом 1922 г. – когда писалась статья «ВСЗ» – у проекта, возможно, намечался административный базис. Брюсов был способен снова сгруппировать вокруг себя литераторов нового поколения, благо он активно общался с молодыми писателями.

В практическом плане проект не удался. Можно указать различные причины, но одновременно с «ВСЗ» – сентябрь 1922 г. – Троцкий приступил к изложению принципов литературной политики в серии «правдинских» статей, спешно собранных в книгу «Литература и революция» (1923). В 1922–1923 гг. рекомендации Троцкого имели официальный статус и были приняты к исполнению (вскоре вождь попал в оппозионеры, впрочем, это – другой историко-литературный сюжет).

* * *

Итак, в 1910 г. обобщающая книга Эллиса «Русские символисты» не вызвала открытых возражений Брюсова, но позднее он – в ответственной советской статье «ВСЗ» – продолжил подспудный диалог. Использовав сходный архитектонический прием «хронологической триады», Брюсов вместе с тем построил концепцию, альтернативную Эллису. Символизм теперь отнюдь не «будущее», а «вчера» русской литературы. Место «будущего» («завтра»), казалось бы, передано пролетарской поэзии, однако при вниматель-

ном чтении статьи истинным революционным «завтра» выступает Брюсов-поэт, давно преодолевший символизм и нашедший «иную дорогу», которая к тому же соответствует конкретному литературно-политическому моменту.

Литература

- Гаспаров 1995 – Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 478 с.
- Карпов 2009 – Карпов А.В. Русский Пролеткульт: идеология, эстетика, практика. СПб.: СПбГУП, 2009. 260 с.
- Лавров 2007 – Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 632 с.

References

- Gasparov, M.L. (1995), *Izbrannye stat'i* [Selected articles], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Karpov, A.V. (2009), *Russkii Proletkul't: ideologiya, estetika, praktika* [Russian Proletkult. Ideology, aesthetics, practice], SPbGUP, Saint Petersburg, Russia.
- Lavrov, A.V. (2007), *Russkie simvolisty: etyudy i razyskaniya* [Russian symbolists. Studies and research], Progress-Pleyada, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-24-41

Лазарь Кармен на страницах одесской печати: ранние публикации и очерки о боязках Одесского порта

Галина А. Элиасберг

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gaeliasberg@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются ранние публикации Лазаря Кармена, что определяет новизну исследования. Анализируются очерки начала 1900-х гг., отразившие социальные проблемы города (сборники «“Дикари” – из жизни обитателей одесского порта», «Дети-“глухари” – из жизни детей одесского порта»), отмечается влияние на его творчество Власа Дорошевича и народнической литературы. Помимо описания быта и ментальности боязков, значимую роль в повествовании играли картины гавани, сведения о Портовом санитарном попечительстве, работа которого отражена в очерках, печатавшихся в «Одесском листке» и «Одесских новостях», что впервые исследуется в данной статье. Советская критика связывала Кармена с горьковским направлением в литературе, однако А. Изгоев, А.И. Маркевич и Вл. Жаботинский подчеркивали отличие описаний Кармена от приемов романтизации боязков у Горького. На примере очерков 1900-х гг. показан вклад писателя в формирование «одесской литературы» с характерными для нее темами и образами, включая море и порт как знаковые составляющие «одесского текста», а также его внимание к особенностям языка беднейших городских слоев. Источниками для характеристики раннего творчества Кармена стали мемуарные тексты Вл. Жаботинского, В. Львова-Рогачевского, И. Оршера и В. Катаева.

Ключевые слова: одесская литература, одесский текст, одесский язык, образы боязков в русской литературе, М. Горький, В.Г. Короленко, В. Дорошевич, К. Чуковский, Вл. Жаботинский, В. Львов-Рогачевский, А. Изгоев, А.И. Маркевич

Для цитирования: Элиасберг Г.А. Лазарь Кармен на страницах одесской печати: ранние публикации и очерки о боязках Одесского порта // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 10. С. 24–41. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-24-41

**Lazar Karmen in the Odessa press.
Early publications, essays on tramps of the Odessa port**

Galina A. Eliasberg

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, gaeliasberg@gmail.com*

Abstract. The article deals with the early publications of Lazar Karmen in the Odessa press. It analyzes the essays from the early 1900s, reflecting the social issues of the city (the collections such as "Dikari" / "The Savages". Life in the Odessa port" and "The Children – glukhari/capercailles": Life of the Children in the Odessa port"). The influence of Vlas Doroshevich and Populist literature on his work is noted. In addition to depicting the lifestyle and mentality of the outcasts, the narratives prominently featured scenes of the harbor and information about the activities of the different port services played a significant role in his stories. The work of the Portovoye sanitarnoye popechitel'stvo (The Port Sanitary Guardianship) whose work is directly reflected in the essays published in the newspapers *Odessky Listok* / *Odessa Leaf* and *Odesskiye Novosti* / Odessa News, which are being studied for the first time in the article. Soviet literary criticism associated Karmen with Gorky's trend in literature, but A. Izgoev, A. Markevich and Vl. Zhabotinsky emphasized the difference between his descriptions and Gorky's methods of romanticizing the "bosyak" (a tramp). The writer's contribution to the formation of "Odessa literature" is illustrated through essays from the 1900s, highlighting its characteristic themes and imagery, including the sea and the port as iconic elements of the "Odessa text". The memoirs of Vl. Zhabotinsky, K. Chukovsky, V. Lvov-Rogachevsky, I. Orsher and V. Kataev are the important sources for studying Karmen's oeuvre.

Keywords: Odessa literature, Odessa text, Odessa language, images of tramps in Russian literature, M. Gorky, V. Korolenko, V. Doroshevich, K. Chukovsky, V. Zhabotinsky, V. Lvov-Rogachevsky, A. Izgoev, A.I. Markevich

For citation: Eliasberg, G.A. (2025), "Lazar Karmen in the Odessa press. Early publications, essays on tramps of the Odessa port", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 24–41, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-24-41

Творчество Лазаря Осиповича Кармена (1876, Теофиполь – 1920, Одесса) может рассматриваться как претекст «юго-западной литературной школы» в советской литературе 1920–1930-х гг. Ее знаковой фигурой стал И. Бабель, чьи произведения легли в основу изучения «одесского текста» [Ладохин, Ладохина 2017; Лекке 2016;

Lecke, Sicher 2018] и «одесского языка» [Степанов 2004]. Однако при всем интересе к корпусу «одесской литературы» вклад Кармена в ее формирование практически не изучен, как и его литературное наследие в целом. Исследователи творчества Вл. Жаботинского рассматривают Кармена как одного из современников, упомянуто-го, но не названного по имени в романе «Пятеро» (1933–1936) [Иванова 2008; Кацис 2019]. Такая характеристика, как «бытописатель боярков и порта» позволяет соотнести этого героя с Карменом – коллегой Жаботинского и К. Чуковского по работе в редакции «Одесских новостей». Однако в мемуарах «Повесть моих дней» (1936) Жаботинский писал: «Редактор Хейфец умел подбирать способных молодых людей: под его крыльшком начали свою литературную деятельность Кармен, автор рассказов о жизни боярков в одесском порту и голытьбы из нищих предместий, и Корней Чуковский, который ныне считается крупнейшим писателем красной России»¹. В мемуарной книге «Литературный путь дореволюционного журналиста» (1930) И. Оршер отметил «рабочие очерки» Кармена в либеральных «Одесских новостях» 1900-х гг. и об их авторе упомянул следующее: «Это был немножко наивный, но талантливый и хорошо знавший рабочие кварталы писатель...»².

Одной из важных работ о Кармене остается предисловие В. Львова-Рогачевского к сборнику «Накануне» (1927), начинав-шееся с его воспоминаний о сотрудничестве в «Одесских новостях» в 1899–1902 гг.: «В то время в этой газете писали Корней Чуковский, Альталена-Жаботинский, Геккер, Ал. Вознесенский, Дмитрий Цензор, Осипович, Старый театрал и многие другие... Но особенно популярен был в широких демократических кругах фельетонист Кармен. Его прекрасно знала одесская улица, обитатели ночлежек, портовые рабочие, учащаяся молодежь. Некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват и к вечеру продавались чуть ли не по рублю. Его все знали в Одессе, знали и любили» [Львов-Рогачевский 1927а, с. V]. Критик выделил два значимых периода в творчестве Кармена: ранний, связанный с его «художественными репортажами» в одесской печати, и десятилетие 1906–1916 гг., когда он покинул Одессу, жил в Финляндии (большей частью в поселке Куоккала, поскольку не имел права жительства вне черты еврейской оседлости. – Г. Э.], пе-

¹ Жаботинский Вл. Повесть моих дней. Иерусалим: Библиотека Алия, 1989. С. 35–36.

² Оршер И. <Старый журналист>. Литературный путь дореволюци-онного журналиста. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 52.

чатался в петербургских журналах. Это было время «преодоления репортажа» и роста писательского мастерства.

В 1977 г. вышла последняя изданная книга писателя, составленная его сыном кинорежиссером Романом Карменом и литературоведом О.В. Семеновским, в нее вошли произведения из сборников 1901–1923 гг., а также очерк В. Катаева с воспоминаниями о личной встрече в одной из одесских редакций, куда Кармен зашел «повидаться со своими бывшими товарищами – хроникерами и репортерами». Катаев, участник «юго-западной школы», отмечал: «Я сам... детство и юность провел в Одессе и могу засвидетельствовать, что никто из писавших об Одессе – а их было немало – не обладал столь обширной палитрой красок и жизненных деталей местного быта, как Л.О. Кармен»³. Из публикаций о Кармене советского периода отметим статью Семеновского [Семеновский 1979]. В последние десятилетия опубликованы важные сведения биографического характера⁴, изданы письма Кармена из архива К. Чуковского⁵, а также статья «Тroe», сопоставляющая судьбы К. Чуковского, Вл. Жаботинского и Кармена [Иванова 2008].

Настоящая фамилия писателя Корнман (вариант написания – Коренман). Его отец теофипольский мещанин Йось-Бер Михелевич Корнман был «служащим торговой фирмы», скончался в Одессе в 1910 г. в возрасте 75-ти лет. Очевидно, он сменил несколько занятий: Львов-Рогачевский называет Кармена «сыном бедного учителя», а Лескова – «выходцем из семьи бедного ремесленника». С женой Матильдой они вырастили двух сыновей – Лейзера и младшего Давида. Материальные заботы рано легли на плечи старшего сына, закончившего только городское училище и вынужденного работать «приказчиком в магазине железных изделий» [Панасенко 2016, с. 72]. В 1903 г. Кармен писал Чуковскому: «Брат, как тебе известно, – солдат, и еще служить ему два года. Два года... еще я должен кормить родных и управлять нашим домашним кораблем... Он протекает с тех пор, как я родился...»⁶.

³ Катаев В.П. Вступительная статья // Кармен Л. Рассказы. М.: Художественная литература, 1977. С. 5.

⁴ Лескова Т.А. Кармен Лазарь Осипович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 486–487. См. также [Панасенко 2016].

⁵ Письма журналиста Лазаря Кармена Корнею Чуковскому / вступ. ст., подгот. текста и comment. Е.В. Ивановой // Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2007. С. 219–247.

⁶ Там же. С. 231.

Львов-Рогачевский отмечал автобиографическую основу рассказа Кармена «У меня на плече». Его герой 12-летний мальчик помогает стирать матери-прачке, он вспоминает, как их выселяли, и ей «приходилось... бежать ... по благотворителям, унижаться, просить об освобождении от уплаты за правоучения...»⁷. «Он хорошо помнил свое детство..., – писал Львов-Рогачевский. – С детства научился откликаться на чужую боль и нужду» [Львов-Рогачевский 1927а, с. VII]. Тема беспризорности и эксплуатации детского труда станет одной из заметных в его творчестве (рассказы «Дунька», «Кирпичница Мотя», сборники «Дети-глухари» (1904) и «Дети набережной» (1912)).

Чтение было основой самообразования Кармена. Первые публикации за подписью «Л. Корнман» появились в 1894 г. в журнале «По морю и суше». В марте опубликованы стихотворения «Молодые годы...» (№ 48) и «Над деревнею спокойной...» (№ 50), а затем заметки Л.О. Корнмана под названием «Мои наблюдения» (№ 59–63), в которых 18-летний автор в юмористическом тоне, напоминающем популярные в Одессе фельетоны Власа Дорошевича, писал о городских проблемах (переполненных конках, неработающих фонарях, плохом водоснабжении), докторах, велосипедистах, боннах и дворниках. Так, в одной из них указывалось: «Наше водопроводное общество становится с каждым днем все смелее и смелее. Оно знает, как видно, что смелость города берет и, надо сознаться, ловко забрало в свои руки Одессу. Домовладельцы, платя без разговора “контрибуцию по бесконтрольному водомеру”, несколько дней терпят нестерпимую жажду»⁸.

В 1890-е гг. Дорошевич успешно сотрудничал в одесской печати, популярность получил его сборник «Одесса, одесситы, одесситки»⁹. Кармен сам неоднократно признавал его влияние. Так, в 1903 г. в письме к Чуковскому, передавая привет Дионео (псевдоним И.В. Шкловского), замечал: «Скажи Дионео, что я воспитывался на его фельетонах, и несомненно и он, как Дорошевич, имел большое влияние на мои писания»¹⁰. Сборник Кармена «Рассказы» (1903) вышел с посвящением Дорошевичу.

⁷ Кармен Л. Рассказы / [вступ. ст. В.П. Катаева]. М.: Художественная литература, 1977. С. 260.

⁸ Корнман Л.О. Мои наблюдения // По морю и суше. 1894. № 63. С. 3.

⁹ Букчин С.В. Влас Дорошевич: Судьба фельетониста. М.: Аграф, 2010. С. 189–245; Дорошевич В. Одесса, одесситы и одесситки: (Очерки, эскизы и наброски). Одесса: Ю. Сандомирский, 1895. 240 с.

¹⁰ Письма журналиста Лазаря Кармена... С. 234.

В 1895 г. Кармен издал «эскиз» «Шестая палата», посвятив его «памяти М. Д.». В фантастическом рассказе-диалоге дается описание палаты чахоточных больных, куда ночью является Смерть, отбирая жизнь юной красавицы¹¹. Отметим, что и в начале 1900-х гг. Кармен создавал литературные этюды, обращаясь к стилизации романтической формы («На вершинах», «В алмазную ночь», «Зимние мотивы», «Весенние мелодии» и другие, опубликованные в «Одесских новостях»).

Сохранился номер «юмористически-карикатурного сборника» «Р-Ракета» (1896), который Кармен издал за собственный счет, его тексты подражали детективным и юмористическим рассказам. Здесь представлены варианты его подписей: «Л. О. К.», «Л. К.», «Л.О. Корнман», «Лазарь К...», включая псевдоним «Кармен» под политическим фельетоном «Трансваальские дела» о провале рейда англичан на Трансваальскую республику в канун 1896 г.¹² Книги и портовый город сформировали его представления о большом мире. В рассказе «У меня на плече» Кармен вспоминал, как «доставал Рокамболя», путешествуя «по всем трущобам Парижа». В 1903 г., откликаясь на предложение Чуковского о поездке в Лондон, писал: «Лондон – моя мечта с 20 лет. Я спал и видел во сне его доки и таверны и Уайтчепель...»¹³.

Упоминая ранние журналы «Эхо Одессы» и «Ракета», которые Кармен выпускал в начале 1890-х гг., Львов-Рогачевский назвал его «прирожденным газетчиком»: «Затем начинается репортаж в одесских газетах... В “Южном обозрении” редактор Цакни первый... предоставил для его очерков из жизни одесского порта так называемый “подвал”. Позднее в “Одесских новостях” развернулось художественное дарование молодого фельетониста...» [Львов-Рогачевский 1927а, с. VIII].

К концу 1890-х гг. определилась основная тематика репортажей Кармена с их социальной направленностью и тесной связью с жизнью порта. В 1900 г. Портовое санитарное попечительство выпустило его очерк «В родном гнезде (из мира «дикарей» Одесского порта)»¹⁴. Предисловие было написано его председателем корабельным инже-

¹¹ Корнман Л.О. Шестая палата: Эскиз. Одесса: Тип. Г.Н. Каранта, 1895. 15 с.

¹² Корнман Л. Ракета: карикатурно-юмористический сборник. Одесса: Изд. Л.О. Корнмана, 1896. 8 с.

¹³ Письма журналиста Лазаря Кармена... С. 234.

¹⁴ Кармен. В родном гнезде (из мира «дикарей» Одесского порта) / изд. Портового санитарного попечительства. Вып. 1. Одесса: Тип. штаба Одесского военного округа, 1900. 22 с.

нером А.А. Иогансоном и открывалось цитатой из работ Н.В. Шелгунова, объяснявшего пьянство рабочих условиями их жизни. «Так оно и есть! – признавал автор. – Наш портовый босяк... “дикарь”, как он окрестил себя со свойственным ему горьким юмором... лишен возможности пить, есть и спать по-человечески». Он писал о работе «скромной и небольшой армии санитаров порта»: год назад введена санитарная обработка nocturnal и фельдшерский осмотр... выстроена чайная и столовая и при ней маленькая библиотека». Здесь же сообщалось: «Л.О. Корнман (Кармен) является членом попечительства и знаком публике по многим очеркам... из жизни порта в “Южном обозрении”, “Народе” и “Одесском листке”». Обращаясь к читателям Иогансон отмечал: «Нам нужна еще помочь извне и сочувствие той части публики, которая так мало знакома с портом», для этой цели решено издать «серию правдивых очерков “из жизни и мира бояков порта”, среди которых немало растерянных и выбитых из колеи интеллигентов»¹⁵.

Именно такой герой был выведен в очерке Кармена «В родном гнезде» – в прошлом «интеллигент... с ясными понятиями о добре и чести, религиозный и трезвый». Причины, приведшие тульского помещика в ряды бояков, где он «отрешился от своего “я” и слился с падшими обитателями порта», не названы, но можно вспомнить о народническом движении 1870–1880-х гг. Работа в трюмах и nocturnal сделали его пьяницей, «здесь научили его утонченной бояцкой браны, богохульству, отвращению ко всему миру и нечистоплотности»¹⁶. Картины порта и рассказ о буднях «помещика» предваряли основную часть очерка – описание «дальнего, полного унижений и страданий» пути героя в родные края. Однако, добравшись до усадьбы, он так и не решился войти в дом. Сквозь зимнее стекло герой увидел сестру и ее мужа и понял, что для него все кончено: «Нет прошлого, нет более родного гнезда, а есть одно настоящее... далеко в порту...». В финальной главке автор сообщал: «Я знал “помещика”, и он сам рассказал мне свою Одиссею...». В дороге тот заболел, на работу не ходил. «Часто я видел его в портовом амбулансе, куда он приползал..., разрывая доброму фельдшеру сердце своими жалобами...»¹⁷. Под эстакадой он «свил себе гнездо из сена, камней, хлопка, рогож и мешков. И здесь его нашли мертвым». Так, название очерка, связанное с представлением о родном доме, меняет свой смысл: «гнездом» называет автор убогое убежище, где «помещик» доживает свои дни.

¹⁵ Там же. С. I–IV.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 21.

Неизбежность возвращения в «мир “дикарей”» предсказана в первой его части, где Кармен сравнивает порт со «страшным полипом», не отпускавшим тех, кто попадал в его «щупальца»: «Люди... возвращались снова в его цепкие и ужасные объятья из трущоб и приютов для того, чтобы здесь “кончить” под эстакадой, в товарном вагоне, у обжорки или просто-напросто в сорном ящике»¹⁸. «Мир праху твоему, брат – друг! – восклицал автор в финале, вновь рисуя широкую картину порта. – Да, велико горе в порту!.. Хлещет это горе горючим потоком под эстакадой, заливает таможенную площадь, спуски, хлещет от конца до конца набережной, и захлебывается, тонет в этом смрадном потоке бедный “дикарь” – ближний»¹⁹.

Призывом к деятельности сочувствию общества к «истинно христианской миссии портового санитарного попечительства» завершалось и вступительное слово Иогансона. Он отмечал, что у Кармена «много неподдельной искренности, любви к страждущей портовой голытьбе и правды, которую автор черпал... в частых экскурсиях по порту, наблюдениях в трюмах и пакгаузах, в дружбе... с портовой братией и в частых ночевках на приютской койке»²⁰. Таким образом, здесь указывались приемы работы репортера, его стремление передать читателю свои живые впечатления.

В 1901 г. в типографии «Одесского листка» был издан сборник «“Дики” (из жизни обитателей Одесского порта)» с посвящением редактору этой газеты А.С. Попандопуло, поддержавшему молодого журналиста. Книга включает семнадцать очерков, большая часть которых была опубликована в «Одесском листке» в 1900–1901 гг.²¹ Каждый из них развивал темы, обозначенные в рассмотренном повествовании о судьбе «помещика», а вместе они создавали единый, но при этом многослойный образ порта – одного из важнейших признаков «одесского текста». Несколько рассказов продолжали тему «выбитых из колеи интеллигентов», оказавшихся среди боярек («Поздно», «Сорочка угольщика», «На мраморном столе», «Матрац поет», «Александрийский мешок», «Без возврата», «Полковник Шрам», «Жаба»).

В рассказе «Сорочка угольщика» звучит тема поруганного человеческого достоинства. Его герой дворянин, а ныне «угольщик Степан». В прошлом он «мечтал о работе на пользу страждущего ближнего», но за двадцать лет жизни в порту «из человека, некогда

¹⁸ Там же. С. 5–6.

¹⁹ Там же. С. 22.

²⁰ Там же. С. IV–V.

²¹ Кармен <Л. О.> «Дики» (из жизни обитателей Одесского порта). Одесса: Изд. Г.В. Свистунова, 1901. 133 с.

мыслившего, получилось ходячее олицетворение апатии»²². В ответ на укоры за лень и безобразный вид Степан отправляется на разгрузку, доказывая, что все еще способен управлять собой. На заработанные деньги покупает у старьевщицы сорочку, но ее крадут портовые воры и, спасаясь от погони, бросают в него камнем. От тяжелой раны Степан умирает, «не переставая бредить сорочкой», подобно герою гоголевской «Шинели».

В мире «дикарей» Кармен увидел не только жестокость и апатию, но и примеры искренней привязанности и доброты. Так, в очерке «Портовые воробы» («Одесский листок» 1900, № 143, подзаголовок «Босячки одесского порта») рассказана история двух женщин, промышлявших сбором упавшего угля и зерна. Таких называли «воробыми» или «посметюшками», было их человек шестьдесят, что «стреляли» в гавани: «Таньку Босую и Клячу знал весь порт... Обе с утра до вечера... обходили порт... опасливо пряча» свою добычу «от зорких ястребиных глаз “морских акул” (стражников)». В прошлом Кляча помогла освоиться здесь молодой вдове, «и Танька почувствовала к ней дочернюю привязанность». Когда по старости Кляча уже не могла ходить, та заботилась о ней и работала одна, «завязала прочное знакомство со всеми кочегарами... и “джонами” (англичанами), с которыми научилась объясняться по-английски». Однажды Кляча совсем ослабела, Танька побежала продавать свою юбку, чтобы купить хлеба, но по возвращении нашла ее мертвой: «Танька с воплем припала к ней, и под эстакадой раздалось ее горькое рыданье»²³.

Трагична и история героев очерка «В “сахарном” вагоне» («Одесский листок», 1900, № 108) – «отставного бомбардира, участника военной кампании», а теперь «корзинщика» по прозвищу Шкентель и сироты Витьки, к которому тот по-отечески привязался. Зимней ночью старику не смог раздобыть четырех копеек, и сторож не пустил их в приют: «итак нынче девятьсот человек с лишним». Он пытался согреть ребенка в пустом вагоне, но мальчик умер. Трагический финал рассказов подчеркивает одиночество и беззащитность этих добрых по душевному складу людей. Равнодушие и халатность тех, от кого зависят человеческие жизни, показана и в рассказе «Погребальный шкентель» об истории железной цепи (шкентеля), от разрывов которой погибали грузчики.

В очерке «На мраморном столе» («Одесский листок», 1900, № 25, подзаголовок «Порт и его жизнь») повествование ведется от лица репортера. В газете он прочитал о «скоропостижной смерти»

²² Там же. С. 33.

²³ Там же. С. 79.

в трюме английского парохода «неизвестного звания рабочего» и отправился в анатомический покой посмотреть на «неизвестного». У дверей встретил «типичного “дикаря”», пришедшего хоронить друга. Фельдшер провел их в зал. «Комната была мне знакома. Я часто черпал в ней материал для своих газетных заметок», – сообщает рассказчик²⁴. Он понял, что «на столе “интеллигент”», а на обрывке его документа прочитал: «Александр М. ... дворянин». В порту тот работал «полежальщиком» – разравнивал зерно при загрузке – «каторжная работа» в удушающей пыли: за несколько минут элеватор засыпал целый вагон, что требовало от рабочих особой сноровки – многих настигала внезапная смерть. Так и не узнав тайну «неизвестного», они направились на кладбище: «Чьи материнские уста шептали над ним молитву? Что потом выбило его из колеи, толкнуло в порт и привело на этот ужасный стол?!»²⁵. В композиции очерков их финальные строки передают живое авторское сочувствие.

В отличие от приемов романтизации образа боярка, повествования о судьбах «дикарей» у Кармена заканчиваются или смертью героя, или крахом его надежд и признанием личной слабости, и лишь рассказ «Полковник Шрам» имеет счастливый финал («Одесский листок», 1900, № 158, подзаголовок: «Из легенд Одесского порта»). Эту давнюю историю поведал репортеру «надзиратель приморского приюта Иван Андреевич Д. ...». Однако благополучный конец обусловлен не волевым выбором бывшего полковника, а ныне уголышника по прозвищу Шрам, а решительными действиями знатной дамы, разыскавшей его в порту.

В рассказах о боярках Кармен упоминает немало портовых служителей, но фельдшеру Василию Неоновичу Мамонтову посвящает отдельный очерк «Маленький человечек». После службы в армии он был приглашен в Приморский приют: «Порт был тогда в страшном запустении. Санитарный надзор отсутствовал...»²⁶. Его усилиями был создан амбуланс, в первый год его посетило свыше пяти тысяч человек. Под его надзором были все восемь портовых приютов, он обходил их каждую ночь после дежурства. «Он работал... борясь то с одной, то с другой эпидемией, борясь с дикими нравами и скептицизмом порта. И труды его не пропали даром <...> Амбуланс... явился новым маяком, засиявшим в порту ярче и светлее прочих»²⁷. Фельдшер пользовался всеобщим уважением, но о себе говорил: «“Я, ведь, что?! Человечек без всякого образова-

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Там же. С. 109.

²⁷ Там же.

ния, маленький!..” Впрочем, таковы уж все эти честные, скромные маленькие человечки, выполняющие подчас самые великие миссии»²⁸. Сведения об амбулансе и фельдшере Мамонтове содержатся в отчетах Распорядительного Комитета Одесского общества для устройства дешевых ночлежных приютов²⁹. Однако Кармен дает живое представление об этом самоотверженном труженике.

Ряд очерков прямо отражал деятельность Портового санитарного попечительства («Смерть у обжорки», «Сон дикаря»). Особое место в этом цикле занимает рассказ «Осень в порту», изображающий Одесский порт не как «страшный полип», а как единый трудовой организм, дружно работавший летом, но замиравший в ожидании холодов: «И теперь уже в порту – жутко. А давно-ли?! – в жадные трюмы... сыпались... миллионы пудов золотого зерна... Вокруг слышалась английская речь, слышались меткие словца, хохот, голоса удалых сносчиков, весовщиков, баб-мерщиц, мерщиков, стивадоров, форманов, визитировщиков и приказчиков. Давно ли из... германских, французских, итальянских, английских и греческих пароходов... выгружались тысячепудовые машины... котельные листы, прутья, глыбы каррара...?! Жизнь была ключом. Это был праздник рабочих сил, праздник труда. <...> А теперь! Раз-два в неделю привезут хлопок да заглянет “джон” за хлебом»³⁰. В эту пору особенно тяжело «дикарям», а потому, заключая очерк, автор обращался к читателю: если кто-то из них будет просить о помощи – «уделите ему на “хату”, дабы... он мог уснуть и хотя бы на ночь забыть свою боль и горечь»³¹.

Приведенные цитаты иллюстрируют внимание Кармена к языку обитателей порта. Вслед за Дорошевичем, представившим обывательскую среду в фельетоне «Одесский язык» (1895), Кармен передал речь беднейших слоев города. Жаботинский в воспоминаниях «Моя столица» (1930), размышляя об «особых оборотах речи» своих земляков, писал: «На низах, в порту, эта самобытность чувствовалась еще гуще; словарь боячества сохранился, к счастью, в рассказах покойного его бытописателя – Кармена»³².

Сборник «Дикари» принадлежит к корпусу произведений русской литературы, посвященных теме бояжков, ставшей предметом

²⁸ Там же. С. 108.

²⁹ Отчет Распорядительного комитета одесского общества для устройства дешевых ночлежных приютов за 1898–1899 гг. Одесса, 1899. С. 19.

³⁰ Кармен <Л.О.> «Дикари»... С. 119.

³¹ Там же. С. 120.

³² Жаботинский Вл. Моя столица // Жаботинский Вл. Causeries: Правда об острове Тристан да Рунья. 2-е изд. Париж: Сор., 1931. С. 81.

острой полемики, как и множества литературных подражаний после появления рассказов Горького, романтизировавших образ бродяги-маргинала, включая героя «Челкаша» (1894), действие которого также происходит в порту Одессы [Бушканец 2021]. В статье А.С. Изгоева «Молодые одесские беллетристы» (1902), одной из первых ставившей вопрос о формировании «одесской литературы», сборник «Дикари» рассматривался наряду с произведениями А.О. Недолина, М.Е. Змиенко и А.С. Ловенгардта³³. Изгоев подчеркивал принципиальное отличие бояков у Горького и Кармена: если горьковские герои, по словам критика Андреевича, «образ чисто лирический, созданный тоской и обидой», то в очерках Кармена «нет намека на художественную поэзию», он «внимательный бытописатель-публицист», обладающий «ярко выраженной общественной нотой». Отмечая влияние Дорошевича, критик указывал, что автор нередко стущает краски в стремлении «произвести на публику более сильное впечатление».

Подобное замечание высказал и В.Г. Короленко («Русское богатство», 1901, № 9). На примере рассказов «В сорном ящике» и «Сон дикаря» он отметил, что Кармен увлекается «беллетристическим живописанием» тяжелых условий жизни в ущерб психологической и даже «физиологической» достоверности героев. В то же время писатель признавал, что у него «рассеяно много черточек, словечек, указаний», свидетельствующих о том, что «автор внимательно присматривался к жизни обитателей порта». Среди «набросков, написанных просто и не лишенных интереса», Короленко отметил рассказы «Старая арфа», «Погребальный шкентель», «Поздно» и «Портовые воробы»³⁴.

После газетной публикации очерка «В сорном ящике» о бояке, жившем в ящике с отбросами, коллеги Кармена высказали ряд скептических замечаний, которые сам автор приводил в своей полемической статье «О бояках» («Одесский листок», 1900, № 308), отстаивая необходимость освещать в печати неприглядные стороны жизни. Он отметил, что его очерк «Человек в сорном ящике»³⁵ раскритиковал «один из местных журналистов», обвинив его в подражании Горькому и создании «вымыщенного» сюжета, дру-

³³ Изгоев А.С. Молодые одесские беллетристы // Южнорусский альманах Ю. Сандомирского. Одесса, 1902. С. 164–172.

³⁴ Короленко В.Г. Кармен. «“Дикари”: Из жизни обитателей Одесского порта» // Короленко В.Г. О литературе / сост., подгот. текста и примеч. А.В. Храбровицкого. Москва: Гослитиздат, 1957. С. 337–339.

³⁵ Кармен <Л.О.>. Человек в сорном ящике (Из жизни одесского порта) // Одесский листок. 1900. № 189.

гой – назвал его «нашим Виктором Гюго выгребных ям». Возражая критикам, Кармен писал: «А между тем и сорный ящик в порту, и люди, спящие в нем, существуют <...> А о бояксе надо говорить до хрипоты глотки, ибо армия бояков растет страшно... В одном только одесском порту бояков свыше 4000...»³⁶.

Профессор Новороссийского университета А.И. Маркевич в одном из докладов в Литературно-артистическом обществе отметил, что Кармен «правдивее описывает быт “бояков”, чем Горький». Эти слова были приведены в заметке о Кармене в газете «Елисаветградские новости»³⁷. Возможно, они прозвучали в обсуждении его лекции «Максим Горький и причины его литературной популярности» («Южные записки», 1903, № 11–13). Маркевич отмечал, что «Горькому удалось поставить “бывших людей” и бояков на первый план <...> Вопрос только в том: типичны ли его изображения <...> насколько я знаю одесский пролетариат (а я знаю его не дурно), он не совсем похож на тот, какой изображен Горьким»³⁸. Эта оценка имела особое значение, поскольку Маркевич более двадцати лет был секретарем Распорядительного комитета одесского общества для устройства дешевых ночлежных приютов. «Отзывчивый к нуждам бедного люда, он... по целым часам беседовал с ними в приютах и помогал им материально», – свидетельствовали его коллеги³⁹. Спустя десятилетия подобное сравнение повторил Жаботинский в романе «Пятеро», где, вспоминая о Кармене, писал: «Милый он был человек, и даровитый; и бояков знал гораздо лучше, чем Горький, который, я подозреваю, никогда с ними по-настоящему и не жил, по крайней мере, не у нас на юге»⁴⁰.

В статье «О бояках» Кармен подчеркивал, что Горький первым заговорил о них, «сорвал завесу с “Въезжей” улицы и показал “бывших людей” ... Вслед за Горьким явился Свирский... и другие молодые начинающие беллетристы, знакомящие публику с ужасами той же жизни». Заслугу Горького он видел в постановке темы боячества: «освещая ее, Горький, а также и другие, вселяют в общество по отношению к “бывшим и погибшим людям, дикарям” сострадание».

³⁶ Кармен <Л.О.> О бояках // Одесский листок. 1900. № 308. С. 1.

³⁷ Кармен Л. Иди в долину слез // Елисаветградские новости. 1903. № 2. С. 3.

³⁸ Маркевич А.И. Максим Горький и причины его литературной популярности // Южные записки. 1903. № 11–13. С. 480–481.

³⁹ Отчет Распорядительного комитета одесского общества для устройства дешевых ночлежных приютов за 1902–1903 г. Одесса, 1903. С. 23.

⁴⁰ Жаботинский В. Пятеро // Жаботинский В. Полное собрание сочинений: В 9 т. Т. 1. Минск: МЕТ, 2007. С. 311.

Таким образом, для Кармена был важен нравственный вопрос, а не приемы натуралистического описания или романтизации образа бояка. Негативное отношение к «босяцким бытописателям», как и критику коллег в свой адрес, он рассматривал как попытку поставить под сомнение деятельность Портового санитарного попечительства и потому подчеркивал значение помощи, которую оно оказывало: «С одной стороны, литература знакомила публику с ужасами обжорки... приютов, трюмов, пребывания бояка в сорном ящике и проч. и проч., а с другой – санитарное попечительство произвело основательную дезинфекцию всех клоповников-приютов... выстроило в самом центре порта чайную и столовую...». Для некоторых «бывших людей» удалось найти работу, другим помогли вернуться в родные края. Кармен признавал, что многие из бояков «народ отпетый», но есть и те, кто «рвется назад, “к жизни”, и их необходимо поддержать: «Я думаю, это могут сделать специально организованные наподобие “армии спасения” общества и санитарные попечительства», – отмечал он в заключении своей полемической статьи⁴¹.

На рубеже XIX–XX вв. о бояках писали и другие одесские литераторы, включая Ал. Недолина, М.Б. Полиновского, С.С. Полятуса, А. Чивонибара (псевдоним А.Х. Рабиновича), С. Юшкевича. Однако именно Кармену удалось не только в деталях изобразить их горестный быт, но и призвать к деятельности помощи: «....любовь к униженным роднит Кармена с читателями, создает между ними общение, поддерживает молодого писателя», – замечал Изгоев⁴². Сборник «Дикари» получил известность не только в России. В 1903 г. Кармен писал Чуковскому об издании в Дрездене его книги на немецком языке под названием «Die Wilden»: «Мне сообщают, что она имеется во всех библиотеках Вены и о ней хорошо отзываются. Перевела “Дикарей” ... Юлия Гольдбаум, переведшая Гаршина и Горького»⁴³.

Анализируя сборник «Дикари», Изгоев назвал Кармена «проповедником “деятельного добра”, сторонником “малых дел”»⁴⁴, что отсылало к дискуссиям вокруг идей легальных народников П.П. Червинского, И.И. Каблицы и известной статьи Я.И. Абрамова «Малые и великие дела» (1896) [Зверев 1997, с. 274–297]. Раннее творчество Кармена отражает влияние народнической литературы, не случайно среди его героев немало «бывших интеллигентов»,

⁴¹ Кармен <Л.О.> О бояках.

⁴² Изгоев А.С. Указ. соч. С. 169.

⁴³ Письма журналиста Лазаря Кармена... С. 233.

⁴⁴ Изгоев А.С. Указ. соч. С. 168.

однако его очерки принадлежат к литературе «городской России» [Львов-Рогачевский 1927б, с. 109–112].

Раннее творчество Кармена не ограничивалось темой порта, в его публикациях в «Одесском листке» и «Одесских новостях» есть немало наблюдений о жизни горожан, о работниках артелей, цирковых артистах, театральной публике и народном театре, о медиках и санитарных службах города. Так, в очерке «У костра» показана работа Иогансона и студентов, пришедших на помошь Портовому санитарному попечительству для борьбы с эпидемией⁴⁵. Летним путешествиям посвящены очерки «В провинции», «Херсон» и «Бессарабия», городские сценки представлены в юмористических рассказах «Панглосс в Одессе», «Страховой Юпитер», «Господа попечители», «На ярмарке» и других.

О росте литературного мастерства Кармена свидетельствует сборник «Рассказы» (1903), включавший тексты, опубликованные в «Одесском листке» и «Одесских новостях»⁴⁶. В 1904 г. с посвящением «В. Гаршину» был издан сборник «Дети-глухари (из жизни детей Одесского порта)» с рассказами из «Одесского листка» (1900 г. № 96, 100, 108, 254)⁴⁷. Поясняя название, Кармен писал, что детей, чистивших корабельные котлы, в порту называют «шариками», однако он «окрестил их “глухарями”, так как тяжесть их работы подобна “глухарям” Гаршина». Имелся в виду его рассказ «Художники» (1879), один из героев которого оставляет живопись, чтобы стать учителем и трудиться для народа. К этому решению его приводит работа над картиной «Глухарь» – так называли рабочих, терявших слух при клепке корабельных котлов. В очерке «Дети-“глухари” (Шарики)» репортер, как и художник Гаршина, спускается в котел, чтобы увидеть маленьких тружеников. Он замечает шалости и детскую любознательность, но в целом описывает их тяжелую участь: «шарики» – «дети безысходной нужды и горя». В сборник вошел упоминавшийся очерк «В “сахарном” вагоне»: замерзший Витька был одним из портовых «шариков». Гибелью ребенка заканчиваются рассказы «Мама!» и «Жертва котла».

В заключение отметим, что ранее творчество Кармена способствовало становлению «одесской литературы» со свойственными ей темами и образами, а также общим демократическим настроем. Изображения порта и моря как знаковых составляющих «одесского текста» получили яркое отражение в рассказах 1900-х гг. Помимо

⁴⁵ Кармен <Л. О.> У костра // Одесские новости. 1901. № 5464, 5465.

⁴⁶ Кармен <Л. О.> Рассказы. Одесса: Изд-во М.С. Козмана, 1903. 208 с.

⁴⁷ Кармен <Л. О.> Дети-глухари. Одесса: Тип. Гальперина и Швейцера, 1904. 41 с.

описания быта и ментальности боярков, значимую роль играли картины гавани, сведения о различных службах порта, включая Портовое санитарное попечительство, членом которого Кармен состоял и в своих текстах приводил информацию из их отчетов, что подчеркивает документальную основу его публикаций. В них отразилось стремление автора показать значение конкретных «малых дел», направленных на борьбу с тяжелыми условиями жизни беднейших слоев Одессы. Популярность очерков Кармена свидетельствует о влиянии одесской печати на процесс самоорганизации общественности города, поддержку важных социальных инициатив, добровольных и благотворительных обществ, появившихся на рубеже XIX–XX вв.

Литература

- Бушканец 2021 – *Бушканец Л.Е.* Максим Горький и мода на боярка в начале XX в. // *Российские исследования*. 2021. Т. 2. № 3. С. 51–70.
- Зверев 1997 – *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России, от сороковых годов к девяностым годам XIX в. М.: Уникум-центр, 1997. 365 с.
- Иванова 2008 – *Иванова Евг.* Трое // *Лехаим*. 2008. № 7 (195). URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/troe> (дата обращения 14.07.2025).
- Кацис 2019 – *Кацис Л.* «Русская весна» Владимира Жаботинского. М.: РГГУ, 2019. 826 с.
- Ладохин, Ладохина 2017 – *Ладохин Ю.Д., Ладохина О.Ф.* «Одесский текст»: солнечная литература вольного города. [Екатеринбург]: Издательские решения, 2017. 311 с. (Из цикла «Филология для эрудитов»)
- Лекке 2016 – *Лекке М.* Одесса: Южный город в творчестве И. Бабеля, Э. Багрицкого и Ю. Олеши // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. М.: Книжники: изд-во «Литературный музей», 2016. С. 643–660. (Серия «Чайковская коллекция»)
- Львов-Рогачевский 1927а – *Львов-Рогачевский В.* Предисловие // Кармен Л. Накануне: Рассказы. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. С. V–IX.
- Львов-Рогачевский 1927б – *Львов-Рогачевский Вл.* Новейшая русская литература. 7-е изд. М.: Мир, 1927. 424 с.
- Панасенко 2016 – *Панасенко Н.Н.* Заступник портовых боярков // Дерибасовская-Ришельевская: Альманах. Одесса, 2016. № 66. С. 72–85. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/natalya-panasenko-odesskoe-okruzhenie-k-chukovskogo-lazar-karmen> (дата обращения 14.07.2025).
- Семеновский 1979 – *Семеновский О.В.* Он видел небо в алмазах // Семеновский О.В. Молдавская тетрадь: литературно-критические статьи и очерки. Кишинев: Литература артистикэ, 1979. С. 234–262.

- Степанов 2004 – Степанов Е.М. Російське мовлення Одеси / За ред. Ю.Ю. Карпенка. Одеса: Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова, 2004. 496 с.
- Lecke, Sicher 2018 – Lecke M., Sicher E. Odessa in Russian, Ukrainian, Hebrew, and Yiddish literature // The Palgrave encyclopedia of urban literary studies / ed. by J. Tambling. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-62592-8_25-1 (дата обращения 14.07.2025).

References

- Bushkanets, L.E. (2021), “[Maxim Gorky and the ‘Bosyak’ (Tramp) as a social fashion at the early 20th century”, *Journal of Russian Studies*, vol. 2, no. 3, pp. 51–70.
- Ivanova, E. (2008), “The three”, *Lekhaim*, vol. 195, no. 7, availabl at: <https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/troe> (Accessed 14 July 2025).
- Katsis, L. (2019), “*Russkaya vesna*” Vladimira Zhabotinskogo [“Russian Spring” of Vladimir Zhabotinsky], RGGU, Moscow, Russia.
- Ladokhin, Yu.D.and Ladokhina, O.F. (2017), “*Odesskii tekst*”: *solnechnaya literatura vol'nogo goroda* [“Odessa text”. Sunny literature of a free city. Izdatel'skie resheniya, Ekaterinburg, Russia. (*Filologiya dlya eruditov*)
- Lekke, M. (2016), “Odessa. Southern city in the work of I. Babel, E. Bagritsky and Yu. Olesha”, in *Isaac Babel v istoricheskem i literaturnom kontekste: XXI vek* [Isaac Babel in the historical and literary context. 21st century], *Knizhniki, izdatel'stvo “Literaturnyi muzei”*, Moscow, Russia, pp. 643–660. (*Cheisovskaya kollektiya*)
- Lecke, M. and Sicher, E. (2018), “Odessa in Russian, Ukrainian, Hebrew, and Yiddish literature”, in Tambling, J., ed. *The Palgrave encyclopedia of urban literary studies*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-62592-8_25-1 (Accessed 14 July 2025),
- Lvov-Rogachevskii, V. (1927), “Preface”, in Karmen, L., *Nakanune: Rasskazy* [On the eve. Stories], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, USSR, pp. V–IX.
- Lvov-Rogachevskii, V. (1927), *Noveishaya russkaya literatura* [The latest Russian literature], Mir, Moscow, USSR.
- Panasenko, N.N. (2016), “Protector of port tramps”, *Deribasovskaya-Rishel'evskaya: Al'manakh*, no. 66, pp. 72–85, available at: <https://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/natalya-panasenko-odesskoe-okruzhenie-k-chukovskogo-lazar-karmen> (Accessed 14 July 2025).
- Semenovskii, O.V. (1979), “He saw the sky in diamonds”, in Semenovskii, O.V., *Moldavskaya tetrad': literaturno-kriticheskie stat'i i ocherki* [Moldavian notebook. Literary-critical articles and essays], Literatura artistike, Chisinau, USSR, pp. 234–262.

Stepanov, E.M. (2004), *Rociis'ke movlennya Odesi* [Russian speech of Odessa], Odes'kii natsional'nii universitet imeni I.I. Mechnikova, Odessa, Ukraine.

Zverev, V.V. (1997), *Reformatorskoe narodnichestvo i problema modernizatsii Rossii, ot sorokovykh godov k devyanostym godam XIX v.* [Reformist populism and the issue of modernization of Russia, from the forties to the nineties of the 19th century], Unikum-tsentr, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Галина А. Элиасберг, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; gaeliasberg@gmail.com

Information about the author

Galina A. Eliasberg, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gaeliasberg@gmail.com

УДК 82.0(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-42-66

Публицистическая компонента прозы В.С. Гроссмана середины 1930-х гг.: спор в советской критике

Юрий Г. Бит-Юнан

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;

Высшая школа экономики, Москва, Россия,

bityunan@gmail.com

Аннотация: В статье проводится анализ критической рецепции повести В.С. Гроссмана «Глюкауф» и его рассказов, опубликованных в середине 1930-х гг. Особое внимание уделяется публицистическому плану этих произведений и его восприятию в советской прессе. Автор приходит к выводу, что полемика о текстах Гроссмана была обусловлена не только художественными факторами, но и политическими – конкуренцией между руководством СП СССР и Агитпропа.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, «Глюкауф», советская литература, советская журналистика, литературная критика, Г.Н. Мунблит, А.З. Лежнев

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Публицистическая компонента прозы В.С. Гроссмана середины 1930-х гг.: спор в советской критике // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 42–66. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-42-66

The journalistic component of V. Grossman's prose of the mid-1930s. Critical controversy

Yurii G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Presidential Academy, Moscow, Russia;

HSE University, Moscow, Russia, bityunan@gmail.com

Abstract. The article analyzes the critical reception of V. Grossman's story “Glukauf” as well as his short stories published in the mid-1930s. Primary attention is paid to the political side of these texts and its construing in Soviet

© Бит-Юнан Ю.Г., 2025

periodicals. It is concluded that the controversy was not only due to aesthetic factors, but also due to those political: namely – the rivalry between the leaders of Soviet Writers' Union and those in charge of the so-called "Agitprop".

Keywords: V. Grossman, "Glukauf", soviet literature, soviet journalism, literary criticism, G.N. Munblit, A.Z. Lezhnev

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2025), "The journalistic component of V. Grossman's prose of the mid-1930s. Critical controversy", *RSUH/RGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 42–66, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-42-66

Гроссман вошел в писательскую среду в первой половине 1930-х гг., когда время энтузиастов прошло – началась эпоха профессионалов. Поэтому начал он с работы в прессе. И в конце 1920-х гг. зарекомендовал себя как репортер и очеркист [Бит-Юнан 2011].

Затем, в 1932 г., опубликовал в журнале «Литературный Донбасс» повесть о шахтерах «Глюкауф», которую вскоре стал гордо называть романом. В 1934 г. доработанная редакция «Глюкауф» вышла в Москве, в двух издательствах¹. Тогда же он напечатал в «Литературной газете» рассказ «В городе Бердичеве», ставший буквально его визитной карточкой. И, кстати, не без основания. Рассказ многие одобрили [Бит-Юнан, Фельдман 2019, с. 173–193].

Критической рецепции этого рассказа посвящена отдельная статья, вышедшая в 2010 г. [Бит-Юнан 2010]. Фрагментарно о восприятии гроссмановской прозы 1930-х гг. в советской критике писали отечественные и зарубежные филологи [Клинг 2012; Бочаров 1990, с. 15–55; Елина 1994, с. 12–29; Ellis 1994, pp. 12–40, Garrard, Garrard 1996, pp. 17–40; Popoff 2019, pp. 8–35].

Задача этой статьи – описать и изучить ход критической полемики о повести «Глюкауф» и о рассказах Гроссмана, опубликованных во второй половине 1930-х гг.

* * *

Сюжет «Глюкауф» непримечателен. Стандартная производственная повесть. Идет механизация шахты на Донбассе. Инженер-энтузиаст Рейт старается провести ее по оптимальному сценарию, бирократ Шарин пытается помешать Рейту, хотя потом оказывается ему союзником. Есть жертвенная натура – инженер

¹ См.: Гроссман В.С. Глюкауф. М.: Московское товарищество писателей, 1934; Он же. Глюкауф // Год XVII. М.: Гослитиздат, 1934. С. 5–125.

Лунин, проводящий дни и ночи в шахте за расчетами, несмотря на тяжелое заболевание. И умирает он, конечно, там же, в шахте – едва завершив работу. Есть иностранные специалисты – Безольд и Август, которые осознают, что именно СССР – это будущее всего человечества. Реализуется в повести мотив воспитания и перевоспитания. Что же до основной проблемы, механизации шахты, – она, конечно, решена.

Вскоре после московской публикации «Глюкауф» критики принялись за работу. 16 ноября 1934 г. «Литературная газета» опубликовала рецензию Г.Н. Мунблита «“Мера и грация”».

Мунблит начал с рассуждения о том, как скучно жилось тем писателям, которые не застали советскую власть – то есть почти всем: «Творческая история большинства писателей прошлого века начиналась однообразно. Драма в стихах, мрачная и возвышенная, была обычным началом их писательского пути. Условные и типатические страсти героя, носящие звучные исторические имена, сюжеты несложные и громоздкие были обычным материалом их первых опытов»².

У советских литераторов же все не так: «Молодой писатель в наших условиях начинает иначе. Действительность, окружающая его, достаточно значительна в интересна, чтобы в поисках за материалом ему нужно было углубляться в тьму веков». То есть новый политический контекст породил новую жизнь, а вместе с ней – новые творческие условия.

Поэтому «Путь нашего молодого писателя, усеян темами. Мир, окружающий его, никем никогда не описан». А отсюда – оптимистическое заключение: первая книга советского автора просто не может не быть живой и яркой. Должна быть именно такой, поскольку советский писатель восхищен дивным новым миром. И желание говорить и писать правду той жизни, которую он своими глазами видел, всегда сильнее пустого сочинительства.

Автора «Глюкауф» Мунблит характеризует как человека, чья жизнь связана «с производственной жизнью Донбасса» (это верно: Гроссман работал химиком-аналитиком на донбасской шахте Смолянка II). Поэтому и первая его книга – «о борьбе за механизацию шахты».

Затем дается общая характеристика романа (именно так Мунблит определил жанр «Глюкауф»): «Эта книга – великолепный образец первой книги молодого писателя, пишущего в наших условиях». Услышать от критика о «писателе», «пишущем» в каких бы

² Здесь и далее цит. по: Мунблит Г.Н. Мера и грация // Литературная газета. 1934. 16 нояб.

то ни было условиях – странно. Впрочем, любой критик небезупречен. Оценка же дана высокая – следовательно, автор может быть спокоен. А рецензент теперь может перейти к замечаниям.

Стиль книги, согласно Мунблиту, не идеален. Однако погрешности – из-за желания казаться оригинальным: «В этой книге есть, разумеется, и глаза, “... круглые и светлые, как у только что проснувшегося коршуна, глядящего с вершины высокой сосны на землю”, и солнце “...точно громадный комар, уставший нести налитое кровью брюхо”, и слова “...тяжелые, как зеленые, покрытые мхом камни, крепкие, как стволы дубов и красных пахучих сосен”, и мрак “точно осмелившие крысы, нюхающий глаза”, – словом в книге есть характерная для молодого писателя потребность красиво сравнивать вещи без особой нужды и без желания изобразить их точно».

Впрочем, не все сравнения вычурны и потому неудачны. В книге «по временам возникает чистая и спокойная линия, создающая впечатление верно схваченного, правильно понятого, серьезно продуманного. Тогда исчезает беспокойная красивость повествования, речь становится скромной и сдержанной, и действительность, изображенная автором, предстает в истинных своих очертаниях и цветах, в осмысленном и верном движении».

Есть, по мнению рецензента, и более серьезные художественные проблемы. В частности, сетует он, Гроссман отступает от реалистического стандарта. Советская литература уже успела обрасти штампами. В ней довольно много неживых образов и неправдоподобных ситуаций. Именно таким, «упрощенным» и безжизненным получился один из центральных образов – секретаря шахтпарткома Лунина. «Условно он может быть назван “человеком, не успевающим пообедать”. У Гроссмана о нем так прямо и сказано: “У него всегда получалось так, что времени хватало на все. Только вот пообедать он обычно не успевал...”».

Еще одним симптомом, указывающим на то, что образ взят не из жизни, а сделан из литературных клише, является, по Мунблиту, то, что у Лунина нет личной жизни.

И в-третьих, «“человека, не успевающего пообедать”, гложет тяжелый недуг, причем на настойчивые предложения полечиться он отвечает обычно шутками и лечиться не едет. Поэтому Лунин беспрестанно кашляет и о лечении не помышляет».

Небрежение собственным здоровьем, как нетрудно догадаться, приводит к смерти. Но – смерти, близкой к героической: «И, наконец, неизменным и неизбежным концом этих людей бывает смерть на посту, предшествующая финальной сцене романа, в которой дело, возглавлявшееся покойным, тем не менее одерживает победу. Поэтому Лунин умирает в шахте, куда он спустился про-

верить механизмы перед пуском, но пуск тем не менее проходит успешно».

Отмечу, что Мунблит и прав, и не прав. Причем неправота только подтверждает правоту. Да, Лунин постоянно не успевает пообедать. И да, он болен. Но не просто болен – он сбегает из санатория, потому что работа не ждет. Да и не сказать, чтобы у Лунина вовсе не было личной жизни – он отец-одиночка... Стал же таковым, потому что жена сошла с ума. Он пытался ее лечить – но безрезультатно. Поэтому образ Лунина еще более страдальческий, чем изобразил Мунблит. Ну, а кто-то мог бы счесть, что и более комический.

Двери шахтпарткома были уже заперты, но на длинном бревне возле стены сидело несколько человек. Они негромко о чем-то говорили. Шарин остановился.

– Лунин здесь?

– Здесь, здесь, – ответило несколько голосов.

С бревна поднялся человек.

– Здравствуй, Алексей Антонович, – сказал он, крепко пожимая горячей рукой руку Шарина. – Я тебя по голосу узнал.

Они пошли рядом.

– Ну, как лечился? – спросил Шарин.

– Какое лечение?! – удивился Лунин. – Меня лечить не нужно. Да я, по правде, не досидел до конца в санатории.

– Так. А с женой что?

– Жена – ты ведь знаешь... Возили в Харьков к профессору. Говорят, неизлечимый психоз. Не человек она. Ночи напролет сидит, смотрит в окно и смеется.

– А дети?

Лунин вздохнул.

– Знаешь, Антоныч, целый день котел, а вечером придешь домой... – он оглянулся и заговорил совсем тихо, стыдясь: – Я своим пацанам белье стираю, ей-богу! И доску приспособил, и корыто... Если узнают, беда будет, потеряю весь авторитет. Засмеют шахтеры! Секретарь шахтапарткома ребятишкам штаны стирает... Ну, а что же делать?

Некоторое время они шагали молча. Потом Лунин рассмеялся и закашлялся, придерживая грудь рукой³.

Последние дни Лунина и его последние минуты описаны действительно трагично. Его самочувствие ухудшается. Он слабеет,

³ Гроссман В.С. Глюкауф. М.: Московское товарищество писателей, 1934. С. 40–41.

мучается от головокружения, но оставлять службу не хочет. Не только потому, что полностью посвятил себя работе – он боится белой больничной палаты. Незадолго до смерти его встречает в шахте партийный инженер Ковалевский:

– Как там? – спросил Лунин. – Прошли за ночь сколько?

Он сидел на табурете, опервшись спиной о стену, придерживая рукой неровно и глубоко дышащую грудь. Ковалевский несколько мгновений смотрел на него молча.

– Силой тебя в санаторию отправлю, – сердито сказал он, – завтра в горкое поставлю вопрос ребром.

Лунин отрицательно помотал головой.

– Свяжем! – решительно сказал Ковалевский. – Свяжем и отправим. Дурака нечего валять.

Ковалевский отвлекается на повторно заданный вопрос Лунина о продвижении за ночь и начинает самозабвенно рассказывать о том, как далеко прошли шахтеры. На прощание говорил Лунину: «График на первую смену захвати. Рейт просил привезть».

И Лунин исполняет просьбу Ковалевского. Однако не так, как ожидалось:

...Нашли Лунина в восточном ходке, между одиннадцатой и двенадцатой продольными. Он лежал лицом вниз. Темная лужица крови собралась на земле около его полуоткрытого рта. Лампа валялась на несколько шагов ниже.

Шахтеры посадили его, прислонив, к стойке, но он медленно начал сползать к земле. Лицо его, испачканное кровью и углем, было страшно, губы шевелились, – он, видимо, хотел что-то сказать. Один из шахтеров наклонился над ним.

– График... Рейту... передайте, – чуть слышно прошептал Лунин.

Лунина пытаются спасти, но он уже «спускался в шахту, еще более глубокую и темную, чем шахта № 4»⁴.

Мунблит настаивает, что этот образ типический. Таких в советской литературе много. Но общее место – это не всегда хорошо. Автору, равно как и критику и читателю, следовало бы задаться, как минимум, двумя вопросами: «<...> правдив ли этот образ, во-первых, и положителен ли он, во-вторых?».

На оба вопроса Мунблит дает однозначно отрицательный ответ: «Этот образ незаметного и самоотверженного героя, всего

⁴ Там же. С. 179–180.

себя отдающего любимому делу и гибнущего ради него, был совершенно реален в условиях партийного подполья дореволюционных лет. Тогда он впервые и был описан. И тогда этот образ был героичен, тогда жизнь “незаметного героя” была подвигом, заслуживающим восхищения и подражания <...> Но условия изменились. Лишения перестали быть вынужденными для такого человека, если он стал секретарем шахтпарткома, отсутствие “личной жизни” не определился теперь необходимостью конспирации, а небрежение к своему здоровью в сущности родственно небрежному отношению к механизмам, которое препятствует у нас внедрению социалистических методов трудом». Да и вообще, заключает Мунблит, если так умен Лунин, то что ж он не находит времени на обед?

Вопрос кажется не столько резонным, сколько комичным. С другой же стороны, Мунблит прав. Время крайней жертвы во имя идеи прошло. И личное счастье уже неизбежно противопоставлять концепции общественного блага. Основы социализма ведь построены, что провозглашено еще в феврале 1934 г. на XVII съезде ВКП(б). Поэтому патетическая сцена смерти Лунина выглядела и несуразно, и идеологически несвоевременно.

В завершение – снова о достоинствах книги. В ней, уверен критик, есть меткие сравнения, и психологически верные описания мыслей и поступков героев, и прочувствованные диалоги, и т. п. Все это и есть «те самые “мера и грация”, которые, по словам Островского, составляют сущность искусства».

Образованный читатель еще в заглавии рецензии распознал бы цитату из пьесы А.Н. Островского «Таланты и поклонники». Один из ее героев, Мартын Прокофьев Нароков, «помощник режиссера и бутафор, старик», раздражен откровенно бездарной игрой Трагика. Не стерпев, он восклицает: «Ничего ты не сделаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и так расстроен, а ты шумишь без толку. Мука мне с вами! У всех у вас и много лишнего, и многое не хватает. Я измаялся, глядя на вас. У комиков много лишнего комизма, а у тебя много лишнего трагизма; а не хватает у вас грации... грации, меры. А мера-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!»⁵.

Более подробной и вдумчивой была, пожалуй, рецензия А.З. Лежнева «Чувство товарищества», опубликованная в февральском выпуске журнала «Красная Новь». Лежнев не скучился на комплименты. По его словам, когда он берет в руки книгу нового

⁵ Островский А.Н. Таланты и поклонники // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 5. М.: Искусство, 1975. С. 236.

автора, он пытается «уловить характер его интонаций, особенность его голоса»⁶. У Гроссмана же голос «теплый, мягкий и задушевный». Кроме того, «Он склонен видеть в людях хорошее и тяготеет к героям положительным». Эта особенность проявляется и в романе «Глюкауф». В нем – около двадцати героев. И только трех или четырех из них, по мнению Лежнева, можно отнести к отрицательным – да и то не безоговорочно.

Предваряя критические замечания, Лежнев спешит оправдать Гроссмана. По словам критика, остановившись на такой теме – механизация шахты – и предпочтя линейную композицию, Гроссман выбрал «самые невыгодные, “неблагодарные” условия, где автору не помогают ни занимательность фабулы, ни эффектность построения, ни красочное многообразие жизненного материала и где он вынужден работать самыми простыми средствами на материале трудном и жестком».

Почти все проблемы «Глюкауф» коренятся именно в «установке», как это называет Лежнев. Однако «есть в его романе и какая-то неподвижность суставов, какая-то скованность, которая говорит об известной несвободе писателя по отношению... даже не к материалу, а к самому своему “ремеслу”». Виной всему – отсутствие опыта. Не более того. В искренности Гроссмана Лежнев не сомневается: «Когда в начале его романа *инженер Рейт* бутылками глушит коньяк, то это значит, что к концу романа он сделается преданнейшим энтузиастом-ударником (пить, разумеется, он перестанет). Когда в первой главе появляется безбилетный деревенский паренек, пробирающийся зайцем в Донбасс, то в последних главах мы паренька этого увидим в составе самой героической из бригад, пробивающей ход на заброшенном и гиблом участке. Положения так элементарны и броски, что развязку их можно предугадать. Это – не фальшивь, не дурная преднамеренность, даже не дидактическая нарочитость, как может показаться с первого взгляда, а всего лишь недостаток опыта, неразвитое чувство различия тяжестей, удельного веса детали и ситуации».

С другой стороны, неопытность обусловила весьма досадные упущения. Ведь Гроссман, как полагает Лежнев, намеревался показать, как меняется человек в новых условиях. Такова его публицистическая задача. Но реализована она лишь отчасти: «Гроссман на внутреннюю работу переосмысливания, происходившую в Рейте, разве только намекнул, и то довольно робко, и поэтому то, что могло быть всего лишь поводом, становится причиной».

⁶ Здесь и далее цит. по: Лежнев А.З. Чувство товарищества // Красная новь. 1935. № 2. С. 219–230.

А ведь там, где «речь идет о “душевном” перерождении, о переделке человека, нужна психологическая краска. Или если уже ограничиваться линией, то она должна быть гораздо более сложной, извилистой, богатой, процесс должен быть дан через гораздо более разнообразную диалектику поступков, чем это имеет место в романе Гроссмана».

И вновь критик стремится оправдать автора. Говорит, что Гроссман явно руководствовался принципом простоты. Не нужно лишнего. И все же «Методы могут быть разными, но исходное остается неизменным: развернутая диалектика психической жизни. Гроссман против этого погрешил. Поэтому его установка обращается против самой себя, его “безыскусственность” становится нарочитостью, и его правда порой отзывает фальшью».

Усугубляется ситуация, по Лежневу, тем, что Гроссман, решая публицистическую задачу, сочетает голую правду с «плакатным началом». Под «плакатностью» рецензент подразумевает утрированные, близкие к карикатуре образы и ситуации: «Более резко сказывается плакатное начало в обрисовке таких персонажей, как Безольд. При изображении Рейта или Сеньки плакатность получилась помимо воли автора. Она чувствовалась не непосредственно, а лишь при сопоставлении разновременно данных ситуаций. Безольд же намеренно дан в плакатных, шаржированных, упрощенных формах».

На это можно было бы возразить, что автор, вероятно, и добивался такого эффекта. Но Лежнев этот аргумент отвергает: «Сатирический плакат действует всего чаще при помощи всем знакомых, ходовых образов, которые он шаржирует, доводит до крайней, преувеличенной простоты и яркости. Точно так же Гроссман повторяет ходовой образ немца-мещанина, но вставляет этот шарж в реалистическую “раму”, вводит свою маску в толпу “обыкновенных”, реалистически “одетых” лиц. Она бы не стала колоть глаз, если бы все вокруг было в том же литературном измерении, в том же упрощенном роде, – хотя тогда уже следовало бы ее сделать злее, хлеще, остроумнее. Но сейчас, когда сделанная плакатно она должна восприниматься как реалистическая фигура, все ее пороки, вся условная фальшь стертого образа выступают особенно явственно».

Нет диалектики правды и в характере героев. Те, что не «плакатные», все равно выглядят неживыми. И Гроссман, решает Лежнев, это чувствует. И поэтому пытается как-то это исправить. Ставит героя в такие ситуации, которые должны раскрыть различные стороны его души. В качестве примера он приводит две сцены: Шарин (один из инженеров, друг Лунина) в своем кабинете и Шарин на похоронах Лунина. За работой Шарин всегда холоден

и собран – на похоронах он плачет о покойном друге. Лежнев так это комментирует: «Сами по себе, несмотря на свои недостатки, они, может быть, не так уже плохи. Возложенную на них задачу – броской характеристики посредством действия – они разрешают, и даже с избытком. Но в том-то и беда. Это намеренное сталкивание контрастов, это быстрое поворачивание персонажа по спирали то одной, то другой его стороной, так, чтобы он характеризовался посредством ряда близко стоящих во времени и резко отличных по знаку действий и реплик, эта малая диалектика формы – чисто драматургический прием».

Перед нами ведь не драма, а то, что заявлено как роман. У романа же – «другие темпы и другие средства. У него есть преимущество психологического комментария. Он может обосновать характер детальнее, тоньше, полнее. Он теряет по сравнению с драмой в действенности. Он выигрывает в разработанности мотивировок».

Отсюда вывод, не артикулированный, впрочем, критиком: отсутствие техники и опыта вывели «Глюкауф» за рамки декларированного жанра. Не получилось романа. То же, что получилось, написано довольно неумело – и оттого звучит фальшиво. Но это, акцентирует Лежнев, не потому, что автор неискренен, а потому, что «Глюкауф» – книга, обязывающая Гроссмана к той работе, которая ему не только неинтересна, но и противоестественна. Дело в том, что Гроссман разрывается между двумя закономерностями: «...первая закономерность – это стремление к жизненной естественности и стилистической скромности, к простому повествованию, окрашенному в теплые и мягкие тона, к безыскусственной, но связной конструкции. Вторая закономерность – в настоятельной потребности прорвать связный строй взволнованной и горячей речью, лиризмом, патетикой, ввести столкновение напряженных контрастов, парадоксально заострить ситуацию».

Так, «Глюкауф», согласно Лежневу, вынуждает Гроссмана подавлять собственное воображение. Это приводит автора к необходимости бороться с самим собой – и борьба эта «отражается на фактуре его произведения. Она как бы стирает яркий налет красочности, цветную чешую с его поверхностей».

В заключение нарочито деликатный Лежнев буквально осыпает Гроссмана комплиментами. Все сказанное выше, настаивает критик, не более, чем замечания. Все сочинения Гроссмана проникнуты «чувством товарищества». «Оно доходит у Гроссмана до пафоса, оно становится основным тоном его произведений – не только «Глюкауф», но и «Города Бердичева» и «Большевика» – оно делается у него принципом оценки: ценность человека, ощущается им в зависимости от того, насколько тот умеет отдаваться общему

делу и общему порыву. Он влюблен в людей, которые живут рядом с ним — и рядом с ним, плечом к плечу, делают общую великую работу».

Иначе говоря, «Глюкауф» был встречен критиками благожелательно. Лежнев оказался более вдумчив и, пожалуй, более критичен, нежели Мунблит. Однако отметил, что определенные удачи есть как в публицистическом, так и в художественном аспекте. Не исключено, кстати, что в названии рецензии содержался намек. Лежнев был перевальцем, общался с И.И. Катаевым и Н.Н. Зарудиным, которых Гроссман хорошо знал [Бит-Юнан, Фельдман 2019, с. 173–193]. Да и «Красная Новь» — перевальский журнал. Следовательно, товарищ рецензировал работу товарища. Отсюда столь дружеское отношение к автору.

В 1935 г. вышел сборник из 12 рассказов под заглавием «Счастье». В него вошли «Жизнь Ильи Степановича», «Главный инженер», «Запальщик», «Рассказик о счастьи», «Еще о счастьи», «Счастье», «Горе», «Женщина», «В городе Бердичеве», «Товарищ Федор», «На рассвете», «Пурпур». Подписан к печати он был 26 мая⁷. Следовательно, вышел во второй половине июня или в июле. Девятого августа «Литературная газета» напечатала отзыв Г. Дмитриева — «Счастье».

Критик проигнорировал традицию начинать с комплимента: «Книга рассказов В. Гроссмана прежде всего наводит на размышления о пользе хронологии»⁸.

Интрига закручивается: «Полтора года назад этот, тогда никому не известный, автор впервые напечатал (в «Литературной газете») два своих рассказа. Оба они были столь запоминающимися и крепко сделанными, что без всякого риска можно было признать В. Гроссмана не за подающего надежды новичка, а за уже сложившегося и талантливого писателя, который до своего литературного дебюта написал, вероятно, не одну дюжину рассказов». Благодаря же скорой публикации «Глюкауф» автор «утвердил за собой эту репутацию».

Дмитриев продолжает: «И вот новая книга его рассказов. Если прочитать ее подряд и ни над чем не задумываясь, то общее от нее впечатление будет очень странным. Два-три блестящих рассказа, столько же более или менее приемлемых, а остальные — ученически старательные, художественно робкие и наивные». Закрывается абзац вопросом: «Неужели они написаны одним и тем же автором?».

⁷ См.: Гроссман В.С. Счастье. М.: Советский писатель, 1935.

⁸ Здесь и далее цит. по: Дмитриев Г. Счастье // Литературная газета. 1935. 9 авг.

Впрочем, сам же критик на этот вопрос и отвечает: «Но в том-то и дело, что автор – не один и тот же».

А дело все в том, что «В книгу своих новых рассказов В. Гроссман включил рассказы, которые когда-то Он писал и не печатал, на которых он, по существу, учился писать и которые рядом о его действительно хорошими рассказами кажутся написанными совсем другим, не очень уверенным писательским почерком».

Знал ли Дмитриев, что в сборнике «Счастье» были рассказы, написанные в разные годы, или просто предположил – неизвестно. Быть может, его безапелляционность вызвана стремлением смягчить инвективы. И тем не менее «Читательское представление о В. Гроссмане эта книга снижает; а будь ее рассказы точно датированы, она наглядно показала бы читателю, как постепенно росло и развивалось дарование В. Гроссмана».

Удачны в этой подборке, по Дмитриеву, всего несколько работ: «В городе Бердичеве», «Счастье» и «Товарищ Федор». «Счастье», как уже отмечалось, третье название рассказа «Отдых», напечатанного еще «Литературным Донбассом». Иначе говоря, из 12 рассказов хороши три опубликованных ранее в прессе⁹. Результат чуть ниже среднего.

1936 г. начался для Гроссмана с публикации рассказа «Четыре дня» в «Замени»¹⁰. А уже в феврале в издательстве «Художественная литература» был подписан к печати сборник его рассказов. Назывался он «Четыре дня. Рассказы»¹¹.

Ориентировался ли прозаик на рецензию Дмитриева, сам ли провел работу над ошибками – те рассказы, которые были раскритикованы («Пурпур» и «На рассвете»), не включил, как и некоторые другие. Зато добавил новые: «Четыре дня», «Весна», «Муж и жена», «Сын», «Пограничник», «Цейлонский графит».

Подписана к печати книга была 13 мая. А через неделю, 20 мая, в редакции журнала «Знамя» состоялся так называемый «декадник». Тогда же проводился творческий вечер Гроссмана. Он читал рассказ, заверстанный в июньский номер «Знамени», – «Инспектор безопасности». Этот рассказ вызвал у части присутствовавших недовольство. Подробно об этом писал критик по фамилии Дельман в заметке «Декадники «Знамени»».

⁹ См.: Гроссман В.С. В городе Бердичеве // Литературная газета. 1934. 2 апр.; Он же. Большевик: Третий рассказ о счастье // Литературная газета. 1934. 26 апр.; Он же. Товарищ Федор // 30 дней. 1935. № 1. С. 15–25.

¹⁰ См.: Гроссман В.С. Четыре дня // Знамя. 1936. № 1. С. 12–46.

¹¹ См.: Гроссман В.С. Четыре дня: рассказы. М.: Художественная литература, 1936.

Сначала он кратко пересказал произведение: «Герой рассказа – инженер Корольков. Это безропотный и скромный человек, маскирующий свою застенчивость нарочитой грубоостью и ворчливостью, труженик, преданный своему сложному и опасному делу. Он работает в провинции, но, оказывается, в Москве давно заметили Королькова, давно следят за его работой, в которой лично он не видел ничего героического. И вот неожиданно – приказ т. Серго Орджоникидзе о премировании Королькова и о переводе его в Москву»¹².

Казалось бы, обычный рассказ про советского работника, отмеченного высоким начальством. Однако «М. Левидов и Б. Ромашев, выступившие в прениях, считают, что Гроссману не следует тратить большое дарование на воспевание “среднего” человека, каким, по их мнению, является инженер Корольков». К ним присоединился и В. Перцов. Все вместе они «возражают против стремления автора возродить в советской литературе образ так называемого “маленького” человека».

Впрочем, у Гроссмана были не только критики – защитников оказалось еще больше: «Против этих доводов категорически выступили тт. Р. Ким, Юр. Яновский, А. Исадах, С. Вашенцев, А. Тарасенков. По их мнению, В. Гроссман в разработке несложного, как будто, сюжета обнаружил большую вдумчивость, теплоту, граничащую с лирическим раскрытием темы; сумел показать в “обыкновенном”, на первый взгляд, случае необыкновенность нашей обстановки».

Образ Королькова, по мнению поддержавших Гроссмана, вполне удачный. «Неверно утверждение, будто в лице Королькова писатель дает апологию посредственности. Корольков – один из представителей той героической массы, которая движет революцию, которая создает для страны мощную хозяйственную и техническую базу, предпосылки ее дальнейшего развития».

Дискуссия о писательском методе Гроссмана продолжилась осенью 1936 г. «Правда» опубликовала статью А.Ф. Гурштейна «В поисках простоты». Критик утверждал, что Гроссман «еще до сих пор не освободился от влияния писателей, зараженных скептицизмом старой, умирающей культуры», а герои его произведений – чаще всего с «червоточинкой»¹³.

Неуместны, по словам Гурштейна, были два образа. Безумная старуха, которая смеется, радуясь тому, что просто живет

¹² Здесь и далее цит. по: Дельман В. Декадники «Знамени»: Творческий вечер В. Гроссмана // Литературная газета. 1936. 24 мая.

¹³ Здесь и далее цит. по: Гурштейн А.Ш. В поисках простоты // Правда. 1936. 12 нояб.

на белом свете («Рассказик о счастье»). И старый шахтер-взрывник, решивший встретить смерть в шахте: он заложил там заряд – и подорвал себя («Запальщик»). Однако, утверждал критик, «“червоточинка” определяла не только характеры героев у Гроссмана, она становилась определяющей для всего художественного построения. Скептицизм вносил фрагментарность, обрывочность в форму повествования. Потому что скептик не видит граней, для него не существует “начала” и “конца”, он во всех явлениях видит извечную повторяемость и на все машет рукой: “всякое, мол, бывало!...”»

И все же Гурштейн несколько смягчил упрек. Подводя итоги заявил, что «последняя книга В. Гроссмана “Четыре дня” свидетельствует о любопытных поисках автора, о его стремлении освободиться от чуждых его собственной природе влияний...». Эта оценка даже подтверждала, что Гроссман лоялен – по убеждению. Он – свой, хоть еще и «недостаточно проникся духом эпохи», как тогда говорили. Так что ему, да и всем остальным «недостаточно проникшимся» надлежало сделать выводы.

Трудно сказать, сделал ли Гросман те выводы, что подразумевались Гурштейном. Однако стоит отметить, что публикации в «Литературной газете» и «Правде» обусловлены не только спецификой гроссмановского подхода к работе писателя. Были и другие факторы.

Гроссман в 1930-х гг. показывал высокие результаты. Печатался часто и помногу. Причем регулярно его публиковали два авторитетных советских издания: «30 дней» и «Знамя». Последний журнал для Гроссмана вообще стал чуть ли не родным домом. Даже его творческий вечер проходил в редакции «Знамени». С 1934 г. Гроссман – кандидат в члены СП. Однако у СП был серьезный конкурент – Отдел пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), так называемый Агитпроп. В 1935–1938 гг. он официально назывался Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК.

Раскритиковавшие в мае 1936 г. Гроссмана литераторы были людьми весьма известными. В.О. Перцов и М.Ю. Левидов были в 1920-х гг. ЛЕФовцами. Идейными врагами своими считали в первую очередь литературную группу «Перевал» – это роднило их с РАППом. А значит, Гроссман был для них «обязательной мишенью». Ведь его кандидатуру изначально лоббировали именно перевальцы [Бит-Юнан, Фельдман 2019, с. 173–193].

С другой стороны, у Гроссмана всегда было достаточно союзников. До конца 1936 г. «Знамя» опубликовало две большие хвалебные статьи о малой прозе Гроссмана. Первая была написана Мунблитом. Называлась она «Книги для чтения».

Ироничный Мунблит начинает рассуждение с противопоставления литературы стахановскому движению. Пусть последнее и началось вроде бы спонтанно, «оно было всесторонне изучено, об'яснено, закреплено и расширено». Литература же «по обыкновению, была застигнута событиями врасплох»¹⁴.

Далее критик делает небольшой экскурс в историю ранней советской литературы. Снова в ироничной форме: «По страницам журналов и книг бродили в это время чудо-богатыри в промасленных блузах, перевыполняющие план с помощью таинственных сил природы, наделившей их непостижимой для людей выносливостью, оперные певцы, во многом не согласные с советской властью, чудаковатые профессора, любившие молодых девушек, плакали какие-то женщины, брошенные мужьями, шагали розовощекие парни с кумачевыми полотницами в руках, – словом все шло своим чередом, нимало не предвещая надвигающихся событий».

Литература должна не просто поспевать за историей – опережать ее: «Между тем литература, будь она на достаточной высоте, еще вчера обязана была содержать в себе рассказы о людях, которым завтра суждено было произвести переворот в технике».

Единственным, правда, послаблением для литературы было то, что «Этих людей не нужно было придумывать. Они существовали, и то, что суждено им было совершить завтра, было подготовлено тем, каковы они были вчера». Однако таким образом задача «придумывания» сменяется задачей правильного изображения: «Ведь действительность наша замечательна именно тем, что она сама по себе убеждает. И задача писателя лишь в том и заключается, чтобы верно понять ее и ясно, подробно и точно изобразить».

Поэтому и проблемы современной литературы, по Мунблиту, – не в дефиците жизненного материала, а в том, чтобы уловить самые выразительные и яркие детали. Ей не хватает подробности, точности и ясности. Причем ясности – «в пушкинском понимании этого слова, делающей самые сложные вещи простыми, самые отвлеченные понятия – конкретными». Иначе говоря, советским писателям недостает правильной простоты.

Мастера и законодатели советской литературы этого будто не признают. И поэтому не столько помогают талантливой молодежи, сколько расходуют их талант понапрасну: «Много говорят у нас о новаторстве в литературе, о необходимости искать новую форму для нового содержания. Молодому писателю, по мнению некоторых теоретиков и творцов, приличествует появляться в литературе

¹⁴ Здесь и далее цит. по: Мунблит Г.Н. Книги для чтения // Знамя. 1936. № 11. С. 214–219.

в сомнамбулическом состоянии “исканий”, молодому писателю приличествует быть непонятным, дружба с читателем зазорна для молодого писателя. И молодые писатели в большинстве своем следуют указаниям законодателей литературной моды».

Впрочем, недавно появились «два неловких молодых человека», которые «грубо нарушили этот любовно разработанный ритуал». Это В.С. Гроссман и Ю.П. Герман: «В журналах стали появляться рассказы дотоле никому неведомого Василия Гроссмана, вызывавшие серьезные опасения литературных церемониймейстеров неожиданной и вызывающей своей простотой, а вскоре затем на голову им свалился роман Юрия Германа “Наши знакомые”, принятый читателем с горячностью, просто ни на что не похожей».

Успех Гроссмана и Германа оказался настолько масштабным, что насторожились, по мнению Мунблита, буквально все. «Церемониймейстеры» – потому, что их авторитет был поколеблен, а читатели – потому, что им показалось небезопасным довериться новичкам, говорившим с ними просто и ясно: «Может быть я и вправду всеяден? – мог он подумать. – Может быть правы эти протаптыватели новых литературных дорог, и я в читательской своей простоте попался на удочку фабрикантов легкого чтива?»

Нет, спешит успокоить взволнованного читателя Мунблит, «протаптыватели» не правы. Не правы еще и потому, что настоящий результат показывают именно такие писатели, как Гроссман и Герман. Именно их читают: «И Василий Гроссман и Юрий Герман многое еще не нашли, у обоих были и по-видимому еще будут ошибки, но есть в их книгах нечто в высшей степени грозное для наших литературных гурманов Эти книги интересно читать. Это книги для чтения».

Гроссмановская простота не может не раздражать и не провоцировать критики. Ведь принять тот факт, что кто-то пишет лучше тебя, крайне непросто: «Если правы Гроссман и Герман, в паутине не бившиеся и окольными путями не шедшие, то наше время и труд потрачены даром. Если же правы мы, а молодые люди выбрали путь наименьшего сопротивления, то они заслуживают осмеяния и отпора». Но и не только они. Жертвами «протаптывателей» и «церемониймейстеров» недавно стали М.А. Шолохов и М.М. Зощенко. Описывая критику их сочинений, Мунблит выдумывает новое сравнение:

Не так давно эта ирония наших литературных лаборантов была направлена по адресу Шолохова, ею же было окрашено их отношение к Зощенко.

— Легко читается! — говорили лаборанты, пожимая плечами. — Занимательно! Но недвигает вперед, не открывает новых путей!

И с печатью раздумья на лицах отходили к своим литературным ретортам. А в ретортах что-то булькало, искрилось и шипело, так же как год или два назад, и ничто в их содержимом не предвещало скорого окончания опытов.

Если же «реторты опорожнялись», ни к чему хорошему это не приводило. «Появлялись книги, безжизненные, холодные и мучительно трудно читавшиеся, и в книгах этих, вместо рассказа о вещах близких, важных и интересных читателю, ему предлагался замысловатый сюжет, образная сумятица, недодуманные стилистические дерзания». И ни к чему хорошему это не приводило — лишь к читательским страданиям. Еще — к недоумению: «Может быть это действительно было открыванием новых путей, но с тревогой он не ощущал в себе интереса ни к путям этим, ни к книгам, их открывающим».

Результатом «опорожнения» реторт Мунблит считает серые и безвкусно написанные произведения таких авторов, как Л.М. Леонов, Ю.К. Олеша, Б.А. Пильняк и А.Г. Митрофанов.

Ценность же произведений Гроссмана, Зощенко и других «простых» авторов в том, что книги их честные. В этом же и «сила воздействия этих книг». Иначе говоря, эффективность публицистической компоненты сочинений Гроссмана — в правдивости написанного. Однако статья Мунблита интересна и в другом отношении.

«В происходившей недавно дискуссии о формализме многие усмотрели опасность отказа от эксперимента как такового, — продолжает Мунблит. — Поистине вздорное опасение! Социалистический реализм — понятие в достаточной мере новое, чтобы освоение его могло не оказаться новаторством». Звучит это довольно хитроумно и не вполне понятно. Если же выразить мысль Мунблита проще, то, вероятно, получилось бы примерно следующее: «Соцреализм — новое явление, поэтому его освоение — новшество само по себе».

И все же не стоит забывать, что «смысл пути, намеченного этим замечательным новым понятием — в поисках методов совершенного изображения правды в искусстве». А для этого, согласно Мунблиту, не следует искать «окольных путей». И заслуга таких авторов, как Гроссман и Герман — именно в том, что они таких путей не ищут. Здесь, в заключительной части рецензии, Мунблит говорил на языке своего времени. И отсылки к так называемой дискуссии о формализме были отнюдь не случайны.

Двадцать восьмого января 1936 г. газетой «Правда» была опубликована статья «Сумбур вместо музыки». Формально объектом проработки стал Д.Д. Шостакович. Однако, как то часто бывало в советской традиции, постановка оперы «Лети Макбет Мценского уезда» скорее стала поводом для начала очередной кампании. Целью ее была политическая острастка. Деятелям культуры напомнили, что есть только один арбитр – ЦК партии. Тот, кто соответствует его требованиям, попадает в соцреалистический канон. Тот же, кто канону не соответствует, выбивается из генеральной линии партии.

Более того, содержащиеся в статье инвективы масштабировались и проецировались на тех, кто одобрял Шостаковича и всех прочих увлеченных «мейерхольдовщиной»: «Некоторые театры как новинку, как достижение преподносят новой, выросшей культурно советской публике оперу Шостаковича “Леди Макбет Мценского уезда”. Услужливая музыкальная критика превозносит до небес оперу, создает ей громкую славу. Молодой композитор вместо деловой и серьезной критики, которая могла бы помочь ему в дальнейшей работе, выслушивает только восторженные комплименты»¹⁵.

Следовательно, проникнуться чувством вины надлежало и тем, кто по имени назвал не был. Так началась кампания, вошедшая в историографию как «дискуссия о формализме». В ходе этой кампании обсуждалась ситуация в области литературы и, как отмечалось выше, высказывались различные претензии к новому руководству СП СССР.

Говорилось в статье 28 января 1936 г. и о неверном понимании социалистического реализма. Его искаженной формой признавался пресловутый «натурализм»: «В то время как наша критика – в том числе и музыкальная – клянется именем социалистического реализма, сцена преподносит нам в творении Шостаковича грубейший натурализм».

Мунблит же обернул инвективы против исповедовавших «мейерхольдовщину» в пользу Гроссмана. Гроссман не просто далек от подобной формы авангардизма – он один из тех, кто пишет просто и правдиво. И в этом его достоинство. Он – не из числа «протаптывателей», он не один из «сознательно замыкающихся в литературных лабораториях и воздвигающих между собой и им <читателем> преграды». Гроссман пишет просто и честно. В этом его главное достоинства и как художника, и как публициста. И вот он-то как раз идет по истинному пути освоения соцреализма. Его

¹⁵ Здесь и далее цит. по: Сумбур вместо музыки // Правда. 1936. 28 янв.

книги интересно читать. «Нет, появление книг, подписанных новыми именами, должно совершаться именно так, как это произошло с книгами Гроссмана и Германа. Критик должен иметь возможность сказать читателям о книге нового автора: – Прочтите, она должна вам понравиться! – вместо того, чтобы оказаться вынужденным неуверенно мямлить что-то о достоинствах книги, заметных ему одному и недоступных взгляду непосвященного».

Поэтому статья Мунблита выглядит как ответ Гурштейну, озаглавившему свою статью «В поисках простоты». По Гурштейну, не все гроссмановские образы соответствуют заданной модели. Персонажи – с двойным дном. Мунблит построил свою статью вокруг того же понятия – «простота». Но сфокусировал внимание на другой специфике. Гроссман пользуется успехом. Его читают. И читают потому, что он «прост» в правильном понимании этого слова.

Впрочем, гипотеза, что Мунблит отвечал на статью Гурштейна, маловероятна. Одиннадцатый номер «Знамени» сдан в производство 13 октября. Подписан к печати 16 ноября. Можно предположить, что статья была написана за один вечер и срочно включена в выпуск, но это экстремальная мера – для нее не было повода.

Зато можно утверждать, что редакция журнала «Знамя» лоббирует Гроссмана. Его основные публикации появляются на страницах именно этого издания. И наиболее хвалебные статьи – тоже. В частности, в декабре «Знамя» напечатал пространную положительную рецензию на гроссмановский сборник – «Уважение к жизни». Автором ее был Л.И. Левин.

Левин сначала обращается к рассказу «Цейлонский графит». Для борьбы с безграмотностью и развития науки СССР нужны карандаши. Однако хороший цейлонский графит – на исходе. С советским графитом пока никто не работает: его легко добыть, но трудно очистить. Один из сотрудников фабрики, Кругляк, вызывается наладить новое производство. Помогает ему в этом политэмигрант из Индии, который, конечно, становится Кругляку другом. Иначе говоря, стандартный рассказ о развитии советской промышленности и укреплении международной дружбы. Напомнив читателю содержание рассказа (или пересказав его для тех, кто его не читал), критик подходит к той сцене, которая имеет особое значение.

«Предложение Кругляка обсуждается на техническом совещании. Подробно описывая это совещание, Гроссман тщательно излагает те доводы, которые были высказаны защитниками и противниками советского графита.

Начиная читать это описание, невольно испытываешь некоторое опасение. Невольно опасаешься того, что к десяткам самых

разных собраний, уже описанных десятками литераторов, прибавится еще одно, описанное столь же равнодушно, столь же холодно и столь же скучно»¹⁶.

Опасения, акцентирует Левин, вовсе не беспочвенные. Для многих советских писателей собрание – способ распутать конфликт, который сам писатель распутать уже не в состоянии. Своего рода *deus ex machina*. Но вдруг обнаруживается, что у Гроссмана все иначе. Сцена собрания не просто не скучна – она написана живо и бойко. А все потому, что «Гроссману известна одна очень простая вещь. Гроссману известно, что люди, пришедшие на собрание, продолжают оставаться людьми».

И достигается этот эффект очень просто. Гроссман всего-навсего не врет. Он честно пишет, что «Каждый <...> следя за собранием и даже принимая в нем самое активное участие, в то же время успевает подумать и о своих собственных делах – то ли о работе, оставленной дома, то ли о встрече, которая не состоялась, по слухам о собрания, то ли о старом недруге, важно посматривающем из-за стола президиума, то ли о жене, не без раздражения дожидающейся дома, то ли о девушке, сидящей в первом ряду и несомненно заслуживающей внимания».

Приведя несколько цитат из этого рассказа, критик обращается к следующему – «Счастье» (оно же – «Отдых», оно же – «Большевик»¹⁷). Это рассказ о председателе колхоза Николае Безбородове, который непрестанно работает и не замечает, что расходует свое здоровье. Сам он, по доброй воле, в отпуск не идет – в итоге его буквально силком отправляют в санаторий, где он наконец понимает, что у него есть право на отдых. В конце рассказа его, правда, из отпуска отзывают, но по хорошему поводу: урожай слишком богатый, оргвопросов невпроворот, без его руководства не обойтись.

Находясь в санатории, Безбородов встречает нескольких знакомых. Но узнает их не сразу, поскольку привык видеть их только при исполнении. Здесь же – все наоборот. Левин приводит цитату из этого рассказа:

Какой-то человек в пижаме и туфлях хлопнул его по плечу и сказал:

– Вот не ожидал, Николай! – Безбородов удивленно посмотрел на него, не узнавая, и рассмеялся: это был командующий войсками

¹⁶ Здесь и далее цит. по: Левин Л.И. Уважение к жизни // Знамя. 1936. № 12. С. 248–257.

¹⁷ См.: Гроссман В.С. Отдых // Литературный Донбасс. 1934. № 3. С. 34–38; Он же. Большевик: Третий рассказ о счастье...

военного округа. Он привык его видеть в форме с тремя орденами Красного знамени на груди...

Командующий войсками решительно произнес: – Айда в волейбол. Ты. Безбородов, будешь за арбитра. Безбородов, сидя на скамейке, смотрел на игру. Начальник милиции сердито говорил: – Врешь ты, аута не было, вот где он стукнулся. – Сам ты врешь, дорогой, – кричал Демченко, заведующий земельным отделом, – он возле сосны ударился.

Безбородов смеялся, неужели это те же люди, которых он знал на заседаниях в Обкоме?

Именно такой способ описания советской действительности критик считает верным. Писатель должен быть честным. Поэтому публицистический посыл Гроссмана оказывается удачным и считается легко. Он не предлагает читателю витиеватых логических построений – он показывает, что жить – хорошо.

«Нет никакого сомнения в том, что эти строки имеют декларативный смысл. Речь идет о людях. Речь идет о том, как литература должна показывать людей», – так отзывается рецензент о рассказе «Счастье».

Далее Левин вновь противопоставляет Гроссмана другим писателям. На этот раз – тем, кто боится штампа. Причем боится штампа настолько, что избегает описывать любые заштампованные ситуации. «Однако, ни для кого не секрет, что воздействию штампа в особенно сильной степени подвергались многие из чрезвычайно существенных и наиболее характерных явлений нашей действительности», – справедливо подмечает Левин.

Из этого никак не следует, что литературу следует обделять, избегая описания таких ситуаций вообще. Если литератор становится подобных сцен, это, скорее всего, указывает не на его благое намерение, а на его низкий профессиональный уровень: «Если писатель, опасаясь штампа вообще, отказывается от изображения тех явлений, которые наиболее заштампованы, это значит, что и он сам не чувствует себя в силах изобразить эти явления по-настоящему. По существу, это значит, что и сам он находится во власти штампа». Гроссмановским же произведениям свойственно «обаяние свежести».

Одним только противопоставлением Гроссмана тем писателям, которым ближе более запутанные публицистические установки, критик не ограничивается. Он, как и Мунблит, находит для Гроссмана литературного партнера. На этот раз это не Ю.П. Герман, а сам А.А. Фадеев.

Расхваливая на все лады рассказ «Четыре дня» (и, кстати, не говоря ни слова по существу), Левин отмечает, что герои этого произ-

ведения никогда не тратят слов попусту. Оно совершенно свободны от ложного пафоса. И это «сближает Гроссмана с тем писателем, чья книга о гражданской войне давно уже стала классическим произведением советской литературы. Речь идет об Александре Фадееве. Художественное направление “Четырех дней” несомненно имеет очень много общего с художественным направлением “Разгрома” и “Последнего из удэге”».

«Четыре дня» – рассказ о трех комиссарах (Верхотурский, Москвин, Факторович), которые вынуждены скрываться в захваченном поляками Бердичеве в доме их знакомого – известного и богатого врача. Врач – не из трусливых: решается укрывать у себя большевиков, рискуя при этом и своей жизнью и жизнью своей семьи. Комиссары этого не ценят: на исходе четвертого дня буквально бегут из этого дома, пока сътость и комфорт их не поглотили. Врача и его родных они не поблагодарили.

Усмотреть что бы то ни было общее между «Четырьмя днями» и «Разгромом» и «Последним из удэге», кроме «пафоса, лишенного всякой позы», как пишет Левин, невозможно. С точки зрения поэтики произведения Гроссмана и Фадеева различаются принципиально.

Если предположить, что у сопоставления Гроссмана с Фадеевым есть дополнительный, политический, смысл, – многое становится на свои места. С 1934 г. Гроссман работает профессиональным литератором. Он кандидат в члены СП СССР. Судя по объему и частотности публикаций, работа быстро продвигалась вперед. Не все члены СП были столь продуктивны. И к 1936 г. у Гроссмана явно появились противники – равно как и союзники. Причем вторых было больше – почти вся редакция «Знамени», бывшего печатным органом СП СССР. И они умело обороняли Гроссмана, о котором в конце 1936 г. говорили как об одном из открытых советской литературы. А в 1937 г. он стал членом СП. Поэтому, вероятно, сравнение Гроссмана с Фадеевым, занимавшим с 1934 г. должность заместителя председателя Оргкомитета СП, было своего рода индикатором: Гроссман и Фадеев – соотносимые литературные величины.

Говоря же о рецепции рассказа «Четыре дня», стоит упомянуть очерк Мунблита «Герой Василия Гроссмана», написанный в 1941 г. Помещен он был в февральском номере «Литературного современника»¹⁸.

Поступок, наименее однозначный с этической точки зрения, совершает Москвин. Он очень быстро проникся жалостью к слу-

¹⁸ См.: Мунблит Г.Н. Герой Василия Гроссмана // Литературный современник. 1941. № 2. С. 124–128.

жанке Полье, жившей в доме врача. Жила она, к слову сказать, в этом доме гораздо лучше, чем жила бы вне его. Ей платили, ее кормили, но да, конечно, она работала – как, впрочем, и жена доктора. Москвин решил заняться политическом образованием Поли, когда она развешивала белье. И так увлекся, что сорватил ее. И той же ночью бежал из докторского дома, не попрощавшись с девушкой. Та попыталась отравиться. Благо, в доме было чем. Но, к счастью, в лекарствах она разбиралась слабо, поэтому спасли ее при помощи простого промывания желудка.

Интерпретация этого сюжетного хода приобретает в рецензии Мунблита комический оттенок. Критик утверждает, что случившееся – «это нежность, пробудившаяся у военкома Москвина к домашней работнице доктора, скрывшего его и его товарищей от пришедших в город врагов»¹⁹.

Концовка же рассказа просто игнорируется:

Утром она (Поля. – Ю.Б.-Ю.) проснулась, руки и спина болели от вчерашней стирки, глаза опухли – всю ночь она плакала во сне. Долго Поля не могла понять, ушла ли она на тот свет или осталась на этом.

А когда дом проснулся, все зашли в комнату-кладовую и увидели две пустых, смятых постели и третью – аккуратно застеленную.

Коля, чтобы не расплакаться, быстро бормотал: «Второй дом Советов, комната сто восемнадцать». Как только прогонят поляков, он уедет в Москву, к Верхотурскому.

А доктор стоял перед Марьей Андреевной и, загибая пальцы, говорил:

– Ушли, как свиньи, не простившись, не сказав спасибо, не написав записки. Москвин украл мои совершенно новые брюки, которым буквально нет цены; в-третьих... – доктор показал на заплаканное лицо Поли.

– Ах, оставь пожалуйста, – сказала Марья Андреевна, – ты хочешь, чтобы они тебе, как пациенты, заказывали у ювелира серебряные подстаканники с именной надписью?

Но, по всему было видно, что ее огорчил и обидел ночной уход комиссаров²⁰.

* * *

Еще в 1934 г. Гроссман считался дебютантом. Многообещающим – но дебютантом. Его рассказы обсуждали на публичных мероприятиях и на страницах газет и журналов, рецензенты ука-

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ Гроссман В.С. Четыре дня. М., 1936. С. 91–92.

зывали ему на достоинства и недостатки его текстов, на возможные перспективы развития сюжетных линий и т. п. В течение полутора-двух лет вокруг Гроссмана сформировался круг критиков, поддерживавших его и явно лоббировавших его интересы, а также выступавших если не против него, то явно обозначавших, что заслуги Гроссмана ординарны. Союзники Гроссмана были близки к руководству СП СССР. Те, кто указывал на недостатки, – к руководству Агитпропа.

Литература

- Бит-Юнан 2010 – *Бит-Юнан Ю.Г.* О пределах допустимого: Критическая рецепция творчества В. Гроссмана 1930-х годов // Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 155–178.
- Бит-Юнан 2011 – *Бит-Юнан Ю.Г.* Ранняя журналистика В.С. Гроссмана (1928–1929) // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2011. № 6. С. 86–93.
- Бит-Юнан, Фельдман 2019 – *Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М.* Василий Гроссман: биография писателя в политическом контексте советской эпохи. М: РГГУ, 2019. 796 с.
- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Елина 1994 – *Елина Н.Г.* Василий Гроссман. Иерусалим: [Б. и.], 1994. 252 с.
- Клинг 2012 – *Клинг Д.О.* Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Мариной Цветаевой, 2012. 211 с.
- Ellis 1994 – *Ellis F. Vasilii Grossman: The genesis and evolution of a Russian heretic.* Oxford: Berg Publishers, 1994. 239 p.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. 437 p.
- Popoff 2019 – *Popoff A.* Vasily Grossman and the Soviet century. New Haven; London: Yale University Press, 2019. 395 p.

References

- Bit-Yunan, Yu. (2010), “On the boundaries of permissible. The critical reception of V. Grossman’s works of the 1930s”, *Voprosy literatury*, no. 4, pp. 155–178.
- Bit-Yunan, Yu. (2011), “V.S. Grossman’s early journalistic works (1928–1929)”, *RGGU Bulletin. Journalism. Literary Criticism* Series, no. 6, pp. 86–93.
- Bit-Yunan, Yu.G. and Feldman, D.M. (2019), *Vasilii Grossman: biografiya pisatelya v politicheskem kontekste sovetskoi epokhi* [Vasily Grossman. The writer’s biography in the political context of the Soviet era], RGGU, Moscow, Russia.

- Bocharov, A.G. (1990), *Vasili Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman: Life, legacy, fate], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
- Elina, N.G. (1994), *Vasili Grossman* [Vasily Grossman], Jerusalem, Israel.
- Ellis, F. (1994), *Vasily Grossman: The genesis and evolution of a Russian heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, New York, USA.
- Kling, D.O. (2012), *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana v kontekste literaturnoi kritiki* [Vasily Grossman's legacy in the literary criticism context], Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, Moscow, Russia.
- Popoff, A. (2019), *Vasily Grossman and the Soviet century*, Yale University Press, New Haven, USA, London, UK.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1;

Высшая школа экономики, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманская, д. 21/4; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yuri G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Presidential Academy, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571;

HSE University, Moscow, Russia; 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 105066; bityunan@gmail.com

Публицистичность автора vs ангажированность критики
(на материале статей о В.С. Высоцком)
Часть 1

Евгения В. Бродская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, eugenia.brodskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается процесс рождения мифа о В.С. Высоцком в советской и российской критике. При жизни Высоцкий обладал статусом состоявшегося актера и популярного автора песен. В советском социуме он подвергается газетной травле во время кампании 1968 г. Однако никаких серьезных последствий для В.С. Высоцкого это не несет: он точно также продолжает выступать с концертами, играть в театре и сниматься в кино. Из полупризнанного барда Высоцкий после смерти становится «классиком», которого изучают в школах. При этом образ Высоцкого подвергается «банализации»: его начинают использовать различные социальные группы в угоду собственным интересам.

Ключевые слова: В.С. Высоцкий, социум, власть, советская пресса, публицистика

Для цитирования: Бродская Е.В. Публицистичность автора vs ангажированность критики (на материале статей о В.С. Высоцком). Часть 1 // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 67–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-67-93

Authorial journalism vs. critical engagement
(based on articles about V. Vysotsky)

Part 1

Evgeniya V. Brodskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, eugenia.brodskaya@gmail.com*

Abstract. The article considers the formation of the myth about V. Vysotsky in Soviet and Russian criticism. During his lifetime, Vysotsky held the status of a recognized actor and a popular songwriter. In Soviet society, he was subjected to a newspaper campaign of vilification in 1968. However, that had no consequences for Vysotsky: he continued to perform, act in the theater, and

© Бродская Е.В., 2025

appear in films. From a semi-recognized bard, Vysotsky, after his death, was transformed into a “classic” included in school curricula. At the same time, his image underwent a process of “banalization”, as various social groups began to appropriate it to serve their own interests.

Keywords: V. Vysotsky, society, power, Soviet press, journalism

For citation: “Authorial journalism vs. critical engagement (based on articles about V. Vysotsky). Part 1”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 67–93, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-67-93

Статус того или иного автора определяется не только характеристиками его текста, но и тем, какая роль этим текстам приписывается социумом.

Востребованность поэтик создается не только литературной средой и читателями, но и общими установками в обществе, которые тоже меняются с течением времени. В этом отношении творчество В.С. Высоцкого – крайне интересный для изучения феномен такого рода.

Высоцкий при жизни обладал статусом сильного, состоявшегося актера и автора песен. Они ценились не только интеллигенцией, но при этом не воспринимались как высокое искусство.

После смерти Высоцкий был канонизирован, включен в школьную программу, объявлен «голосом эпохи». Парадокс заключается в том, что при жизни Высоцкого даже сам сюжетный материал его песен во многом воспринимался как маргинальный, и последующая его канонизация – рука об руку – шла с запросом на расширение поля поэтического высказывания и включения в оное даже низовых зон опыта в качестве значимых и актуальных.

Из полупризнанного в официальном поле барда и актера Высоцкий «классикализируется», и его тексты и стихи начинают изучать в школе. Это достаточно серьезная трансформация. Тем интереснее проследить, каким образом она происходит.

При жизни Высоцкого знали все, он был невероятно популярен – но в официальном поле его как будто не существовало. При жизни поэт не был представлен для своей аудитории в «бумажных» текстах. Исключение – перепечатка песен Высоцкого в региональных газетах после оглушительного успеха фильма С.С. Говорухина «Вертикаль» (1967)¹.

¹ Высоцкий В.С., На братских могилах... // Рабочий. Куйбышев, 1967. 10 дек.; *Он же. Вертикаль* // Молот. Ростов-н/Д., 1967. 7 июля; *Он же. Если друг...* // Электросила. Л., 1967. 4 марта.

Песни В.С. Высоцкого расходились только в магнитофонных записях. Было несколько официально изданных пластинок – 7 миллионов и один диск-гигант, выпущенный для экспорта: «Песни из кинофильма Вертикаль» (1968²; «Песни Владимира Высоцкого» (1972)³; «Песни Владимира Высоцкого» (1972)⁴; «Песни Владимира Высоцкого» (1974)⁵; «Владимир Высоцкий. Песни» (1974)⁶; «В. Высоцкий. Песни» (1975)⁷; «Песни Владимира Высоцкого» (1975)⁸; «Баллады и песни» (1979; диск-гигант)⁹.

Высоцкий – актер, который играл в Театре на Таганке и снимался в художественных фильмах, таких как: «Вертикаль», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Интервенция», «Опасные гастроли», «Место встречи изменить нельзя», «Маленькие tragedii» и др. Но и здесь, в советском кино, статус Высоцкого был своеобразен: не всегда чиновники от советской кинопромышленности желали видеть актера в главных ролях. Доходило до курьезов с точки зрения здравого смысла¹⁰.

² Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). Владимир Высоцкий. Песни из кинофильма «Вертикаль». М.: Мелодия, 1968. Код ЗЗГД-000867, ЗЗГД-000868. Музыка (исполнительская): аудио.

³ Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). Песни. М.: Мелодия, 1972. Код ЗЗД-00032907, ЗЗД-00032908. Музыка (исполнительская): аудио.

⁴ Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). Песни. М.: Мелодия, 1975. Код ЗЗД-00035249, ЗЗД-00035250. Музыка (исполнительская): аудио.

⁵ Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). Песни. М.: Мелодия, 1974. Код ЗЗС-0004607, ЗЗС-0004608. Музыка (исполнительская): аудио.

⁶ Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). Песни. М.: Мелодия, 1974. Код Г62-08447-8. Музыка (исполнительская): аудио.

⁷ Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). В. Высоцкий. Песни. М.: Мелодия, 1975. Код Г62-04737, Г62-04738. Музыка (исполнительская): аудио.

⁸ Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). Песни. М.: Мелодия, 1975. Код М62-37515, М62-37516. Музыка (исполнительская): аудио.

⁹ Высоцкий В.С., автор-исполнитель (Москва). Баллады и песни. М.: Мелодия, 1974. Код С90-10769, С90-10770. Музыка (исполнительская): аудио.

¹⁰ Когда, например, снимали фильм «Интервенция» (1968 г.) с Высоцким в главной роли (он играл большевика Бродского), у актера были проблемы с утверждением на главную роль, но фильм все-таки отсняли (правда, все равно картину «зарубили» на стадии выхода и положили «на полку» до 1987 г.). После «Интервенции» Высоцкому не дали сыграть еще

Единственная вышедшая в СССР при жизни Высоцкого публикация стихотворения – в альманахе «День поэзии»¹¹. Только после смерти начинается публикация его стихов в СССР: в 1981 г. выходит небольшой сборник «Нерв»¹², несвободный от цензурных искажений. Начиная с этого момента – о Высоцком начинают говорить в прессе, появляются критические отзывы о его творчестве и жизни. Высоцкого легитимируют, он получает официальное признание. В 1986 г. под руководством Р.И. Рождественского создана комиссия по наследию Высоцкого, а это уже официальное признание [Бродская 2014]. Во второй половине 1980-х гг., т. е. уже после смерти Высоцкого, перепечаток и переизданий становится все больше. Отчасти это обусловлено тем, что в это время в России происходит переконфигурация культурного поля, вызванная политическими изменениями в стране, и как это бывает в переходные эпохи, самые разные культурные группы стремятся завить о себе и предложить собственное понимание культурной парадигмы. Идет интенсивный процесс культурного переопределения, переоценки старых и выработки новых культурных иерархий.

Широко издавать Высоцкого начинают только после 1991 г. И его статус меняется буквально за десятилетие. «Феномен Высоцкого» позволяет проследить, как именно происходит «апроприация» непризнанного автора в «большой» литературе с последующим включением в национальный литературный канон.

Любопытно, как «работает» с фигурой Высоцкого постсоветская пресса. Здесь можно выделить несколько пиков волны интереса журналистского сообщества к Высоцкому. Юбилей поэта

в одном фильме Г.К. Полоки – “Один из нас”. Там Высоцкий должен был играть главную роль – советского разведчика Бирюкова, – но руководство киностудии его кандидатуру не утвердило. Полока вспоминал: «Следующая моя картина “Один из нас” не только не улучшила мое положение режиссера уложенной на полку “Интервенции”, но даже усугубила его. Наивными оказались мои надежды снять Высоцкого в главной роли: в данном случае верными помощниками чиновников оказались ведущие киноактеры, входившие в худсовет объединения “Киноактер”, фактически единодушно забаллотировавшие его». На этом худсовете чиновники прямо сказали режиссеру: «Советского разведчика, чекиста будет играть алкоголик, человек, скомпрометировавший себя аморальным поведением, бросивший двух детей?! Позвольте! Ведь надо когда-то и отвечать за свои поступки...» (цит. по: Корман Я.И. Высоцкий и Галич. Ижевск, 2007. С. 60).

¹¹ Высоцкий В. Из дорожного дневника // День поэзии: <Альманах>. М.: Советский писатель, 1975. С. 139.

¹² Высоцкий В.С. Нерв. М.: Современник, 1981. 237 с.

становятся значимыми информационными поводами для печатных изданий и телевидения. Это 60-летие (январь 1998), 65-летие (январь 2003) и 70-летие (январь 2008) со дня рождения, 75-летие (январь 2013), 80-летие (январь 2018) и оставившее менее заметный след 20-летие (июль 2000) и 30-летие (июль 2010) со дня смерти. При этом акценты в публикациях о Высоцком с конца 1990-х по 2010-е значительно меняются [Бродская 2023, с. 36].

О Высоцком также написано множество мемуаров, изданных, разумеется, после смерти поэта. Среди прочих – книга вдовы поэта, М.В. Влади, «Владимир, или Прерванный полет»¹³, вышедшая в 1989 г. и выдержанная с тех пор множество переизданий. В свое время эта книга произвела весьма сильное впечатление – во многом благодаря тому, что на фоне приглаженных «советских» мемуаров очень личная интонация этой книги, достаточно типичная для «западных» воспоминаний, воспринималась как своего рода вызов тогда еще вполне реальному советскому официозу.

В том же году появился еще один том воспоминаний, пожалуй, столь же ярких и интересных, но не получивших того резонанса, что книга Влади, – «Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю»¹⁴ актрисы А.С. Демидовой, долгие годы работавшей с Высоцким в театре на Таганке и дружившей с ним.

С тех пор вышло множество воспоминаний о Высоцком, написанных как его друзьями, так и знакомыми разного рода. Укажем лишь на «Секрет Высоцкого: Дневниковая повесть» В.С. Золотухина¹⁵ и «Владимир Высоцкий. Между словом и славой: воспоминания» переводчика Д.С. Карапетяна¹⁶, хорошо знавшего Высоцкого, но долгое время уходившего от любых разговоров о покойном друге. Характерно, что книга Карапетяна была опубликована в издательстве «Захаров», известном тем, что старается печатать коммерчески беспрогрызную литературу, – т. е. с расчетом на явную сенсацию, строящуюся на том, что один из ближайших друзей певца через двадцать лет после его смерти нарушил-таки обет молчания. При этом книга действительно интересна и содержит довольно много неизвестных ранее фактов.

¹³ Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989. 176 с.

¹⁴ Демидова А.С. Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1989. 176 с.

¹⁵ Золотухин В.С. Секрет Высоцкого: Дневниковая повесть. М.: Алгоритм, 2000. 320 с.

¹⁶ Карапетян Д.А. Владимир Высоцкий: Между словом и славой: Воспоминания. М.: Захаров. 2012. 280 с.

Творчество Высоцкого начинает представлять серьезный интерес для исследователей с начала 1990-х гг. С тех пор появилось несколько биографий Высоцкого и множество работ о его творчестве. Укажем несколько из них, так как список исследований о нем обширен. К тому же приходится заметить, что нива «высоцковедения» неоднородна и среди профессиональных исследований порой попадаются любительские тексты.

Первой среди биографий Высоцкого стала выпущенная в 1991 г. книга В.И. Новикова «В Союзе писателей не состоял: Писатель Владимир Высоцкий» [Новиков 1991]. И.А. Чулков, рецензируя данную вещь и появившуюся в том же году книгу А.В. Скобелева и С.М. Шаурова «Владимир Высоцкий: Мир и слово» [Скобелев, Шаулов 1991], специально отмечал, что работа Новикова «занаменяет собой некий рубеж, отделяющий начальный этап изучения наследия Высоцкого, неизбежно обостренно личностный, породивший любопытный жанр статьи, в которой творчество и биография поэта чаще всего становились материалом для осмыслиения автором собственной духовной биографии, от следующего – “монографического”, устремленного к поэзии Высоцкого как самостоятельной художественной данности»¹⁷.

В 1995 г. выходит книга Н.М. Рудник «Проблема трагического в поэзии В.С. Высоцкого» [Рудник 1995]. Эта работа является интертекстуальным анализом трех песен Высоцкого – «Купола», «Моя цыганочка» и «История болезни»: «Купола» рассматривается на фоне иконописной символики, лубка, в контексте творчества Пушкина, Цветаевой, Блока; «История болезни» – на фоне булгаковского «Мастера и Маргариты», гётеевского «Фауста», «Ворона» Эдгара По, и т. д. Местами это любопытно, местами – как часто в работах по интертекстуальности, материал кажется несколько разнородным.

Характерные слабости работы Рудник особенно заметны на фоне небольшой, но очень «плотной» статьи Н.А. Богомолова «Высоцкий – Галич – Пушкин, далее везде», в которой действительно показано, как контекст лишь одного стихотворения Высоцкого (судя по всему, не предназначенного для пения) «Слева бесы, справа бесы...» сформирован «Бесами» Пушкина, галичевской песней «Желание славы», его же песней «Глава, написанная в сильном подпитии» из «Поэмы о бегунах на дальнюю дистанцию», песнями «Виновники найдены», «Заклинание» и «Фантазии на русские

¹⁷ Чулков В. Две книги о Высоцком (несостоявшийся диалог) // Луч. 1993. № 3. URL: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=376 (дата обращения 10.08.2025).

темы для балалайки с оркестром...», поэмами В.В. Маяковского «Человек» и «За далью – даль» А.Т. Твардовского – причем все эти аллюзии осознанно введены Высоцким... [Богомолов 2004, с. 426–440].

Своего рода лидером «высоцковедения» является А.В. Кулагин. Ему принадлежит работа «Поэзия В.С. Высоцкого. Творческая эволюция», впервые опубликованная в 1995 г. и выдержанная два переиздания [Кулагин 1996; Кулагин 1997]. В ней автор достаточно подробно анализирует творчество Высоцкого и предлагает периодизацию его творчества.

Кулагину принадлежит и книга «Высоцкий и другие» [Кулагин 2002], собравшая под одной обложкой статьи, написанные автором о Высоцком с начала 90-х годов. Часть статей посвящены таким проблемам, как Высоцкий и фольклор, Высоцкий и агрессия [Кулагин 2002, с. 17–26], анализу отдельных песен. Две трети книги занимают статьи о разных «пушкинских контекстах» у Высоцкого – но при их чтении возникает вопрос, идет ли речь о реальном диалоге с Пушкиным, или же собеседником выступает некое растворенное в общекультурном сознании «наше все»: расхожая цитата, отражение Пушкина в массовой культуре.

В 2007 г. выходит книга А.В. Скobelева «Много неясного в странной стране» [Скобелев 2007] – в ней автор делает попытку «фронтального» комментирования творчества Высоцкого и обоснования нового подхода к изучаемому материалу.

Заметим, что в качестве примера действительно плотного, внимательного и адекватного «чтения» текстов Высоцкого можно привести лишь одну работу – статью Н.А. Богомолова, пытающегося отследить специфику диалога Высоцкого с предшествовавшей ему поэтической традицией. Для Высоцкого было очень важно обретение точки опоры в существовавшей до него русской поэзии – обретение ощущения преемственности. Также интересны наблюдения Богомолова об интонационной близости (именно близости, а не перекличке) стихотворения В.Г. Шершеневича «Страшный год» с творчеством Высоцкого [Богомолов 2004, с. 395–396].

В 2000-х гг. наступает время обобщений – появляются монографии, посвященные жизни и творчеству Высоцкого в целом. Лучшей из них является на сегодняшний день книга В.И. Новикова «Владимир Высоцкий», вышедшая в 2002 г. в серии ЖЗЛ, и с тех пор выдержанная несколько переизданий, причем, по мере перепечатки книга исправлялась и дополнялась [Новиков 2021]. На сегодняшний день – это не только самая полная, но и самая качественная – не только по охвату материала, но и по глубине понимания той эпохи биография Высоцкого. Интересно, что в тех

случаях, когда Новиков принимается комментировать тексты поэта, он часто делает это гораздо корректнее и изящней, чем большинство исследователей поэтики Высоцкого.

Главы этой биографии (ее сокращенную версию) до выхода книги печатал журнал «Новый мир». Биография Высоцкого подавалась там как культурное событие: редакция даже, начав ее публикацию в конце 2001 г., в ноябрьском и декабрьском номерах, перенесла окончание на следующий год – оно вышло в январской книжке «Нового мира» за 2002 г. [Новиков 2001–2002]: в журнальной практике случай экстраординарный. Журнальной публикации Новиков предпослал предисловие, которое не вошло в книгу. В нем он особо оговаривал жанр своего труда, подчеркивая, что это не сухая научная работа, а, по сути, документальный роман о Высоцком и том времени, когда «романизированная» биография соответствует «интенции» ее персонажа:

Владимир Высоцкий хотел написать роман – не успел. Но он успел его прожить так, как надлежит подлинному романному герою, – стремительно и драматично <...> [Новиков 2001].

В 1998 г. появляется биографическая книга В.К. Перевозчикова «Правда смертного часа: Владимир Высоцкий, год 1980» [Перевозчиков 1998], посвященная, как явствует из названия, последнему году жизни поэта. Автор в открытую проговаривает в ней то, что до того старались обходить стороной, хотя это было своего рода «секретом Полишинеля» – наркозависимость Высоцкого, сформировавшаяся в последние годы его жизни.

Встречаются среди биографий и курьезы – в частности книжка Ф.И. Раззакова «Владимир Высоцкий. По лезвию бритвы: самая полная биография “шансонье всея Руси”» [Раззаков 2004]. Содержание этого весьма объемного опуса, почти на 500 страниц, вполне соответствует амбициозному и попытому названию...

Существует также целый ряд коллективных сборников, посвященных Высоцкому. Прежде всего это серия альманахов «Мир Высоцкого. Исследования и материалы», издававшихся под эгидой Государственного культурного центра-музея В.С. Высоцкого [Мир Высоцкого 1999–2002]. Всего было издано шесть выпусков, после чего издание прекратило свое существование. Понятно, что и материалы, и их качество в таких сборниках заведомо разнородны. Еще один сборник, вышедший под эгидой ГКЦМ В.С. Высоцкого, – «Владимир Высоцкий: Взгляд из XXI века: Материалы Третьей Международной научной конференции. Москва 17–20 марта 2003 г.». Сборник представляет собой самые разно-

образные труды, посвященные как творчеству Высоцкого, так и людям, имеющим отношение к авторской песне [Язвикова 2003]. Это довольно беглый обзор литературы о Высоцком, однако и он свидетельствует о востребованности фигуры Высоцкого в настоящее время. Ныне многочисленные издательства продолжают переиздавать исследования самого разного толка о Высоцком¹⁸, а также стихи поэта.

Стоит при этом заметить, что и советская критика неоднозначно и неоднородно реагировала на Высоцкого при жизни, и он даже подвергался травле со стороны газет. Это случилось в момент «восхождения» Высоцкого, а поводом стали события, не имевшие к нему никакого отношения. Рассмотрим сюжет, который в «высоцковедении» закрепился в качестве так называемой кампании 1968 г.

В этом году появляется целая серия газетных публикаций, резко критикующих песни Высоцкого, обвиняющих их автора в негативном влиянии на молодежь, пропаганде «антисоциальных настроений», чуть ли не в антисоветчине. Все это продолжалось какое-то время – а потом вдруг резко прекратилось, и что самое интересное – не повлекло за собой каких-либо действительно серьезных последствий: Высоцкого не привлекли к суду, как Бродского, не выслали, как позже – Галича.

Отслеживая и анализируя эту «странную историю», отметим: к 1968 г. Высоцкий был достаточно известен и популярен. Он играл в театре на Таганке, снимался в кино, его песни расходились в магнитофонных записях. И все же три этих слагаемых популярности были неравнозначны [Бродская 2010, с. 125].

Что касается театра, то, как бы ни оценивать значение «Таганки» в культурной жизни тех лет, круг ее зрителей был ограничен. Чтобы увидеть Высоцкого на сцене – надо было оказаться в Москве, попасть на представление. Кроме того, Таганка была театром режиссерским, и спектакли начала 60-х годов ставились таким образом, что игра отдельного актера принципиально не определяла саму постановку. В «Герое нашего времени» (1964) Высоцкий играл две небольшие роли – отца Бэлы и драгунского капитана, в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» ему были отданы несколько персонажей: Керенский, солдат революции, анархист, часовой... Только с появлением на сцене Таганки «Галилея» в 1966 г. игра Высоцкого стала тем стержнем, на кото-

¹⁸ В том числе многочисленные интервью и воспоминания о Высоцком. См.: *Перевозчиков В.К.* Владимир Высоцкий: Только самые близкие. М.: Родина, 2020. 240 с.

ром держался спектакль. Имя Высоцкого всплывало в театральных рецензиях – но не более того¹⁹.

Работы Высоцкого в кино до второй половины 60-х годов – тоже эпизодические. Узнаваемым для зрителя Высоцкий стал только с 1966 г., с выходом на экраны «Вертикали»²⁰, имевшей ошеломительный успех – не в последнюю очередь еще и благодаря песням Высоцкого, вскоре изданным на гибкой пластинке в журнале «Кругозор».

Кроме этих «официально» изданных песен²¹ были иные: те, что звучали на живых выступлениях Высоцкого – и переписывались с магнитофона на магнитофон. Порой владельцы таких записей даже не знали, кто поет, а действовали по принципу «понравилось – записал». Такие записи циркулировали прежде всего в университетских городках, НИИ – именно эта среда была основным проводником «магнитиздата». Видимо, спецификой этой среды объясняется тот факт, что на страницах томской газеты «За советскую науку» в 1967 г. возникает полемика о песнях Высоцкого. Начало ей положила реплика одного из студентов, на которую отозвались его сокурсники и старшие товарищи²². Это был «спор о вкусах» – хотя и изрядно приправленный советской риторикой, но носивший су-губо местный характер, ограниченный студгородком Томского го-сударственного университета. Однако то, что в 1967 г. было «делом вкуса», в 1968 г. приобрело другую окраску. 1968 год стал началом очередной эпохи «завинчивания гаек» в СССР. Причиной тому послужили события в Чехословакии.

Все это не могло не привести к ужесточению внутренней политики СССР, усилинию влияния Суслова и стоявших за ним «консерваторов», выступавших за усиление контроля партии над всеми сферами жизни – а значит, и в культуре.

14 апреля в «Правде» появляется статья скульптора-монументалиста Е.В. Вучетича «Прекрасное – в каждый дом». В «Правде» не бывало «случайных» публикаций: в центральном органе КПСС каждая запятая сверялась с текущим курсом партии. А Вучетич

¹⁹ Ланина Т. Жизнь Галилея // Вечерний Ленинград. 1967. 10 мая. С. 3; Вишневская И.Л. Жизнь Галилея // Вечерняя Москва. 1966. 13 июня. С. 3.

²⁰ К/ф «Вертикаль» (реж. Б. Дуров, С. Говорухин, 1966 г.). Премьера 19 июня 1967 г.

²¹ Еще несколько песен получили широкую известность благодаря тому, что звучали в фильме В. Турова «Я родом из детства» (1966): «Братские могилы» (в фильме ее спел М. Бернес), «Холода, холода» и вошедшие в экранную версию в обрезанном виде «Песня о звездах» и «Высота».

²² Лойша В. Не сотвори себе кумира // За советскую науку. 1967. № 34.

в системе советской культурной номенклатуры фигура весьма и весьма значимая: народный художник СССР (1959), действительный член Академии художеств СССР, пятикратный лауреат Сталинской премии (1946–1950). Автор многочисленных памятников Ленину и Сталину (а также памятника советскому воину-освободителю в берлинском Трептов-парке и фигуры Родины-Матери, воздвигнутой на Мамаевом кургане) прекрасно понимал, что стоит на повестке дня – недаром же через два года, в 1970 г. он стал вице-президентом Академии художеств. Среди прочего, скульптор прошелся и по «модным песенкам», которые «поет один актер»²³. Как пишет в связи с этой публикацией исследователь жизни и творчества Высоцкого М.И. Цыбульский, «Высоцкий там еще не был назван по имени, но не так уж трудно было догадаться, кого имел в виду скульптор Е. Вучетич»²⁴.

Первая негативная публикация о Высоцком, уже с упоминанием самого артиста, появляется в июне 1968 г. в газете «Советская Россия»²⁵. Газета «Советская Россия» являлась органом ЦК КПСС, а в реальности еще и выражала мнение наиболее консервативной части партийного руководства²⁶. В народе эту газету называли не иначе как «Савраска».

Статья «О чем поет Высоцкий?» была подписана сразу двумя именами: Г. Мушта и Ю. Бондарюк. В системе советской прессы двойное авторство подчеркивало значимость даваемой в публикации оценки: читателю как бы указывалось, что перед ним не субъективное мнение, а артикуляция коллективной позиции, которую разделяет газета [Бродская 2010, с. 127].

Позиция же эта сводилась к следующему: Высоцкий не уважает своих соотечественников, погибших за Родину, презирает советскую действительность, не уважает Женщину, поет песни антиобщественного характера, и все это он придумал не сам, а «подпевает»

²³ Вучетич. Е. Прекрасное – в каждый дом // Правда. 1968. 14 апр.

²⁴ Цыбульский М. Высоцкий и Тюмень. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/biografiya/cybulskej-vysockij-i-tyumen.htm> (дата обращения 09.08.2025).

²⁵ Мушта Г., Бондарюк А. О чем поет Высоцкий // Советская Россия. 1968. 9 июня.

²⁶ Укажем, не вдаваясь в подробности, на некоторые важные моменты. После смещения Хрущева в 1964 г. именно Суслов читает доклад об ошибках бывшего генсека. Два года спустя, в 1966 г., «Советская Россия» из органа Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР становится органом ЦК КПСС, по сути, своего рода «противовесом» «Правде» – органу КПСС.

с чужого «вражеского» голоса. В качестве примеров, иллюстрирующих эти «стороны» творчества Высоцкого, приводились цитаты из песен – не только его, а еще Ю.А. Кукина и Ю.И. Визбора, чьи вещи были огульно Высоцкому приписаны.

Образцом для написания статьи послужили два «классических», в своем роде, текста советской эпохи, определивших весь характер отношений между Партией и культурой: редакционная статья в «Правде» 1936 г. «Сумбур вместо музыки»²⁷, чье авторство порой приписывается – видимо, не без оснований – самому Сталину, и доклад товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 г.

Дело в том, что советским партийным лидерам в лице В.И. Ленина – И.В. Сталина – Н.С. Хрущева – Л.И. Брежнева было в принципе несвойственно высказываться о культуре²⁸. И два вышеназванных текста – да статья Ленина о Толстом – по сути дела, все, чем «вожди» культуру удостоили. А так как партийная линия все же требовала преемственности, любое «идеологически верное» высказывание о культуре сводилось к перелицовыванию оных образцов для нужд момента.

С образцами тоже все было отнюдь не просто. Внешне статья «Сумбур вместо музыки» была направлена против Д.Д. Шостаковича, его оперы «Леди Макбет Мценского уезда». Вот только почему ЦК партии заинтересовался таким, прямо скажем, немассовым искусством, как опера? А ведь во «Вступительной речи» на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) товарищ Жданов не просто говорил, а настойчиво подчеркивал, что «Статья эта появилась по указанию ЦК и выражала мнение ЦК об опере Шостаковича»²⁹.

Дело в том, что в статье осуждался не столько сам композитор, сколько – так называемый «левый уклон» в искусстве. Доводы, приведенные «Правдой», казались простыми:

Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание. Это – перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины»

²⁷ Сумбур вместо музыки // Правда. 1936. 28 янв.

²⁸ Характерно, что о культуре многое высказывались Троцкий и Бухарин. Последний даже писал предисловия к художественным текстам – в частности к «Хулио Хуренито» И.Г. Эренбурга.

²⁹ Вступительная речь тов. А.А. Жданова на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/articles/zhdanov-speech/> (дата обращения 09.08.2025).

в умноженном виде. Это левацкий сумбур вместо естественной, человеческой музыки. Способность хорошей музыки захватывать массы приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, претензиям создать оригинальность приемами дешевых оригинальничаний. Это игра в заумные вещи, которая может кончиться очень плохо³⁰.

Борьба с «формализмом» и «натурализмом» в искусстве во второй половине тридцатых – предлог, чтобы выполнить совершенно другую задачу, отнюдь не искусствоведческого характера.

Обратим внимание на упоминание «мелкобуржуазных формалистических потуг», «претензий создать оригинальность». Все эти формулы метят поверх головы Шостаковича – в Бухарина, «левому» и «формальному» искусству покровительствовавшего. Настолько, что и предисловие к «левацкому» и заформализованному – до абсурда – роману И.Г. Эренбурга «Хулио Хуренито» писал, и Пастернака в «Известиях» печатал, и Мейерхольда привечал – даже с режиссером лично встречался... «Сумбур вместо музыки» – ход в игре против Бухарина. А Мейерхольд и Шостакович – всего лишь пешки в этой партии. Вместо них вполне могли оказаться и другие. Недаром «под раздачу», начатую статьей «Сумбур вместо музыки», а продолженную Ждановым в речи на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), рядом с гениальным композитором Шостаковичем попал весьма посредственный композитор Вано Мурадели.

Точно так же и другой образцовый партийный текст «про искусство» – доклад тов. А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»³¹, зачитанный на собрании писателей в Ленинграде в 1946 г., приведший к изгнанию М.М. Зощенко из Союза Писателей, многолетнему отлучению А.А. Ахматовой от печати и закрытию журнала «Ленинград», – на самом-то деле, являлся не чем иным, как ходом в борьбе за власть между тремя секретарями Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), последовательно сменившими друг друга на этом посту: А.А. Ждановым, А.А. Кузнецовым и П.С. Попковым³². Естественно, происходило все это с ведома Сталина, и в эту проверку на лояльность к режиму оказались втянуты и поплатились

³⁰ Сумбур вместо музыки...

³¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»: сокращенная и обобщенная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде // Правда. 1946. 21 сент.

³² Один за другим они приходили на пост первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ЦК ВКП(б). Первым был А.А. Жданов. Он продержался целых десять лет: с 1934 по 1944, за ним шел А.А. Кузнецов (1945–1946), за ним П.С. Попков (1946–1949).

за нее люди, не имевшие к собственно внутрипартийной борьбе никакого отношения.

В статье «О чём поет Высоцкий», напечатанной «Советской Россией», связь с докладом Жданова очевидна – достаточно сравнить два текста:

Жданов:

Прошло двадцать пять лет с тех пор, как Зощенко поместил эту свою «исповедь». Изменился ли он с тех пор? Незаметно. За два с половиной десятка лет он не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, с циничной откровенностью продолжает оставаться проповедником безыдейности и пошлости, беспринципным и бессовестным литературным хулиганом. Это означает, что Зощенко как тогда, так и теперь не нравятся советские порядки³³.

«Советская Россия»:

В них под видом искусства преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполнценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнравственностью³⁴.

Как говорится: по образу и подобию. Две статьи похожи – вплоть до лексики. Вплоть до соседства слов «хулиган» и «пошлость». Это особенно интересно, если учесть, что словарь Д.Н. Ушакова, зафиксировавший, по сути, речевые нормы сталинской эпохи, дает для слова «пошлый» значения «заурядный, безвкусно-грубый, избитый, тривиальный». А для слова «хулиганство» – «крайнее бесчинство, поведение, сопряженное с явным неуважением к обществу». Как крайнее бесчинство может быть заурядно-тривиальным – загадка. Относительно специфики употребления понятия «хулиган» в контексте советского уголовного законодательства заметим, что обвинение в «хулиганстве» особым образом использовалось в политической риторике 30–50-х гг. XX в. против политических противников партии, да и сама статья в УК была весьма своеобразна, как и ее применение³⁵.

³³ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»...

³⁴ Мышта Г., Бондарюк А. О чём поет Высоцкий...

³⁵ Об этом, в частности, говорит Д.М. Фельдман в своем докладе на международной конференции Высшей школы антропологии (2009) «Советское законодательство в аспекте антропологии: история “хулиганской статьи”».

По структуре данная статья о Высоцком очень похожа на выступление Жданова против «Звезды» и «Ленинграда». Высоцкий, поющий от имени «штрафников и алкоголиков», чуть ли не приобретает качества своих героев, и в статье, напечатанной в «Советской России», получает ту же характеристику, каковую Зощенко получил в свое время от Жданова.

Занимательно и другое: Высоцкому огульно приписываются чужие тексты. В качестве примеров того, о «чем поет Высоцкий», фигурирует четверостишие:

Зато мы делаем ракеты
Перекрываем Енисей,
А также в области балета
Мы впереди планеты всей...³⁶

Авторство принадлежит Ю.А. Визбору – это слова из его песни «Рассказ технолога Петухова о своей встрече с делегатом форума».

Чтобы ярче подчеркнуть интонацию, присущую Высоцкому, журналист даже переделал окончание в третьей строке, и в газетном наборе стоит: «а также в области балетУ». Такие просторечные выражения, действительно, были характерны прежде всего для песен-масок Высоцкого. И тем легче «сглатывал» подмену читатель. В 1968 г. Высоцкий еще не был в зените славы, многих его песен люди просто не знали, а вот интонацию уже начинали узнавать. Так что подобная подтасовка была очень удобна.

Еще Высоцкому приписаны слова А.А. Галича из песни «Право на отдых, или Баллада о том, как я навещал своего брата, находившегося на излечении в психбольнице в Белых столбах» (1965 г.):

А у психов жизнь
Так бы жил любой:
Хочешь – спать ложись,
Хочешь – песни пой!³⁷

Более того, согласно авторам статьи, Высоцкому принадлежат и строки:

Но не несу ни зла я и ни ласки...
Я сам себе рассказываю сказки³⁸

³⁶ Мушта Г., Бондарюк А. О чем поет Высоцкий...

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

в реальности написанные Кукиным – это кусочек из его песни «Сказочник».

Вообще более чем вольное обращение с фактической информацией – весьма характерная черта советских «погромных» статей. Характерно, что в некоторых посвященных Высоцкому статьях из той же «кампании 1968 года» перевираются даже фамилии исполнителей: так, в статье Е. Безрукова «С чужого голоса» из газеты «Тюменская правда» появляется «Ю. Визбор»³⁹ (Ю. Визбор), а в редакционной статье той же газеты, написанной «в продолжение темы», фигурирует Е. Клячин (Е. Клячкин)⁴⁰. При этом Визбор тогда уже был довольно известен как журналист, работавший на радиостанции «Юность».

Все это не случайность, а, скорее, закономерность. Потому что точно так же в 1963 г. с публикации «Окололитературный трутень»⁴¹ в газете «Вечерний Ленинград», подписанной аж тремя именами, – А. Ионина, Я. Лернера и М. Медведева – начали «раскручивать» дело И.А. Бродского, окончившееся процессом над поэтом и его ссылкой. И Бродскому также приписывали чужие стихи – в частности Д.В. Бобышева.

Тогда Бобышев подал заявление на имя председателя комиссии по работе с молодыми авторами при ленинградском отделении Союза советских писателей – Д.А. Гранина, в котором просил разобраться, на основании чего Бродскому приписывают его, Бобышева, тексты, и требуют за них ответа – если надо, Бобышев готов нести за них любую ответственность, как автор, сам.

Точно так же Высоцкий написал в июне 1968 г. письмо, где указывал на то, что ему приписываются чужие тексты:

Мне бы хотелось только указать на ряд, мягко говоря, неточностей. В статье указывается, что в «программной песне “Я – старый сказочник” Высоцкий говорит: “Я не несу с собой ни зла, ни ласки, я сам себе рассказываю сказки”, и далее говорится, что, дескать, как раз зла-то много». Может быть, это и так, но я не знаю этой песни, потому что она мне не принадлежит.

Автор обвиняет меня в том, что я издеваюсь над завоеваниями нашего народа, иначе как расценить песню, поющуюся от имени тех-

³⁹ «Лучшие песни Окуджавы, Якушевой, Городницкого, Висбера покоряют своей нравственной чистотой, гуманизмом, гражданственностью» (цит. по: Безруков Е. С чужого голоса // Тюменская правда. 1968. 7 июля).

⁴⁰ Еще раз о чужих голосах // Тюменская правда. 1968. 3 дек.

⁴¹ Ионин А., Лернер Я., Медведев М. Окололитературный трутень // Вечерний Ленинград. 1963. 29 нояб.

нолога Петухова: “Зато мы делаем ракеты...” и т. д. Обвинение очень серьезно, но оно опять не по адресу, ибо и эта песня не моя. Обе эти песни я никогда не исполнял ни с эстрады, ни в компаниях⁴².

Через неделю после публикации первой разгромной статьи в «Советской России» «О чем поет Высоцкий?» в газете «Тюменский комсомолец» выходит, без указания авторства, статья «Крик моды за трешницу»⁴³. Имя Высоцкого здесь не упоминается, но...

Формально толчком к написанию статьи стало выступление С.Д. Великопольского, первого секретаря Тюменского горкома ВЛКСМ, на собрании областного комсомольского актива. «До каких пор мы будем говорить о Евтушенко, Вознесенском где угодно, только не на молодежных вечерах, диспутах, собраниях?».

С этой фразы упомянутого активиста, сказанной в той самой речи, начинается статья под названием «Крик моды за трешницу» в «Тюменской правде», обозначенная как редакционная – под ней отсутствует авторская подпись. Вот только опубликована она не на первой, как положено редакционной статье, полосе. В статье говорится о «тяге ко всему новейшему у молодежи», которая «была сильна во все времена» – и о том, что тягу эту пора бы уже поставить под «творческий и идейный контроль». В контексте событий в Чехословакии и только что прошедшего в Дрездене съезда «братьских» компартий все это приобретает вполне определенный смысл: партийно-комсомольские структуры начинают проводить жесткий охранительный курс – и культура попадает в зону самого пристального надзора.

Масштаб темы вполне для редакционной статьи. Но далее тема сужается – «теория проецируется на практику», и речь заводится о местных проблемах – и «недосмотрах», которым было посвящено состоявшееся перед областным активом собрание комсомольцев Тюменского судостроительного завода. На собрании обсуждали деятельность некоего Ю. Белкина, местного «фарцовщика», через которого в Тюмени – аж с 1962 г. – распространялись магнитофонные записи, кои Белкин сбывал «по три рубля за штуку». Причем если раньше он «специализировался» на записях «разных там западных “хиппи” и див», то теперь – в связи с изменением пристрастий местной публики – перешел на «бардов». При этом Белкин:

⁴² Высоцкий В. Москва, ЦК КПСС отдел агитации и пропаганды В.И. Степакову, 24 июня 1968 г. URL: <http://irrkut.narod.ru/raznoe/Ofis-pisma-1.htm> (дата обращения 09.08.2024).

⁴³ Крик моды за трешницу // Тюменский комсомолец. 1968. 14 июня.

...выбрал для своего бизнеса песнопения, рядом с которыми дребедень, достойная нэпмановских граммофонов, покажется классикой... Про “халаву рыжую”, “Нинку-наводчицу” ...⁴⁴

Песням этим дается самая жесткая оценка:

Это явление – песенное хулиганство – не безобидно. В нем, если хотите, отражен один из способов духовного разложения молодежи⁴⁵.

Подбираются и цитаты из «разложеческих» песен. И все, как одна – исключительно из Высоцкого. Упоминается про особый песенный

...тип героя, который метит чуть ли не в правдолюбцы, в оценщики моральных ценностей нашего строя. Этот подался ни много – ни мало в певцы социальные. Ему наша жизнь представляется психлечебницей, а идеалы ее – миражем. Мораль:

...рассказал бы Гоголю
Про нашу жизнь убогую,
Ей-богу, этот Гоголь бы
Нам не поверил бы⁴⁶.

Автор песен не называется.

Анонимный автор статьи «Крик моды за трешницу» продолжает: «Выход из этого одни барды видят в призывае к неким варягам: “Спасите наши души”. Другие считают, что лучше “лечь на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать”. С чьего это голоса? Даже враждебные нам радиостанции и газеты все чаще воздерживаются от таких приемов. Эти же песни-сплетни, песни-пасквили, в которых секс, индивидуализм, глумление над человеком смешаны с махровой антисоветчиной, распространяются, по существу, свободно»⁴⁷.

Журналистка А. Лозовая попыталась провести собственное расследование этой тюменской истории. По ее версии, «Светлану Мандрашову, журналистку “Тюменского комсомольца”, вызывает второй секретарь горкома ВЛКСМ Евгений Безруков. Там ей, “как члену бюро горкома комсомола”, предлагают написать письмо – протест от комсомольской молодежи против

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Крик моды за трешницу // Тюменский комсомолец. 1968. 14 июня.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

творчества Высоцкого, по этому поводу организовать собрание. А в результате набросать об этом событии текст, небольшой – на две-три странички, но “с душой”. “Тогда подобный протест мог поломать человеку жизнь”, – вспоминает Светлана Владимировна, – “и я отказалась, мотивируя это тем, что ничего не знаю про этого барда”. <...> Конечно, мнение молодой журналистки, а ей было всего двадцать лет, не повлияло на развитие событий, и собрание состоялось»⁴⁸.

О нем-то и рассказывается в статье «Крик моды за трешницу». Только акцент там сделан на деятельность Белкина, а сам «виновник» собрания – тот, из-за кого собирались, по имени не называется. Очевидно, не в последнюю очередь потому, что изначально предполагалось – одной статьей дело не ограничится, будет целая кампания. Собственно, автор «редакционной» статьи на сегодняшний день установлен, благодаря усилиям уже упоминавшейся Лозовой. «Крик моды за трешницу» написал Руслан Александрович Лынев, в то время – специальный корреспондент газеты “Комсомольская правда”. Сам факт весьма примечателен: статья написана более чем через месяц после события, ее автор не является сотрудником публикующей газеты... Кстати, через два дня, 16 июня, эта статья выходит под названием “Что за песней?” в “Комсомольской правде”⁴⁹, – а это почти что повторение статьи «Крик моды за трешницу»:

Недавно в Ленинграде была раскрыта группа спекулянтов, которые среди прочего товара промышляли пластинками и пленками с так называемыми модными записями. Одним из партнеров спекулянтов оказался некто Ю. Белкин, «работавший» в Тюмени. Он переписывал пересылаемые ему по почте «шедевры» на пластинки и магнитофонные ленты и сбывал по три рубля за штуку. <...> Конечно же, зрелому человеку этих песен не надо. Но вот волосатый отрок принял сие творчество как откровение, и, что самое худшее, оно становится частью его идеологии, вкусов, культуры. Поэтому песенное хулиганство небезобидно. Это, если хотите, один из способов духовного разложения молодежи <...> При этом одни барды взывают: «Спасите наши души». Другие считают, что лучше «...лечь бы на дно, как подводная лодка, чтобы не могли запеленговать»⁵⁰.

⁴⁸ Лозовая А. Чтобы помнили. URL: <https://proza.ru/2008/07/01/595> (дата обращения 09.08.2024).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Лынев Р. Что за песней? // Комсомольская правда. 1968. 16 июня.

Имя Высоцкого опять не названо, но цитируются его тексты. Не правда ли, знакомый сюжет?

Но это только начало. В «Тюменской правде» выходит новое сочинение⁵¹. На этот раз автор выступает в отношении Высоцкого гораздо жестче. Статью пишет Е. Безруков, второй секретарь Тюменского горкома комсомола. Повод – все то же злополучное собрание. Теперь все вырванные из песен строки действительно принадлежат Высоцкому. На этот раз материал, прежде чем о нем писать, изучили. Посып такой: Высоцкий своими песнями проповедует антиобщественный образ жизни, его песни чуть ли не расщеляют молодежь и «калечат души» подростков. «Так Высоцкий, Кукин, Клячкин, Ножкин, вольно или невольно становятся идеологическими диверсантами, пытающимися калечить души наших подростков, юношей и девушек»⁵².

Опять возникает приснопамятный Ю. Белкин с его деятельностью, Высоцкий ставится на одну доску со спекулянтом⁵³. Упомянут и инцидент с С. Мандрашовой, а также тот факт, что в городе Тюмени катастрофически не хватает правильной «пропаганды музыки и эстетических знаний в целом». Надо «учить» новое поколение «восприятию искусства».

Способы аргументации в статье и ее стилистика явственно восходят к докладу товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», вплоть до совпадений. Жданов заявляет:

Зощенко совершенно не интересует труд советских людей, их усилия и героизм, их высокие общественные и моральные качества. Эта тема всегда у него отсутствует. Зощенко мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта⁵⁴.

Е. Безруков пишет:

Советский народ посвящает свой труд и помыслы высокой цели – строительству коммунистического общества, отстаивая в боях наши светлые идеалы.

⁵¹ Безруков Е. С чужого голоса...

⁵² Там же.

⁵³ «Осуждая “бардов”, стоит задуматься над тем, почему появляются высоцкие и белкины, почему среди молодежи еще находятся люди, принимающие всерьез мещанско-пошлую дребедень» (цит. по: Безруков Е. С чужого голоса....).

⁵⁴ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»...

«Но что Высоцкому и другим «бардам» до этих идеалов. Они лопочут о другом:

Лечь бы на дно, как
Подводная лодка..»
Или: «А у психов жизнь, –
Так бы жил любой
Хочешь – спать ложись
Хочешь – песни пой»⁵⁵.

У Жданова говорилось:

Возьмите далее тему о советской женщине. Разве можно культивировать среди советских читателей и читательниц присущие Ахматовой постыдные взгляды на роль и призвание женщины, не давая истинно правдивого представления о современной советской женщине вообще, о ленинградской девушке и женщине героине, в частности, которые вынесли на своих плечах огромные трудности военных лет, самоотверженно трудятся ныне над разрешением трудных задач восстановления хозяйства?⁵⁶

У Безрукова сказано:

– Я женщин не бил до 17 лет.

Поколение за поколением проповедуют бережное, возвышенное, благородное отношение к подруге, жене, матери – к прекраснейшей половине человечества. А тут, пожалуйста:

“И слева, и справа

Я ей основательно врезал...”

Так с наглым цинизмом отбрасывается наша нравственность, опираются самые высокие моральные принципы⁵⁷.

Статьей Безрукова в Тюмени дело не кончается. Следом, 7 июля, в «Тюменской правде» появляется статья С. Владимира «Да, с чужого голоса!»⁵⁸, которая является «ответом» на некое письмо Виктора Калашникова, где тот защищает Высоцкого от нападок журналистов. Статья довольно объемистая – целых две полосы⁵⁹.

⁵⁵ Безруков Е. С чужого голоса...

⁵⁶ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»...

⁵⁷ Безруков Е. С чужого голоса...

⁵⁸ Владимиров С. Да, с чужого голоса! // Тюменская правда. 1968.

30 авг.

⁵⁹ Вторая и третья – что немаловажно. Редко кто удостаивался «чести» быть напечатанным аж на двух страницах, да еще и в начале газеты.

Автор – едва ли не по пунктам – отвечает на доводы В. Калашникова в защиту Высоцкого. Статья носит характер дидактический, даже в чем-то снисходительный – по отношению к Калашникову, письмо которого разбирают как караули неразумного дитяти.

ОТКУДА *<sic>* у тебя, Виктор, такое самомнение, такая ложная уверенность, что ты все знаешь и один прав?

Почему, на каком основании ты делаешь вывод, что Е. Безруков написал статью «С чужого голоса» по принуждению, что ему на самом деле нравятся «песни» Высоцкого? Какое ты имеешь право так оскорблять совершенно незнакомого тебе человека?

Ты меня извини, но в народе говорят, что человек судит о других, исходя из собственных черт характера. Почему ты считаешь, что если эти «песни» нравятся тебе, то они должны нравиться всем без исключения? А ведь ты именно так пишешь: «Все 8 тысяч студентов Тюмени захотят самолично приветствовать Высоцкого». Ни больше, ни меньше. Плохо ты знаешь наше студенчество.

Не надо судить по себе о всех других людях, Виктор. Это, по меньшей мере, несерьезно⁶⁰.

С. Владимириов рассуждает обо всем, что можно приписать негативному влиянию Высоцкого на подрастающее поколение. Начиная от манеры исполнения, поминая образ Матери и Женщины и то, как с ним «обходится» Высоцкий (что уже было проделано Е. Безруковым), и заканчивая тем, что Высоцкий «оплевывает Советскую власть» и «подпевает чужим, заокеанским голосам, клевещущим на нашу Отчизну».

Проходит еще два месяца, и к «полемике» о бардах и Высоцком подключаются советские композиторы – первой величины. Секретарь Союза композиторов СССР, народный артист СССР (1967), дважды лауреат Сталинской (1943, 1947) и единожды Ленинской (1959) премий В.П. Соловьев-Седой в «Советской России» ругает певца за «топорность», «немузикальность» и грубоść и, опять-таки, обращается к проблеме воспитания подрастающего поколения⁶¹.

И это «еще не конец». Против Высоцкого в журнале «Советская музыка» выступает еще и народный артист СССР, глава комиссии по музыкально-эстетическому воспитанию детей и юношества при Союзе композиторов СССР Д.Б. Кабалевский – на тот момент

³⁶ *Мушта Г., Бондарюк А.* О чем поет Высоцкий...

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

еще и депутат Верховного Совета СССР. Он весьма активно подчеркивает важность эстетической составляющей в воспитании молодежи, но, будучи также детским композитором, не забывает и о младшей аудитории, обращаясь к проблемам ее воспитания в духе настоящих советских людей⁶².

Последний текст, имеющий отношение к описываемой кампании, выходит в начале декабря 1968 г. – это редакционная статья в «Тюменской правде» «Еще раз о чужих голосах»⁶³. Ничего нового эта статья не дает, кроме того, что автор плохо знал тех, о ком писал. В 1968 г. произошла очевидная и резкая смена курса, связанная с «Пражской весной». Против Высоцкого очевидно готовилась серьезная кампания, которая должна была принести ему много неприятностей. Но она лопается, как мыльный пузырь. Пожурили – и отпустили. Никаких серьезных или необратимых последствий этих статей Высоцкий на себе не ощущает. Он как пел свои песни, так и продолжает петь, продолжает играть в театре и даже сниматься в кино.

Так называемая публичная порка, которой должен был подвергнуться Высоцкий, была не в последнюю очередь связана со сменой курса власти и попыткой «завернуть гайки». Причины ужесточения цензуры указаны выше – события, развернувшиеся в Чехословакии в 1968 г.

Действительно ли СМИ работали «против Высоцкого», стремясь его «задавить», лишить возможности выступать с концертами, сниматься в кино и т. д. Скорее всего, борьба шла между людьми, приближенными к власти. Тем более не стоит упускать из виду один важный момент. В нескольких статьях о Высоцком⁶⁴ всплывает некто Ю. Белкин. Акцент делается на том, что «крыша» Ю. Белкина находится в Ленинграде. То есть все «зло» исходит исключительно из этого города. Благодаря этому можно производить смену кадров, поскольку «старые» не справляются.

С осторожностью предположу, что не последнюю роль сыграли эти статьи в назначении Г.В. Романова первым секретарем Ленинградского Обкома ЦК КПСС в 1970 г., когда газетная шу-

⁶⁰ Владимиров С. Да, с чужого голоса!..

⁶¹ Соловьев-Седой В. Модно – не значит современно // Советская Россия. 1968. 15 нояб.

⁶² Кабалевский Д. О массовом музыкальном воспитании // Советская музыка. 1969. 3 марта.

⁶³ Еще раз о чужих голосах // Тюменская правда. 1968. 3 дек.

⁶⁴ Лынев Р. Что за песней?..; Еще раз о чужих голосах // Тюменская правда. 1968. 3 дек.

миха вокруг имени Высоцкого слегка поутихла. Как раз прошло два года – карьерные «взлеты» не случаются молниеносно (тем более что несколько лет Романов был вторым секретарем по тому же ведомству, и «пальма первенства» вроде бы досталась ему по очереди).

Есть предположение, что это не было пределом его желаний. Романов метил в генеральные секретари ЦК КПСС, чему так и не суждено было случиться. Григорий Васильевич Романов пришел на место В.С. Толстикова, которого как раз в 1970 г. назначили послом в КНР.

12 июня 1968 г. происходит еще одно событие: смена руководящих кадров. На место секретаря ЦК ВЛКСМ в Москве приходит Е.М. Тяжельников и остается там вплоть до 1977 года. До этого (с 1959 г.) пост занимал С.П. Павлов. Но существует еще одна возможная причина, почему Высоцкого так и не тронули, и «кампания» не состоялась. После статьи, напечатанной в «Советской России»⁶⁵, Влади, не будучи официально женой Высоцкого, вступает в Коммунистическую партию Франции. Интересно, почему такой небольшой разрыв во времени. Идет ли Влади на переговоры с Коммунистической партией сразу после публикации, или это просто предупреждение возможных проблем?

Сама актриса, правда, высказывает иное мнение:

Мы участвовали в антифашистских демонстрациях, и иногда дело доходило до драк на улицах. Этот пройденный вместе с ними путь сблизил меня тогда с Итальянской коммунистической партией. А теперь, в эти безумные, смутные майские дни, в Париже, я думаю о России, о предстоящих съемках в Москве, о будущей жизни – может быть, рядом с тобой – и принимаю решение. Как раз перед отъездом из Парижа, в июне шестьдесят восьмого, я вступаю в ФКП.

Сама того не подозревая, я совершаю, таким образом, поступок, который во многом определит весь ход твоей жизни. И впоследствии, когда я буду хлопотать о выдаче тебе для поездки заграничного паспорта, это кратковременное и символическое членство в партии принадаст моим просьбам вес, о котором я пока и не догадываюсь⁶⁶.

Если бы кампания против Высоцкого была развернута серьезнее, то неизвестно, чем бы это могло закончиться. Поступок Влади был отличным прикрытием для Высоцкого: во-первых, публикации хотя и появлялись, но это не слишком сильно повлияло на карьеру

⁶⁵ Мышта Г., Бондарюк А. О чем поет Высоцкий...

⁶⁶ Влади М. Указ. соч. С. 13.

Высоцкого, тем более что выступления против поэта прекратились довольно быстро. Тон публикаций о Высоцком несколько изменился к 1969 г. Его больше «не трогали».

Во-вторых, Высоцкого наконец-то выпустили за пределы СССР. Руководству страны вряд ли нужно было ссориться с компартией Франции, а скандал был бы неизбежен.

Занимательно то, что ни в одном из городов, в котором были напечатаны статьи против Высоцкого, певец не выступал. Он не давал концертов ни в Саратове⁶⁷, ни в Тюмени. Так что вышедшие статьи не были реакцией на его выступление, что хотя бы отчасти объясняло их негативный тон. Вообще вопрос о Высоцком как о явлении, «вредном» ли, талантливом ли, мало кого волновал. Цель, может статься, была совершенно иной, и Высоцкий к ней отношения не имел.

Уже к 70-му году практически нет негативных упоминаний о Высоцком. Интересен был не он, а то, какие возможности давало использование его имени.

Литература

- Богомолов 2004 – *Богомолов Н.А.* Чужой мир и свое слово // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской поэзии. М.: НЛО, 2004. С. 383–398.
- Бродская 2010 – *Бродская Е.В.* «Язык агрессии» в публикациях о В. Высоцком 1968 г. // Агрессия: интерпретация культурных кодов 2010. Саратов: Лиска, 2010. С. 125–140.
- Бродская 2014 – *Бродская Е.В.* Феномен В.С. Высоцкого в советской прессе 80-х годов XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». 2014. № 12 (134). С. 101–110.
- Бродская 2023 – *Бродская Е.В.* Миф о В.С. Высоцком и его трансформация в современном социуме // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоzнание. Культурология». 2023. № 10. С. 33–44.
- Язвикова 2003 – Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: материалы третьей международной научной конференции, Москва, 17–20 марта 2003 г. / сост. Е.Г. Язвикова М.: ГКЦМ Высоцкого, 2003. 461 с.
- Кулагин 1996 – *Кулагин А.В.* Поэзия В.С. Высоцкого: Творческая эволюция. Коломна: Коломенский педагогический ин-т, 1996. 121 с.;
- Кулагин 1997 – *Кулагин А.* Поэзия В.С. Высоцкого: Творческая эволюция. М.: Книжный магазин «Москва», 1997. 196 с.
- Кулагин 2002 – *Кулагин А.В.* Агрессивное сознание в поэтическом изображении Высоцкого (1964–1969) // Кулагин А.В. Высоцкий и другие: Сб. статей. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2002. С. 17–26.

⁶⁷ *Мушта Г., Бондарюк А.* О чем поет Высоцкий...

- Мир Высоцкого 1999–2002 – Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. 1 / сост. А.Е. Крылов, Б.Б. Жуков; отв. ред. В.Ф. Щербакова. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1997. 536 с.
- Новиков 1991 – *Новиков В.И.* В Союзе писателей не состоял: писатель Владимир Высоцкий. М.: Интерпринт, 1991. 228 с.
- Новиков 2001 – *Новиков В.И.* Высоцкий: Главы из книги // Новый мир. 2001. № 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/11/vysoczkij.html?sysclid=mfl2dr5awb454552484 (дата обращения 09.08.2025).
- Новиков 2001–2002 – *Новиков В.И.* Высоцкий // Новый мир. 2001. № 11–12; 2002. № 1. С. 77–98.
- Новиков 2021 – *Новиков В.И.* Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2021. 9-е изд., испр. и доп. 612 с.
- Перевозчиков 1998 – *Перевозчиков В.К.* Правда смертного часа: Владимир Высоцкий, год 1980-й. М.: Сампо, 1998. 272 с.
- Раззаков 2004 – *Раззаков Ф.И.* Владимир Высоцкий: По лезвию бритвы: самая полная биография «шансонье всей Руси». М.: Яуза. Пресском, 2004. 480 с.
- Рудник 1995 – *Рудник Н.М.* Проблема трагического в поэзии В.С. Высоцкого. Курск: Изд-во КГПУ, 1995. 245 с.
- Скоболев, Шаулов 1991 – *Скоболев А.В., Шаулов С.М.* Владимир Высоцкий: Мир и слово. Воронеж: МИПП «Логос», 1991. 176 с.
- Скоболев 2007 – *Скоболев А.В.* Много неясного в странной стране. Ярославль: ИПК «Индиго», 2007. 188 с.

References

- Bogomolov, N.A. (2004), "An alien world and one's own word", in Bogomolov, N.A., *Ot Pushkina do Kibirova: Stat'i o russkoi poezii* [From Pushkin to Kibirov. Essays on Russian poetry], NLO, Moscow, Russia, pp. 383–398.
- Brodskaya, E.V. (2023), "The myth of Vladimir Vysotsky and its further transformation in the modern Russian society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 33–45.
- Brodskaya, E.V. (2010), "The language of aggression' in publications about V. Vysotsky in 1968", in *Agressiya: interpretatsiya kul'turnykh kodov 2010* [Aggression: Interpretation of cultural codes 2010], Liska, Saratov, Russia, pp. 125–140.
- Brodskaya, E.V. (2014), "Phenomenon of V.S. Visotsky in mass-media 80s of 20th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philology. Journalism. Literary Criticism" Series*, vol. 134, no. 12, pp. 101–110.
- Kulagin, A.V. (1996), *Poeziya V.S. Vysotskogo: Tvorcheskaya evolyutsiya* [The poetry of V. Vysotsky. Creative evolution], Kolomenskii pedagogicheskii institut, Kolomna, Russia.
- Kulagin, A.V. (1997), *Poeziya V.S. Vysotskogo: Tvorcheskaya evolyutsiya* [The poetry of V. Vysotsky. Creative evolution], Knizhnyi magazin "Moskva", Moscow, Russia.

- Kulagin, A.V. (2002), “Aggressive consciousness in the poetic representation of Vysotsky (1964–1969)”, in Kulagin, A.V., *Vysotskii i drugie: Sbornik statei* [Vysotsky and others. Collected articles], GKTsM V.S. Vysotskogo, Moscow, Russia, pp. 17–26.
- Kulagin, A.V. (2002), *Vysotsky i drugie* [Vysotsky and others], GKTsM V.S. Vysotskogo, Moscow, Russia, 200 p.
- Novikov, V.I. (1991), *V Soyuze pisatelei ne sostoyal: pisatel' Vladimir Vysotskii* [Writer Vladimir Vysotsky was not a member of the Writers' Union], Interprint, Moscow, Russia.
- Novikov, V.I. (2001–2002), “Vysotsky”, *Novyi mir*, no. 11–12; no. 1, pp. 77–98.
- Novikov, V.I. (2001), *Vysotskii: Glavy iz knigi* [Vysotsky. Book chapters], *Novyi mir*, no. 11, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/11/nov.html (Accessed 9 Aug. 2025).
- Novikov, V.I. (2021), *Vysotskii* [Vysotsky], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Perevozchikov, V.K. (1998), *Pravda smertnogo chasa: Vladimir Vysotskii, god 1980-i* [The truth of the mortal hour: Vladimir Vysotsky, the year 1980], Sampo, Moscow, Russia.
- Razzakov, F.I. (2004), *Vladimir Vysotskii: Po lezviyu britvy: samaya polnaya biografiya "shanson'e vseya Rusi"* [Vladimir Vysotsky. On the razor's edge: The most complete biography of the “chansonnier of all Russia”] Yauza, Presskom, Moscow, Russia.
- Rudnik, N.M. (1995), *Problema tragichestkogo v poezii V.S. Vysotskogo* [The problem of the tragic in V. Vysotsky's poetry], Izdatel'stvo KGPU, Kursk, Russia.
- Shcherbakova, V.F., ed. (1997), *Mir Vysotskogo: Issledovaniya i materialy* [The world of Vysotsky: Research and materials], iss. 1, GKTsM V.S. Vysotskogo, Moscow, Russia, 536 p.
- Skobelev, A.V. and Shaulov, S.M. (1991), *Vladimir Vysotskii: Mir i slovo* [Vladimir Vysotsky. World and word], MIPP «Logos», Voronezh, Russia.
- Skobelev, A.V. (2007), *Mnogo neyasnogo v strannoi strane* [There is a lot of unclear in a strange country], IPK “Indigo”, Yaroslavl, Russia.
- Yazvikova, E.G., ed., (2003), *Vladimir Vysotskii: vzglyad iz XXI veka: materialy tret'ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 17–20 marta 2003 g.* [Vladimir Vysotsky: A view from the 21st century. Proceedings of the 3rd international scientific conference, Moscow, March 17–20, 2003], GKTsM Vysotskogo, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгения В. Бродская, кандидат филологических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; eugenia.brodkaya@gmail.com

Information about the author

Evgeniya V. Brodskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; eugenia.brodkaya@gmail.com

Проблемы теории журналистики

УДК 316.346.32-053.6:070:004

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-94-102

Медиапотребление и медиаповедение зумеров

Наталия Я. Макарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rsuh.makarova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности медиапотребления и медиаповедения поколения Z. Именно это поколение играет ключевую роль в развитии креативной экономики России, формировании медиапространства и системы медиакоммуникаций. Под влиянием зумеров происходят существенные изменения в развитии медиаплатформ, рынка труда, медиамаркетинга.

Ключевые слова: зумеры, медиапотребление, креативная экономика, теория поколений, поколение Z, медиакоммуникации

Для цитирования: Макарова Н.Я. Медиапотребление и медиаповедение зумеров // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 94–102. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-94-102

Media consumption and media behavior of zoomers

Natalia Ya. Makarova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, rsuh.makarova@gmail.com*

Abstract. The article considers the features of media consumption and media behavior of generation Z. It exactly is the generation that plays a key role in the development of the creative economy, the formation of the media space and the media communication system. Under the influence of zoomers, significant changes are taking place in the development of media platforms, the labor market, and media marketing.

Keywords: zoomers, media consumption, creative economy, generation theory, generation Z, media communications

© Макарова Н.Я., 2025

For citation: Makarova, N.Ya. (2025), “Media consumption and media behavior of zoomers”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 94–102, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-94-102

Теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува (1991) снискала большую популярность и служит ключевым ориентиром для современного медиапространства, маркетинга и медиакоммуникаций. Несмотря на неоднозначное отношение к этой теории научного сообщества, большинство экспертов и социологов в своих исследованиях опираются на систему деления поколений, которая лежит в основе работы У. Штрауса и Н. Хоува: беби-бумеры, поколение X, поколение Y, поколение Z, поколение Альфа, поколение Бета. В последние пять лет активно обсуждается поколение Z или «зумеров». Сегодня, когда представители этого поколения становятся активными членами общества, выходят на рынок труда, обладают платежеспособностью, дискуссия о качествах и потенциале зумеров выходит на новый уровень. Если раньше зумеры были в поле зрения педагогов и психологов, то сейчас они в центре внимания специалистов в области управления персоналом, маркетологов, продюсеров, бизнес-стратегов.

Поколение Z, родившееся в 1998–2011 гг., называют «цифровыми аборигенами». Численность этого поколения в России составляет 23 млн человек¹. Характерные черты поколения Z – высокая адаптивность, активное применение интернета, эгоцентричность, стремление к уникальности и самореализации, толерантность, частые депрессивные состояния, низкая концентрация (8 сек.), мультизадачность, дистанцирование от предыдущих поколений, нарциссизм, желание «моментального вознаграждения» и нежелание планировать наперед. Исследователи отмечают, что для них актуальны вопросы экологии, гендерного равенства, создания и развития искусственного интеллекта [Агаджанов 2015, с. 70]. Представители поколения Z имеют проблемы с эмпатией и восприятием чужих чувств. Они не умеют считывать чужие эмоции, так как буквально не видят их, постоянно находясь в виртуальной реальности [Кучерихин 2017, с. 71].

В среднем у зумеров первый смартфон появляется в 12 лет и в этом же возрасте они регистрируются в социальных сетях. Еще одна цифровая черта поколения Z – это способность вза-

¹ Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах. URL: <https://refru.ru/birth55.html> (дата обращения 19.07.2025).

имодействовать с двумя гаджетами одновременно. Например, скроллинг социальных сетей параллельно с другими делами для них поведенческая норма. Фактически с рождения поколение зумеров столкнулось с такими явлениями, которых не было за всю историю человечества – дополненная и виртуальная реальность, технологии, ставшие частью современной жизни каждого человека². С раннего детского возраста ребенка-зумера окружали мультфильмы, контент видеохостингов и социальных сетей, компьютерные игры и игры на планшетах и смартфонах, игрушки и конструкторы, позволяющие также использовать дополненную реальность для полного вовлечения в атмосферу игры. Зумеры не прожили ни года без технологических инноваций: 1998 г. – создание компаний OZON и Mail.ru, 2000 г. – доступ к широкополосному интернету, 2003 г. – создание сервиса Кинопоиск, 2004 г. – запуск Gmail, создание компании Wildberries, 2005 г. – появление YouTube, 2006 г. – открытие социальных сетей ВКонтакте, Одноклассники, 2008 г. – развитие технологий 3G, 2009 г. – появление сервиса Госуслуги, 2011 г. – внедрение стандарта беспроводной высокоскоростной передачи данных для мобильных телефонов и других терминалов. Цифровая культура определяет и языковую культуру зумеров. Их прецедентные тексты основаны на рилзах и онлайн играх, а не на классической литературе и кино (характерная черта поколения X). Они активно используют эмодзи и мемы. По словам профессора МПГУ Елены Борисовой, 73% зумеров говорят, что мемы помогают выражать мысли и идеи.

Для зумеров характерно словотворчество, особенно под влиянием интернет-мемов (*кринж, флексить, сигма, скунф, база*). В целом мемы, эмодзи и другие визуальные элементы для зумеров – важная часть общения. Они игнорируют правила грамматики в неформальной коммуникации, используют парцелляцию (разбивают длинные предложения на множество отдельных сообщений), пишут все слова со строчной буквы и часто заменяют слова аббревиатурами: *пж* вместо *пожалуйста*, *лп* вместо *лучшая подруга* (отсюда *элпешка / ЛПшка / лпшка*)³.

² Серова Е. От молчаливых до игривых // RuGenerations – российская школа теории поколений. 2009. 30 апр. URL: <https://rugenerations.su/2009/04/30/от-молчаливых-до-игривых/> (дата обращения 19.07.2025).

³ Язык поколений: в чем разница между лексиконами зумеров, милениалов, бумеров и иксеров. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/yazyk-raznykh-pokoleniy> (дата обращения 21.07.2025).

54% зумеров считают себя творческими людьми⁴. Для молодежи креативность неотделима от повседневности, для них творчество – такая же базовая потребность, как общение, познание нового, учеба или работа. Они верят в себя и по мере сил реализуют свои таланты. Шить кастомную одежду, заниматься концептуальным искусством после работы, петь, танцевать в собственной группе – уже скорее норма жизни, нежели экстремальное проявление творческой натуры. Это важно и с точки зрения их потребления – они не хотят быть как все. Все, что они потребляют, носят, едят, смотрят, должно быть заявлением их творческой личности, помогать им строить и выражать индивидуальность со своими ценностями и взглядами. Особенности поколения Z в том, что они не просто потребляют контент, но и создают его. Они превращают свои увлечения в бизнес, а личные блоги – в полноценные СМИ.

Рассмотрим медиапотребление поколения Z. Ведь именно оно сегодня существенно влияет, а подчас и определяет тенденции развития образования, медиа, рекламного рынка и в целом креативной экономики. Согласно исследованиям компании Mediascope 2025 г., ежедневно зумеры 6,5 часов проводят онлайн, фактически это эквивалентно их времени на сон. Основными площадками онлайн-пребывания выступают: TikTok (18%), Телеграм (14%), YouTube (9%), ВКонтакте (8%), Whatsapp (4%). Даже в Телеграмме лидирует по месячным охватам TikTok (TikTok Updates (8%) и TikTokModCloud (6,9%)). В числе других популярных каналов в Телеграмме: Топор+ (7.8%), Леонардо Дайвинчик (5,8%), Прямой эфир – Новости (4,3%), МЕМАЧ (4,3%), Москвач · Новости Москвы (4,2%), Первый Московский (3,5%), Дмитрий Масленников Блоггер (3,5%)⁵. Хотя большинство молодых зрителей предпочитают онлайн-платформы, телевидение остается важной частью медиапотребления. При этом телевизор смотрит каждый второй из них, газеты и журналы читают 35%. Среди любимых передач выделяются шоу «Экстрасенсы. Битва сильнейших», фильм «По щучьему велению», новостная программа «Вести» и сериал «Ландышши. Такая нежная любовь»⁶.

⁴ Маркетинг для поколения Z: как брендам подружиться с молодежью. URL: <https://companies.rbc.ru/news/3p4HPJUQAB/marketing-dlya-pokoleniya-z-kak-brendam-podruzhitsya-s-molodezhyu/> (дата обращения 21.07.2025).

⁵ Актуальные цифры медиапотребления россиян – выступление Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/2928545/> (дата обращения 21.07.2025).

⁶ Телевизор обогнал TikTok по среднесуточному времени у зумеров. URL: <https://adindex.ru/news/digital/2025/07/1/335025.phtml> (дата обращения 21.07.2025).

Немаловажную роль в медиапотреблении поколения Z играет и аудиоконтент. Безусловно, речь идет не о радиовещании, а об аудиоподкастах. Тенденции зумеров в области прослушивания подкастов следующие: 66% слушателей поколения Z используют подкасты, чтобы быть в курсе последних событий; 80% слушают подкасты как средство расслабления; около двух третей используют подкасты в качестве способа эскапизма; более половины слушают, чтобы лучше понять свои чувства. Несмотря на тенденцию к многозадачности при потреблении контента, 82% слушателей поколения Z сообщили, что слушают подкасты, не занимаясь ничем другим⁷. Зумеры ценят в аудиоподкастах: интерес к супергероям-обычным людям, с которыми можно себя ассоциировать; предпочтение напряженного повествования вместо большого количества драматических историй; интерес к реалистичным персонажам с внутренним конфликтом, с которыми можно себя ассоциировать; оптимистичный контент, поднимающий настроение⁸.

Благодаря зумерам на российский рынок выходит новый формат видеоконтента. Это микродрамы – короткие вертикальные сериалы для мобильного просмотра. Поколение Z примерно в четыре раза больше потребляет вертикального мобильного контента, чем поколение Y. В основном это связано с ростом мобильного трафика. Именно за внимание зумеров продюсеры развернут основную битву. В России масштабное производство таких сериалов запустила компания Scroll Studios. К достоинствам такого формата можно отнести недорогое производство. Каждая серия продолжительностью до 2 минут, количество серий может быть от 40 до 120. Данный формат не предполагает привлечение популярных актеров, поскольку ключевую роль играет сюжет, а не подбор актеров. Сценаристы микродрам используют проверенные временем сюжеты: любовь, изменения, месть, семейные тайны и разоблачения. Формат требует максимальной эмоциональной насыщенности и неожиданных поворотов, заставляющих зрителя немедленно включить следующую серию. Производственный цикл подобных микродрам занимает несколько месяцев. Компания Scroll Studios планирует производить до 100 сериалов в год и выстраивает вокруг этого формата

⁷ Goldman J. Gen Z loves podcasts – and considers them far less toxic than social media // Emarketer. URL: <https://www.emarketer.com/content/gen-z-loves-podcasts-and-considers-them-far-less-toxic-than-social-media> (дата обращения 22.07.2025).

⁸ What Does Gen Z Look for in Movies & TV Shows? // Wordsa. URL: <https://wordsa.com/celebrity/what-does-gen-z-look-for-in-movies-tv-shows> (дата обращения 22.07.2025).

полную производственную цепочку: от лицензирования и сценарной разработки до маркетинга, дистрибуции. ИВИ стал первым в России онлайн-кинотеатром, который внедрил в свое приложение большой раздел минидрам, завоевавших мировую популярность. С июня 2025 г. в мобильной версии приложения доступен широкий каталог коротких зарубежных вертикальных сериалов. Формат микродрамы возник в Китае и буквально за несколько лет стал важным сегментом в креативных индустриях. К 2024 г. годовая выручка от микродрам в Китае достигла 6,9 млрд долларов. Более половины всей китайской интернет-аудитории, что свыше 570 млн человек, регулярно смотрят вертикальные мини-сериалы. Подобная ситуация сложилась и на американском кинорынке. Только за 2024 год западные приложения для коротких сериалов заработали 1,2 млрд долларов, 60% из которых приходится на американскую аудиторию⁹.

Зумеры существенно меняют и коммерческий сектор, который связан в первую очередь с креативной экономикой. Разработчики стратегий рекламных кампаний в обязательном порядке учитывают их поколенческие особенности. Цифровые сервисы занимают лидирующую позицию не только в медиапотреблении, но и в приобретении товаров и услуг. 57% зумеров покупают одежду, косметику и электронику через маркетплейсы, а 48% заказывают еду через приложения¹⁰. Представители поколения Z отдают предпочтение локальным брендам и коллаборациям с блогерами. Для 34% зумеров одежда – главная категория расходов¹¹. Маркетплейсы близки и понятны новому поколению, позволяют им определять стиль. Вместе с тем 80% зумеров «приходят» на маркетплейсы с целью отдохнуть¹². Для маркетологов маркетплейсов при создании и оформлении карточки товара необходимо использовать эмоциональные якоря, мемы, чтобы получить внимание поколения эстетов. Зумеры обращают внимание не только на сам товар, но и на то, где, кем и как он произведен. Приоритетное значение

⁹ Клименко Т. Как микродрамы оказывают макровлияние на киноиндустрию. Новая эпоха вертикального видео. URL: <https://informburo.kz/stati/kak-mikrodramy-okazyvayut-makrovliianie-na-kinoindustriiu-novaia-epoha-vertikalnogo-video> (дата обращения 21.07.2025).

¹⁰ Исследование: к 2030-м годам тенденции в потреблении станет определять поколение Z. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10937104> (дата обращения 21.07.2025).

¹¹ Там же.

¹² Маркетинг для поколения Z: как брендам подружиться с молодежью...

для них имеют товары с натуральным составом, не проходящие тестирование на животных, молодая аудитория отдает предпочтение компаниям, которые поддерживают фонды защиты природы, занимаются сбережением энергоресурсов и поддерживают экологические инициативы. Особенности поколения Z в том, что они не только активно формируют новые потребительские тренды, но и требуют от брендов прозрачности, искренности и вовлеченности в культурные процессы. Поколение Z внимательно следит за поведением компаний, оценивая реакцию на инфоповоды, партнерство и корпоративные ценности.

Особые требования зумеры предъявляют и к рекламному контенту. Доминанта визуального контента – отличительная черта рекламы, ориентированной на молодежную аудиторию. Яркий визуал, динамичная анимация, использование мемов, интерактивность (геймифицированный контент, голосования), клиповый монтаж – обязательные параметры технических заданий подобного рекламного контента. Большое значение имеет эмоциональное наполнение рекламы. Зумера не нужно просто призывать купить товар, а важно создать эмоциональную связь с потенциальным приобретением: не «Купи кроссовки», а «Закажи приключение с этими кроссовками». Реклама для поколения Z должна поддерживать идеи бодипозитива, гендерного равенства и этнического разнообразия. Благодаря интересу к спорту и здоровому образу жизни реклама во время спортивных трансляций становится значимым инструментом. Большое внимание зумеры уделяют сотрудничеству компаний с инфлюенсерами. Бизнес-общество должно выбирать актуальных лидеров мнений, которые вызывают доверие и способны удерживать внимание аудитории. Согласно исследованиям компании METRO, проведенным совместно с Московской школой управления СКОЛКОВО и MOST PARTNERS, 51% россиян в возрасте 18–24 лет замечают продукты, созданные в коллаборации. Совместные проекты обеспечивают высокий уровень вовлеченности: 70% респондентов считают продукты коллабораций более запоминающимися, а 66% ассоциируют их с модой и популярностью. Для молодежи (18–24 года) подобные продукты также обладают коллекционной ценностью¹³. К удачным примерам подобных коллабораций можно отнести партнерство российского бренда Befree и актрисы Ирины

¹³ Исследование METRO: 51% «зумеров» интересуются коллаборациями брендов. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/issledovanie.metro_51_zumerov_interesuyutsya_kollaboratsiyami_brendov/ (дата обращения 26.07.2025).

Горбачевой или сотрудничество футбольного клуба «Динамо» и блогера Влада А4.

Существенно влияют зумеры и на систему управления персоналом. Работодателям необходимо скорректировать стратегии привлечения и удержания молодых специалистов, создавая более комфортные и продуктивные условия труда. Поколение Z стремится сочетать самореализацию и комфортные условия труда, они ожидают гибкости, финансовой стабильности, карьерных перспектив и дружелюбной атмосферы в коллективе. Современные молодые специалисты при выборе места работы обращают внимание на следующие факторы: высокая заработная плата, баланс работы и личной жизни, возможность удаленной работы, профессиональное развитие, открытая корпоративная культура. Работодателям стоит учитывать, что поколение Z ценит понятность процессов, наставничество и уважение к личным границам. Они не боятся менять место работы, если не получают желаемых условий, что делает вопрос удержания кадров особенно актуальным.

Итак, поколение Z, которое радикально отличается от предыдущих поколений, еще долго будет определять тенденции развития медиапространства. Оно стало существенным фактором общественного развития и требует дальнейшего изучения исследовательским сообществом.

Литература

- Атаджанов 2015 – Атаджанов М. Переходное поколение в современном социуме: от поколения икс к интернет-поколению // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 4 (8). С. 69–73.
- Кучерихин 2017 – Кучерихин В.В. Поколение Z – поколение «прямого эфира» и «Историй» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 4 ч., Череповец, 21–22 ноября 2017 г. / отв. ред. Е.В. Целикова. Череповец: Череповецкий государственный ун-т, 2018. С. 70–72.

References

- Atadzhhanov, M. (2015), “The transitional generation in modern society. From generation X to the Internet generation”, *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, vol. 8, no. 4, pp. 69–73.

Kucherihin, V.V. (2018), “Generation Z is the generation of ‘live TV’ and ‘Stories’ ”, in Tselikova, E.V., ed., Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cherepovets, November 21–22, 2017], Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, Cherepovets, Russia, pp. 70–72.

Информация об авторе

Наталья Я. Макарова, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; rsuh.makarova@gmail.com

Information about the author

Nataliya Ya. Makarova, Cand. of Sci. [Pedagogics], associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; rsuh.makarova@gmail.com

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-103-121

Трансформация методов расследовательской журналистики: от репортажных наблюдений до дата-расследований

Дарья В. Неренц

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ya.newlevel@yandex.ru*

Аннотация. Журналистское расследование с момента своего появления и по сей день является одним из важнейших жанров аналитической журналистики, который направлен на решение острых проблем и борьбу с противозаконными действиями различных лиц, вне зависимости от их должности и социального статуса. Именно по этой причине подобные публикации востребованы и популярны у аудитории. Цель статьи – проследить процессы трансформации методов расследовательской журналистики путем анализа контента резонансных расследований в США и России разных временных периодов. В материале представлен анализ расследований двух стран (в общей сложности было изучено 37 публикаций) по той причине, что США являются родиной расследовательской журналистики, и данный подход позволил определить, чем похожи и отличаются пути развития этого жанра в двух странах. В ходе исследования было выделено три ключевых этапа: эпоха макрейкеров, период тщательного фактчекинга и работы с документами и этап активного использования цифровых инструментов.

Ключевые слова: расследовательская журналистика, макрейкеры, наблюдение, СМИ, цифровизация, методы сбора информации, публикация, журналисты-расследователи, дата-расследование

Для цитирования: Неренц Д.В. Трансформация методов расследовательской журналистики: от репортажных наблюдений до дата-расследований // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 103–121. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-103-121

© Неренц Д.В., 2025

Transformation of investigative journalism methods. From reportage observations to data investigations

Daria V. Nerents

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ya.newlevel@yandex.ru*

Abstract. Since its inception, investigative journalism has been one of the most important genres of analytical journalism, which aims to solve acute issues and combat illegal actions by various individuals, regardless of their position and social status. Exactly because of that reason such publications are in demand and popular with the audience. The purpose of the article is to trace the processes of transformation of investigative journalism methods by analyzing the content of high-profile investigations in the USA and Russia of different time periods. The article presents an analysis of the investigations of the two countries (a total of 37 publications were studied) for the reason that the United States is the birthplace of investigative journalism, and such an approach allowed determining similarities and differences in the ways of development of that genre in the two countries. During the research, three key stages were identified: the era of muckrakers, the period of careful fact-checking and working with documents, and the stage of active use of digital tools.

Keywords: investigative journalism, muckrakers, observation, mass media, digitalization, information collection methods, publication, investigative journalists, data investigation

For citation: Nerents, D.V. (2025), “Transformation of investigative journalism methods. From reportage observations to data investigations”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 103–121, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-103-121

С момента своего появления расследовательская журналистика прошла довольно значительный путь развития. Журналистские расследования XIX в. совсем не похожи на материалы такого жанра, публикуемые в современных СМИ. Этому много причин: социально-политическая обстановка, которая меняет тематические приоритеты и целевые установки журналистов, экономическая ситуация в стране и в мире, которая действует на морально-ценостные установки авторов, технологическое развитие и цифровизация – процессы, изменившие методику и методологию работы расследователей. Таким образом, можно проследить несколько периодов развития расследовательской

журналистики, что позволяет оценить спектр возможных способов сбора информации и аргументации, которые использовали журналисты в разные исторические периоды.

Прежде всего следует определить понятия «расследовательская журналистика» или «журналистское расследование», которые в данной статье представлены как синонимы. К сожалению, теоретики до сих пор не пришли к четкому пониманию, воспринимать расследовательскую журналистику как жанр или как метод журналистской деятельности. Сторонников и той, и другой версии немало. В частности, А.Д. Константинов указывает, что это жанр, представляющий собой публикацию, главная задача которой – предать гласности факты противозаконной деятельности того или иного лица, обозначить проблему и, может быть, пути решения [Константинов 2001, с. 43]. А.А. Тертычный, в свою очередь, также указывает на жанровую принадлежность журналистского расследования, которое обусловлено спецификой целей, средств, методов деятельности, отдельной профессиональной специализации¹. А вот Н.В. Бергер говорит, что это все же метод журналистской деятельности,

структурно представляющий собой синтез двух уровней: гносеологического (уровень сбора и интерпретации фактов) и репрезентативного (уровень представления результатов поисковой работы в журналистском произведении) [Бергер 2006, с. 71].

Интересно, что ряд исследователей вовсе никак не обозначает это явление, просто указывая на некую журналистскую деятельность. К таковым определениям можно отнести описание Дж. Уллмена, который отмечает, что это – журналистский материал, основанный, как правило, на собственной работе и интересу к важной теме, которую отдельные лица или организации хотели бы оставить в тайне [Уллмен 1998]. Также М. Берлин утверждает, что журналистское расследование – это материал, обладающий высокой новостной ценностью и большой значимостью для общества и основывающийся на множестве источников информации – людях, документах, личном наблюдении [Берлин 1989]. Д. Рэндалл в книге «Универсальный журналист» пишет, что цель расследования журналиста – получение информации, при этом преодолевая скрытность чиновников и отказ предоставить сведения [Рэндалл 1998, с. 119].

¹ Тертычный А.А. Расследовательская журналистика: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 27.

Таким образом, можно выделить схожие и отличительные черты расследовательской журналистики, выделенные отечественными и зарубежными исследователями. К схожим чертам относятся тематические особенности, связанные с защитой граждан от произвола властей или преступных махинаций (наличие общественной значимости), поиск и обнародование тщательно скрываемой кем-то информации, но необходимой для решения какой-то проблемы, а также тщательный фактчекинг (многократная перепроверка фактов) и четкая система аргументации (неоспоримые доказательства всех тезисов автора). В качестве методов сбора информации исследователи также выделяют невключенное и включенное наблюдение (или метод «смены профессии», когда журналист под видом представителя какой-то профессии устраивается на работу в компанию или проникает в закрытые локации), съемка или аудиозапись скрытой камерой (если это оправдано), работа с документами (в первую очередь, проверка их подлинности), многочисленные интервью, работа с информаторами (причем журналист имеет право личность информатора скрыть, особенно если есть риск каких-то последствий), анализ открытых данных в онлайн-пространстве. В последнее время все чаще расследователи обращают внимание на возможности использования искусственного интеллекта (ИИ) для агрегации и обработки большого количества сведений.

Говоря о различиях в описании журналистского расследования, стоит отметить, в первую очередь, определение этого понятия. В данной статье расследовательская журналистика будет представлена как жанр журналистики, который имеет свои методы работы, целевые установки, композиционные особенности и подходы к подаче информации. Обобщая вышеизложенное, представим определение журналистского расследования: это аналитический жанр журналистики, представляющий собой материал большого объема, цель которого – раскрытие или обнародование тщательно скрываемой общественно значимой информации, которую журналист добывал самостоятельно любым законным способом. Важно подчеркнуть, что расследователь всегда действует строго в рамках закона и должен обнаружить доказательства самостоятельно, поскольку в СМИ присутствует большое количество так называемых псевдо-расследований, когда авторы просто публикуют итог работы правоохранительных органов (т. е. расследование провел не журналист) или версию, не основанную на доказательной базе. При этом такие материалы подаются как журналистские расследования, что вводит аудиторию в заблуждение.

Первый этап: «крестоносцы» или бесстрашные энтузиасты

История расследовательской журналистики берет свое начало в 1880-х гг. в США, где начала формироваться школа расследователей, потом перенятая во многих странах мира. Первыми хрестоматийными примерами расследований (которые положили начало целому течению в дальнейшем) являются публикации «макрейкеров» (muckrakers) или «крестоносцев» (crusaders), как их называли благодарные читатели. Оба «прозвища» вполне объяснимы.

«Разгребателями грязи» или макрейкерами расследователей впервые назвал президент США:

17 марта 1906 года президент Теодор Рузвельт придумал для этого жанра новое словосочетание – «разгребатели грязи», вскоре прочно вошедшее в американский лексикон [Feldstein 2006].

Как опытный политик Теодор Рузвельт пытался контролировать неблагоприятные для сформированной политической системы последствия промышленной революции. Появившийся вид журналистики становился серьезной угрозой: народ хотел разоблачений, а журналисты чувствовали, что в силах дать это аудитории. И хотя использование президентом этого слова было уничижительным, расследователи восприняли оскорбление как оказанную им честь и стали сами себя так называть.

Характеристика президента появилась в газете “Pilgrim’s Progress” Джона Буньяна:

Грязь на полу должна быть вычищена разгребателями грязи; так было везде и всюду, где эта деятельность, самая нужная из всех, появлялась. Но человек, который не делает ничего больше, который не мыслитель, не оратор и не писатель, только разгребатель грязи, быстро приходит в наше общество не для помощи обществу или творения добра, а для поддержки мощных сил зла [Cook 1972, р. 10].

«Крестоносцами» же расследователей называли из-за их подхода к сбору материала: они готовы были терпеть лишения, притворяясь совсем другими людьми, чтобы своими глазами увидеть происходящее и затем описать во всех подробностях, тем самым привлекая внимание к проблемам граждан, которые требовали срочного вмешательства государства. Надо сказать, что подобные материалы были весьма результативными, что прибавляло доверия

к журналистам со стороны аудитории и давало стимул к дальнейшим разоблачениям.

Довольно скандальное расследование в истории американской прессы появилось в 1887 г. Автором была Элизабет Кохрейн, печатавшаяся под псевдонимом Нелли Блай. Она получила задание от главного редактора журнала “World” Джона Кокерилла разобраться в работе печально известного психиатрического госпиталя для женщин “Blackwell’s Island Insane Asylum for Women”. Нелли Блай смогла попасть в психиатрическое отделение, назвавшись бездомной Нелли Браун. В ходе пребывания в госпитале журналистка использовала метод репортажного наблюдения, описывая все, что с ней происходило, крайне детально, создавая настоящий «эффект присутствия»:

Нас привели в холодную, сырую ванную комнату, и мне приказали раздеться... Вода была холодна, как лед, и я снова стала протестовать... Сумасшедшая начала меня скрести... Зачерпнув мыла из маленькой жестянки, она обмазала меня им целиком – даже мое лицо и мои славные волосы... Зубы у меня стучали, а конечности покрылись гусиной кожей и посинели от холода².

Или:

Я попросила хлеба без масла и получила его – невозможно передать, какого он был грязного, черного цвета. Хлеб был жестким, а местами представлял собой просто комки сухого теста. В своем ломте я нашла паука, поэтому есть не стала³.

Гнетущую атмосферу в тексте создавали и свидетельства других пациентов, а также сотрудников больницы, которые дословно приводила автор. Благодаря этому читатель мог нарисовать в своем сознании портреты тех, кто должен был помогать больным, а также тех, кто проходил там лечение.

При этом текст значительно украшают эмоциональные рассуждения автора (что нехарактерно для современных текстов):

Я не сомневалась в своем душевном здоровье и была уверена, что меня вызовут через несколько дней, но сердце мое болезненно сжато.

² Блай Н. Профессия: репортерка: «Десять дней в сумасшедшем доме» и другие статьи основоположницы расследовательской журналистики / пер. с англ. В. Бабицкой. М.: Individuum, 2024. С. 70.

³ Там же. С. 75.

лось. Четыре ученых доктора объявили меня сумасшедшей и поместили за сuroвые засовы и решетки сумасшедшего дома!..⁴

Или:

Бедная девушка, как мое сердце болело за нее! В ту минуту я решила, что сделаю все возможное, чтобы моя миссия принесла пользу сестрам...⁵

При сегодняшнем чтении складывается ощущение, что это хорошо продуманное до мельчайших деталей художественное произведение. Однако в то время подобный подход к расследованию, когда журналисты могли проникнуть в какие-то заведения и описать то, что они увидели, был востребован и пользовался доверием у аудитории (очевидно, что найти какие-то документы в то время было практически невозможно). Доверие прибавляли и результаты расследовательских публикаций: благодаря материалу Э. Кохрейн совет попечителей выделил на содержание душевнобольных 1 млн долларов, что значительно улучшило их содержание в будущем.

Это не единственное расследование Э. Кохрейн, которое она провела с помощью метода «смены профессии». Она также притворялась гипнотизером, чтобы разоблачить мошенников, покупателем ребенка, чтобы разоблачить торговцев детьми, попала в тюрьму, чтобы взять интервью у преступницы. Однако она была не единственной, кто проводил расследования с помощью репортажного наблюдения в тот период.

В начале 1900-х гг. писатель Эптон Синклер опубликовал расследовательский материал «Джунгли», который показал все шокирующее пренебрежение производителей мясо-упаковочной индустрии к санитарно-гигиеническим нормам. Он проник на чикагскую скотобойню под видом работника и смог своими глазами увидеть все, что там происходило: выяснилось, что консервы и мясные продукты в Чикаго производят в условиях полной антисанитарии (из испорченного мяса или мяса больных свиней и коров). Благодаря большому резонансу правительство США провело собственное расследование работы на скотобойнях, и президент Т. Рузвельт вскоре учредил первые законы о контроле за качеством продуктов питания на федеральном уровне.

Расследование Линкольна Стефенса «Позор городов» представляет собой серию публикаций о коррупции в муниципальных

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 61.

органах власти. Автор писал для журнала “McClure” в 1903 г., позже результаты работы были опубликованы в виде книги. Он отправился в настоящее путешествие по городам Соединенных Штатов, беседуя с местными жителями и изучая структуру власти каждого:

Первый город, который я посетил, был Сент-Луис, немецкий город. Следующий был Миннеаполис, скандинавский город с руководством из Новой Англии. Потом Питтсбург, жители которого – швейцарские пресвитериане... Следующий город был Филадельфия, чистейшее американское сообщество, и самый безнадежный город. Потом Чикаго и Нью-Йорк, где триумф реформы и лучший пример хорошего правительства из всего, что я видел⁶.

В своем расследовании Линкольн Стеффенс рассуждает вместе с читателем о том, почему коррупция настолько глубоко проникла во все сферы жизни. И главной причиной он называет современное состояние политики, когда она превратилась в бизнес. Автор видит выход в создании устойчивого спроса на хорошее правительство.

Таким образом, первый период развития расследовательской журналистики можно охарактеризовать как эпоху макрэйкеров или настоящих борцов за справедливость. Этот период характеризуется очевидным преобладанием репортажного наблюдения: журналисты притворялись разными людьми, разных профессий и социального статуса, проникали в опасные места, не боялись подвергнуться лишениям и издевательствам, не ради личной наживы или преференций, а ради обнародования правды и защиты интересов незащищенных слоев населения. При этом такие расследования больше напоминали художественные произведения, которые могли включать не только максимально детальное описание происходящего, но и лирические отступления вместе с авторскими размышлениями. Важно, что такие публикации были результативными: власти обращали на это внимание и старались если не иско-ренить, то хотя бы уменьшить масштаб проблемы.

Второй период: тщательный фактчекинг и работа с документами

На смену методу включенного наблюдения или «смены профессии» и героическим испытаниям, которым подвергали себя по доброй

⁶ Steffens L. The shame of the cities. N.Y.: McClure, Philips & Co., 1904. P. 1–18.

вOLE макрЕйкЕры, пришли болеE спокойные, но не менеE серьеZные способы добывания тщательно скрываемых сведений. В XX в. журналисты стремились получить доступ к документам, которые могли стать неоспоримым доказательством правонарушения и получить которые зачастую становилось не менеE сложной задачей, чЕм проникнуть на территорию какого-то закрытого учреждения.

В России первые публикации в прессе под рубрикой «Журналистское расследование» появились в конце 1980-х гг.

Достаточно долгое время понятие «журналистское расследование» в отечественной истории и в науке воспринималось как синоним журналистского исследования действительности⁷.

Расследование означало сбор материала, связанныго с анализом различных проблем общественной жизни, подготовкой выступлений, прежде всего, в жанрах аналитической статьи, очерка, фельетона. Лишь с началом «перестройки» журналистское расследование начали воспринимать как определенный жанр журналистских публикаций.

Стоит отметить, что расследовательская журналистика в России сформировалась во многом благодаря западным образцам расследований и одновременно советскому проблемному очерку и репортажу. В статье, корреспонденции, очерке, фельетоне авторы тоже исследуют ту или иную проблему, конкретные явления, ситуации, конфликты. Публикации всегда привлекают внимание читательской аудитории, если подготовлены скрупулезно, всесторонне и глубоко. Одним из ключевых изданий, специализирующихся на расследованиях, стал еженедельник «Совершенно секретно», который основал Юлиан Семенов, а руководил Артем Боровик. Если обратиться к расследованиям конца 1980-х – начала 2000-х гг., то можно заметить однотипный подход к работе с различными источниками информации.

В расследовании С. Арсеньева «Аппарат» ключевым является анализ системы, называемой аппарат КПСС (расследование на историческую тему, о времени правления И.В. Сталина). Сверхзадача публикации – доказать факт злоупотребления властью в отделах аппарата КПСС и анализ деятельности главы Общего отдела ЦК В.И. Болдина. В 1990-е гг. материалы, описывающие настоящую деятельность государственных органов, особенно ЦК КПСС и НКВД, были очень интересны аудитории. Люди ждали

⁷ Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 171.

разоблачений и правды. Поэтому тема, выбранная автором, имела большое общественное значение в то время.

При сборе информации автор использовал народные байки:

На три аспирантских года его ежедневный маршрут пролегал от знаменитого дома 30/32 по Кутузовскому проспекту (того самого, где расположен «Гастроном», куда, согласно местному преданию, как-то заехал Леонид Ильич за орешками в сахаре...⁸

Журналист говорит, что отношения между Болдиным и Горбачевым не обсуждались в ЦК, поэтому ничего конкретного сказать невозможно, «однако, кое-что можно и предположить, учитывая, какие это были годы»⁹. В тексте приводятся воспоминания очевидцев (бывший помощник генерального секретаря В.А. Печенев). Однако автор не дает гарантии этих слов: «Поверим на слово опытному человеку». Другими словами, верить можно, но не исключено, что это неправда. Включены воспоминания одного из отставных министров (имя не указывается).

Приводятся данные «опубликованной статистики» о количестве работников в аппарате ЦК. Кроме этого, есть и неофициальные данные. Автор подробно описывает биографию В.И. Болдина и секторы Общего отдела, которым Болдин руководил. Но откуда берутся данные, даты и факты, не указывается. Журналист привлекает прессу, анализирует статью самого В.И. Болдина, опубликованную в газете «Советская культура». Также приводится отрывок из интервью В.И. Болдина.

Источники, из которых взят основной пласт информации, не указаны. Хотя можно предположить, что это официальные документы, воспоминания или мемуары, неизвестность ставит под сомнение достоверность материала. Например:

Если в орготделе пахло крепким мужским потом и серьезные мужчины, приехавшие на год-другой в столицу, чтобы потом вновь окунуться в периферийные будни, играли в свои суровые мужские игры, то в коридорах агитпропа веяло более утонченными ароматами и речи велись больше сдержанно-ироничные¹⁰.

Отрывок – экспрессивный и яркий, но не указан источник и становится непонятно, откуда автору известны такие мелкие

⁸ Арсеньев С. Аппарат // Совершенно секретно. 1992. № 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

подробности? Автор также указывает на сложность добывания информации: «Пока еще многие факты держаться в секрете и раскроет их только суд».

В материале нет проблемы, так как эта публикация на историческую тематику. Однако автор активно выдвигает версии о том, что случилось в ЦК КПСС на самом деле, каковы причины заговора. Но постоянно повторяет, что это только версии, потому что основные документы засекречены и правду пока узнать невозможно.

В журналистском расследовании Л. Кислинской «Депутат мафии» депутаты Московской городской думы Анатолий Станков и Иван Голышев обвиняются в незаконной деятельности.

Темы коррупции и «рэкета» всегда актуальны и имеют большое общественное значение. Методы сбора информации – аудиозапись телефонного разговора (записи предоставлены представителями следственной группы по этому делу); работа с документами (досье о преступной деятельности Ивана Голышева, биография Анатолия Станкова); данные ГУВД по связи депутатов с мафией. Л. Кислинская не использовала метод интервью. Источники представляют собой документы, причем автор говорит, кто документы предоставил. Поэтому информацию, опубликованную журналистом, можно считать проверенной и достоверной.

Тема расследования А. Челнокова «А и Б сидели на игле» – война олигархов за влиятельные массмедиа. Сверхзадача материала – рассказать правду о борьбе за рынок СМИ, описать настоящую ситуацию на ОРТ накануне думских выборов. В период информационных войн тема о том, как повлиял на ОРТ главный держатель акций Борис Березовский, наиболее актуальна. Уровень доверия аудитории к СМИ резко упал, поэтому материал имел общественную значимость и был интересен широкому кругу.

Метод сбора информации – беседа с экспертами: «Расчет оправдался: по оценкам некоторых экспертов, доход от телерекламы только в 1996 году составил 100 миллионов долларов»¹¹.

Работа с документами: «К нам в руки попала конфиденциальная аналитическая записка, подготовленная в мае этого года одним высокопоставленным сотрудником ОРТ...»¹².

Между тем источники, которыми пользуется автор, сомнительны. Публикуя записку, журналист не называет имени автора, эксперты тоже не названы. В материале автор приводит суммы, которые составляют прибыль от рекламы, но откуда известны эти

¹¹ Там же.

¹² Там же.

цифры, непонятно. Следовательно, ни один из источников не является достоверным, и текст построен на предположениях.

Материал написан в ироничной манере, характерной для журналистских расследований 1990-х гг.:

Как говорят злые языки, Березовский на всякий случай поставил Игнатьева на канал «приглядывать» за финансовыми операциями ловкого Бадри¹³; Им не то что править, а даже для забавы не позволяли володеть каким-нибудь потешным полком¹⁴.

Автор не предлагает решение проблемы. В конце материала он выражает надежду, что ситуация может измениться с приходом Е.М. Примакова: «Пробить заслон, выставленный на ОРТ Бадри и БАБом, пока никому не удавалось, несмотря на многочисленные попытки. Получится ли это у Примакова?»¹⁵.

Журналисты пользуются стандартными методами сбора информации: изучаются публикации того периода в авторитетных печатных изданиях, документы и мемуары очевидцев/участников, проводятся интервью и беседы с очевидцами/участниками или компетентными в этой области людьми, приводятся данные статистики за определенный период. При этом интересно, что журналисты не стремятся, что называется, своими глазами убедиться в случившемся, отдают предпочтение документам и информаторам как ключевым источникам информации. Каких-либо ограничений по тематике не наблюдается, есть расследования социальной тематики (проституция, наркомания, проблемы здравоохранения и образования), криминальные материалы (ОПГ, коррупция, молодежные группировки и пр.), политические публикации (выборы, деятельность чиновников). Интересно, что не всегда какие-то гипотезы журналиста можно полностью подтвердить, какие-то версии и предположения в материалах также присутствуют в большом количестве, однако, как правило, автор указывает, что это мнение или чья-то теория.

В этот период в России стали знамениты благодаря своей расследовательской деятельности такие журналисты, как Артем Боровик, Юрий Щекочихин, Дмитрий Холодов. Подходы к расследованиям могли отличаться, однако в приоритете оставались документы и интервью как главные методы получения информации.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Третий период: онлайн-инструменты и работа с большими данными

Одними из первых расследователей, которые стали активно использовать цифровые технологии для сбора и анализа информации, стали американцы Дональд Барлетт и Джеймс Стил. Еще в 1970-х гг. они начали активно применять электронные таблицы в рамках расследований, основанных на анализе баз данных отчетов судов и судебных решений, с целью обобщения многочисленных сведений. Подобная методология позволила им справиться с тем, с чем другие не смогли бы справиться из-за невозможности вручную проанализировать такие массивы данных [Неренц 2015, с. 72].

Первое исследование на основе большого количества данных Д. Барлетт и Дж. Стил проводили на протяжении двух месяцев. Они анализировали различные документы, касающиеся жилья для малообеспеченных семей. За реализацию программы отвечала Федеральная администрация жилищного строительства, работа которой вызвала у журналистов много вопросов. Поводом для изучения проблемы стали многочисленные жалобы жильцов, которые указывали, что после капитального ремонта состояние жилых домов совсем не улучшилось, а аварийное жилье так и осталось. В подобные квартиры никто не хотел заселяться. Д. Барлетт и Дж. Стил проводили анализ на основе изучения большого объема данных: помимо всей доступной документальной информации были также проведены многочисленные интервью с жильцами и выяснено, кто на самом деле занимался скупкой недвижимости в таких домах, то есть, по сути, спекуляцией. В своем цикле публикаций они подробно описали все возникшие проблемы с выкупом закладных у Министерства жилищного строительства и городского развития, поскольку малообеспеченные семьи отказывались покупать жилье в домах, где ремонт никак не отразился на состоянии аварийности жилых помещений¹⁶.

Работа над серией статей о мошенничестве на рынке недвижимости Филадельфии сменилась расследованием о незаконной деятельности американских судебных органов. Объектом исследования стали приговоры по делам о мошенничестве и о применении насилия по отношению к физическому лицу. В ходе работы журналисты изучили 1034 дела об изнасилованиях, грабежах, убийствах, нанесении побоев. При этом внимание было обращено на информа-

¹⁶ Barlett D., Steel J. Speculators make a killing on FHA program // Official site of Donald Barlett and James Steel. URL: http://barlettandsteele.com/journalism/inq_fha_1 (дата обращения 25.07.2025).

цию об обвиняемом на основе 42 пунктов: раса, срок заключения, прежние судимости, род деятельности и т. п. Вся эта информация методично заносилась в специально созданную авторами электронную таблицу, разбитую по категориям. Изучив 4000 страниц судебных дел, они также проводили многочисленные интервью в судах, с адвокатами, судьями, жертвами, прокурорами, самими обвиняемыми. В результате серия публикаций, написанная Д. Барлеттом и Д. Стилом, была посвящена неправому правосудию в США. Они доказали, что судьи делятся на «строгих» и «снисходительных», а приговоры нередко были несправедливы и имели явные политические мотивы.

За свою совместную профессиональную деятельность журналисты провели более 10 серьезных крупных расследований. Их методология работы, основанная на изучении огромного массива документов с помощью электронных таблиц, стала примером открывшихся перед журналистами возможностей не только значительной экономии временных ресурсов, но и систематизации и обобщения разрозненной информации, собранной из множества источников. Большая часть их расследований была основана на изучении огромного количества документов различной направленности (отчеты компаний, судебные дела и протоколы, тексты законов, финансовые отчеты и др.), которые они смогли подробно изучить благодаря созданным ими компьютерным базам данных, тем самым, положив начало активному внедрению компьютеров в расследовательскую журналистскую деятельность.

Теперь, в XXI в., в условиях цифровизации и стремительного развития ИИ, расследователи могут работать над совершенно разными темами, не вставая с рабочего места. Героев материала или информаторов можно найти в социальных сетях, интервью можно провести через онлайн-конференцию, изображение или видео генерировать с помощью нейросети и ей же дать задание искать и систематизировать данные в открытых источниках. Самые материалы стали другими и по способу подачи информации, когда в основе заложен принцип сторителлинга (эмоциональная сторона проблемы описана исключительно через истории жертв или участников, журналист только сторонний наблюдатель и беспристрастный рассказчик), и по методике сбора данных – теперь любые, даже самые скрытые сведения, при умелой настройке есть шанс найти с помощью Интернета и девайса (сейчас одинаково эффективно можно работать и через персональный компьютер, и через смартфон).

Появление подобных data-расследований уже в начале 2000-х гг. свидетельствует о начавшей формироваться практике анализа больших данных для создания эксклюзивного резонансного

материала. В качестве примера можно привести публикацию американского издания The Mother Jones «Террористы для ФБР»¹⁷. Это расследование основано на анализе большого количества документов, касающихся отдельных случаев, которые по итогу системного анализа продемонстрировали целостную картину того, как ФБР генерировало террористические заговоры в результате спецопераций. В качестве доказательной базы выступали статистические данные, числовые показатели, анализ конкретных случаев, интервью.

Или материал The Seattle Times «Метадон и политика боли»¹⁸: журналисты в данном проекте не только собрали и агрегировали информацию, они сопоставили имеющиеся в открытом доступе базы данных и смогли доказать корреляцию между бедностью и смертностью от метадона. В рамках проекта авторы детально описали весь ход работы и подкрепляли по ходу повествования ссылками на исходные документы. Они проанализировали проблему с медицинской, юридической, административной точек зрения и наглядно продемонстрировали статистические показатели с помощью инфографики.

В качестве примера из отечественной практики можно привести проект А. Дорожного и С. Устинова «Сибирские дороги»¹⁹. В начале материала авторы описали методологию работы, отмечая, что были проанализированы 575 контрактов по ремонту дорог в крупных сибирских городах (Чита, Барнаул, Томск, Иркутск, Омск) и выявлены схемы, которые отчетливо показывают, как аффилированные фирмы получают более 50% всех контрактов. Для контроля дорожного ремонта авторы разработали карту, по которой житель любого из этих городов может отслеживать этапы ремонтных работ²⁰. Материал представляет собой лонгрид с обилием ярких графиков, схем, иллюстраций. Важным элементом является интерактивная карта ремонта дорог, которую они создали. В конце материала авторы предлагают жителям варианты, с помощью которых можно решить проблему некачественного строительства.

¹⁷ Aaronson T. Inside the terror factory // The Mother Jones. URL: <https://www.motherjones.com/politics/2013/01/terror-factory-fbi-trevor-aaronson-book/> (дата обращения 23.07.2025).

¹⁸ Methadone and the politics of pain // The Seattle Times. URL: <http://old.seattletimes.com/flatpages/specialreports/methadone/methadoneandthepoliticsofpain.html> (дата обращения 23.07.2025).

¹⁹ Устинов С., Дорожный А. Сибирские дороги // Mediagun. URL: https://dorozhnij.com/dtp_school (дата обращения 01.07.2025).

²⁰ Там же.

Представленные возможности открыли для журналистов ранее недоступные способы работы. Речь идет, в первую очередь, о сотрудничестве с коллегами из других городов и даже других стран. Как пример – международное расследование «Досье FinCEN». Опираясь на банковскую документацию (более 2100 отчетов около 90 финансовых учреждений) за период 1999–2017 гг., 85 журналистов из 30 стран на протяжении 16 месяцев проводили исследования и смогли доказать проведенные банками сделки по отмыванию денег и коррупции на сумму более 2 трлн. долларов. Изначально документы оказались в распоряжении американского издания BuzzFeed, которое поделилось ими с Международным консорциумом журналистов-расследователей (ICIJ) в 2019 г. Анализ данных, проведенный ICIJ, показал, что банки зачастую обрабатывают транзакции, не зная конечного источника или назначения денег, часто перевод осуществляется в подставные компании, зарегистрированные в секретных юрисдикциях.

Сведения о подозрительной деятельности в файлах FinCEN, которые задались целью найти авторы data-расследования, в первоначальном виде представляли собой разрозненную неструктурированную массу документов, часто представленную в виде таблиц с неоднородными обозначениями в несколько сотен строк. При этом отчеты представляли разные данные: некоторые были излишне детализированы, с описанием всех подозрительных денежных транзакций; другие же, наоборот, не содержали в себе важные сведения, касающиеся переводов миллионов долларов.

Систематизация данных и изучение денежных потоков было самой масштабной задачей. ICIJ координировал совместные усилия журналистов из разных стран по извлечению данных из PDF-файлов, а также по сбору более 17 600 дополнительных записей, многие из которых были получены с помощью специальных журналистских запросов. ICIJ поделился записями с партнерами на своей специальной платформе обмена и исследований DataShare, разработанной технической командой ICIJ. В итоге, авторы проанализировали полученные данные с помощью статистического и текстового анализа. Консорциумом также был создан специальный инструмент фактчекинга для обработки извлеченных данных и использовано машинное обучение для проверки более 60 000 адресов, которые были частью полученных данных. Позже все адреса были перепроверены вручную.

Исходя из анализа описанных выше data-расследований, можно заключить, что подобная деятельность требует от журналиста крайней внимательности, поскольку необходимо всегда иметь в виду, точны ли предоставленные данные, отражают ли полученные

сведения объективные результаты, достаточно ли найдено данных для подтверждения/опровержения авторских тезисов, актуальны ли данные, нет ли более новых сведений по исследуемому вопросу, есть ли альтернативные источники подобных данных и совпадают ли они с найденными имеющимися данными, насколько квалифицированным и заслуживающим доверия является источник (кто является создателем базы), зачем и когда были собраны данные, имеются ли ограничения в доступе к полной базе данных, использовались ли данные другими журналистами и каковы были результаты.

Третий этап развития расследовательской журналистики характеризуется активным использованием цифровых технологий в рамках сбора информации. Этот период четко обозначился в XXI в. и продолжается до сих пор. Работа расследователя значительно упростилась, поскольку документальные сведения можно получить, не выходя из офиса, провести анализ многочисленных финансовых отчетов за несколько минут, найти героев материала через публичные записи или интернет-источники. Этот способ работы позволил журналистам уйти от больших финансовых и временных затрат, что являлось главным препятствием для проведения серьезного и полноценного расследования. Журналисты этого периода стали менее системны и аполитичны, темы расследований отличаются значительным разнообразием: некачественная поставка продуктов питания, загрязнения окружающей среды, проблемы проституции и наркомании, финансовые махинации чиновников и бизнесменов.

* * *

Подводя итог, важно отметить довольно длинный путь развития, который прошла расследовательская журналистика в разных странах. При этом данный жанр развивался в мире весьма неоднородно: если первые примеры расследований в США можно отнести к середине XIX в., в Европе – к концу XIX в., то в России расследовательские публикации в том виде, в котором мы можем их идентифицировать как расследования, относятся только к концу 1980-х гг. Очевидно, что тематические и содержательные приоритеты в расследовательских материалах всегда зависели от социально-политической ситуации в стране, а также от степени открытости информации. И если в XIX в. единственным доступным источником для журналистов были собственные глаза, поскольку только метод включенного наблюдения позволял им описывать все совершаемые преступления, то в XX в. – это документы и интервью, а в XXI в. – открытые данные и интернет-пространство, где (как

показывает практика) можно найти информацию не только о чем, но и о ком угодно.

При этом, несмотря на меняющиеся запросы аудитории, изменения политического и экономического характера, иные привычки и интересы, способы сбора и потребления информации, главной целью журналистского расследования всегда была и остается защита граждан от злоупотреблений властных и бизнес-структур, разоблачение преступлений, решение социально-значимых проблем. Именно поэтому материалы этого жанра востребованы у читателей, слушателей и зрителей в любой стране.

Литература

- Бергер 2006 – *Бергер Н.В.* Расследование как метод журналистской деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 423 с.
- Берлин 1989 – *Берлин М.* Краткое руководство по проведению журналистского расследования / пер. с англ. К. Никитиной. М.: [Б. изд.], 1989. 170 с.
- Константинов 2001 – *Константинов А.Д.* Журналистское расследование: История метода и современная практика. СПб.: Издат. дом «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2001. 476 с.
- Неренц 2015 – *Неренц Д.В.* Журналистские расследования США: новые методы организации и проведения: конец 1990-х – 2014 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 214 с.
- Рэндалл 1998 – *Рэндалл Д.* Универсальный журналист / пер. с англ. А. Поръяза. СПб.: Терция, 1998. 341 с.
- Уллмен 1998 – *Уллмен Дж.* Журналистские расследования: Современные методы и техника. М.: Виоланта, 1998. 224 с.
- Cook 1972 – *Cook F.J.* The muckrakers. Crusading journalists who changed America. Garden City: Doubleday, 1972. 182 p.
- Feldstein 2006 – *Feldstein M.* A muckraking model. Investigative reporting cycles in American history // The Harvard International Journal of Press/Politics. 2006. Vol. 11. No. 2. URL: <http://hij.sagepub.com/cgi/content/abstract/11/2/105> (дата обращения 25.07. 2025).

References

- Berger, N.V. (2006), *Rassledovanie kak metod zhurnalistskoi deyatel'nosti* [Investigation as a method of journalistic activity], D. Sc. Thesis (Philology), Saint Petersburg, Russia.
- Berlin, M. (1989), *Kratkoe rukovodstvo po provedeniyu zhurnalistskogo rassledovaniya* [A short guide to conducting investigative journalism], Moscow, Russia).

- Cook, F.J. (1972), *The muckrakers. Crusading journalists who changed America*, Doubleday, Garden City, USA.
- Feldstein, M. (2006), “A muckraking model. Investigative reporting cycles in American history”, *The Harvard International Journal of Press/Politics*, vol. 11, no. 2, available at: <http://hij.sagepub.com/cgi/content/abstract/11/2/105> (Accessed 25 July 2025).
- Konstantinov, A.D. (2001), *Zhurnalistskoe rassledovanie: Istorya metoda i sovremennoy praktika* [Investigative journalism. The history of the method and modern practice], Izdatel'skii dom “Neva”, Saint Petersburg, Russia, Olma-Press, Moscow, Russia.
- Nerents, D.V. (2015), *Zhurnalistskie rassledovaniya SSHA: novye metody organizatsii i provedeniya: konets 1990-kh – 2014 gg.* [Investigative journalism in the USA. New methods of organization and conduct, late 1990s – 2014], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow, Russia.
- Rendall, D. (1998), *Universal'nyi zhurnalist* [The universal journalist], Tertsiya, Saint Petersburg, Russia.
- Ullmen, J. (1998), *Zhurnalistskie rassledovaniya: Sovremennye metody i tekhnika* [Investigative journalism. Modern methods and techniques], Violanta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дарья В. Нерент, кандидат филологических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125047, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ya.newlevel@yandex.ru

Information about the author

Daria V. Nerents, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; ya.newlevel@yandex.ru

УДК 070.41

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-122-133

Трэш-рейтинг как свойство «медиахаотизации»

Кирилл А. Зорин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Kirill_zorin@mail.ru*

Аннотация. Сравнительно новое явление «трэш-рейтинга» – технология написания текстов с повышенной эмоциональной нагрузкой, использованием разговорной и нецензурной лексики – еще недавно было характерно только для пабликов социальных сетей и мессенджеров. Однако эмпирическое исследование локальных медиа г. Красноярска обнаружило применение этой технологии и профессиональными редакциями. Данная речевая стратегия характерна для так называемых «хаотизаторов» – профессиональных и любительских медиа, которые стремятся destabilизировать коммуникативное пространство ради своих собственных политических или коммерческих интересов.

Ключевые слова: трэш-рейтинг, трэш-дискурс, новые медиа, масс-медийная коммуникация

Для цитирования: Зорин К.А. Трэш-рейтинг как свойство «медиахаотизации» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 122–133. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-122-133

Trash writing as a property of “media chaos”

Kirill A. Zorin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Kirill_zorin@mail.ru*

Abstract. A relatively new phenomenon of “thrash writing” – the technology of writing texts with increased emotional stress, the use of colloquial and obscene language – until recently was typical only for public social networks and messengers. However, an empirical study of local media in Krasnoyarsk revealed the use of that technology by professional editorial offices. Such speech strategy is typical for the so-called “chaotic media” – professional and amateur media that seek to destabilize the communicative space for the sake of their own political or commercial interests.

© Зорин К.А., 2025

Keywords: trash writing, trash discourse, new media, synergistics, mass media communication

For citation: Zorin, K.A. (2025), “Trash writing as a property of ‘media chaos’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 122–133, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-122-133

Специфические явления вроде трэш-райтинга [Мусатова 2018], трэш-журналистики [Николаева 2011] и трэш-дискурса [Сибиданов 2019] исследователи наблюдают с начала XXI в., но работ, им посвященных, сравнительно немного. Вероятно, это связано с тем, что подобный подход к подаче информации остается нехарактерным для центральных СМИ и крупных региональных медиахолдингов. Данные термины даже упоминаются в основном в контексте онлайн-коммуникации через паблики социальных сетей и каналы вроде мессенджеров Telegram. Однако есть основания полагать, что к этой коммуникативной стратегии ради повышения рейтингов и просмотров теперь все чаще обращаются и локальные профессиональные медиа. Данная стратегия подачи информации через повышенную эмоциональность, субъективность, использование разговорной и нецензурной лексики – это не просто попытка выработать современный «новояз». Она свидетельствует о серьезном кризисе, с которым сталкиваются профессиональные и непрофессиональные медиа, предпочитающие дестабилизировать подобной коммуникационной стратегией общество ради привлечения внимания к рекламным материалам, вместо использования более экологичных способов информирования аудитории.

Трэш-райтинг как феномен современной коммуникации

Отечественные лингвисты еще в начале XX в. обратили внимание на трэш-райтинг как специфический подстиль подвижного газетно-публицистического стиля. Об этом писала, например, А.В. Николаева, используя, впрочем, просто слово «трэш» от англ. trash, что может переводиться и как «плохая литературная или художественная работа; халтура, ерунда» и как «мусор, хлам, отбросы». В русском языке, отмечает исследователь, это также стало обозначать «то, что бросается в глаза, привлекает внимание, шокирует». Такие тексты смещают традиционное отношение «стандарт – экспрессия» в сторону экспрессии, для них характерна яркая оценка,

которая носит демонстративно-личностный и безапелляционный характер. Автор трэш-текстов часто стремится заставить читателя принять его собственный взгляд на мир [Николаева 2011].

Гораздо активнее, по сравнению с прессой, трэш-контент стало создавать отечественное телевидение. Телевизионный «трэш-дискурс» возник благодаря информационным войнам 1990-х гг. [Сибиданов 2019], законодателем нового подхода стало «НТВ» 2000-х гг. [Деминова, Чугулова 2022]. Отличительной чертой «трэш-дискурса» стало отрицание существовавших ранее телевизионных форматов и медиакоммуникации, что оправдывалось «бунтом против фальши и несостоятельности “серьезных” продуктов», однако он практически ничего не предлагал взамен, только более маргинальное медиасодержание, ориентированное на инстинктивный просмотр. «Главная идея трэш-бунта» – пропаганда вседозволенности» [Сибиданов 2019]. Телевизионная трэш-журналистика сделала перенос акцента на культуру повседневности («реальность исследуется не в рамках системы “человек – бытие”, а в рамках системы “человек – быт”»), она обратилась к телесному и потребностям «низа», стала эксплуатировать эстетику безобразного. При отборе содержания предпочтение отдается тем событиям, которые отвечают принципам сенсационности, экстремальности, патологии и извращенности. Зрителю нравится на это смотреть, так как он видит в этом вариацию сплетен [Деминова, Чугулова 2022].

Впрочем, наибольшее распространение «трэш-рейтинг» получил в интернет-коммуникации: блогосфере, социальных сетях. Так, автор одной из немногочисленных статей по данной теме, М.Л. Мусатова, рассматривает его как разновидность копирайтинга, которую специально использовали для подачи информации на своих сайтах и в своих блогах многие знаменитости, включая дизайнера Артемия Лебедева. Причем в сетевом пространстве трэш-тексты обрели еще одни специфические черты, которые не были характерны для текстов массмедиа: это использование разговорной и нецензурной лексики с целью привлечения внимания и повышения коммерческой эффективности текстов. Это достигается за счет иллюзии откровенного общения автора с читателем, апелляции к эмоциям и четким разделением полюсов «плохое»/«хорошее» [Мусатова 2018]. И это важное отличие от того, что отмечали исследователи «трэш-журналистики» ранее. Так, А.В. Николаева, сравнивая «трэш-журналистику» и «желтую журналистику» даже выделяла то, что подобная подача не влияет на достоверность информации, и в трэш-текстах нет агрессивности, характерной для политических текстов в желтой прессе [Николаева 2011]. Но очевидно, что с тех пор произошли существен-

ные изменения и в новых медиа, использующих трэш-рейтинг, тексты стали и более агрессивными, и менее достоверными. Так, К.В. Дементьева, исследовавшая развитие Telegram-каналов в российских регионах, обнаружила наличие медиа, которые активно применяют технологию трэш-рейтинга, допускают агрессивные выпады в отношении своей аудитории, и это не является уникальным явлением [Дементьева 2021].

Появление и распространение трэш-рейтинга, трэш-дискурса, трэш-журналистики связано с целым рядом социокультурных причин.

С лингвистической точки зрения, трэш-рейтинг – это разновидность «новояза», то есть любых необычных проявлений в речи и языке. В XX в. новояз активно формировали политики, и он отражал определенные идеологические позиции. Поскольку контроль над языком сохраняли элиты, остальные члены общества были вынуждены использовать предлагаемые языковые нормы и правила. В XXI в. на формирование новояза активно влияет среда интернета, где любой аноним может создавать новые слова. Примечательно, что обычный человек, в отличие от политика, не обязательно стремится что-то внушить собеседнику. В результате современный новояз стал представлять систему, соединяющую официальный и неофициальный уровни коммуникации. Он не стремится полностью вытеснить основной язык, но конкурирует с ним, из-за чего проникает даже в академический и официальный дискурс [Олешкова 2023].

Некоторые полагают, что переход от написания обычных текстов к трэш-рейтингу является следствием постграмотности – феномена, возникшего из-за развития новых информационных технологий, когда информация стала «упаковываться» совершенно иначе, чем в эпоху печатного станка. Для эпохи постграмотности характерны поликодовая грамотность (умение декодировать не только текст, но и образы – картинки, мемы, видео); функционирование «тотальных частностей» – комьюнити, вырабатывающих свои нормы и правила, – и крах централизованных норм и иных объединяющих форм в рамках языковой политики [Киуру 2018].

С социологической точки зрения, обращение к трэш-рейтингу и активное использование при этом нецензурной лексики отражает серьезные изменения в общественном сознании. Исследователи среди основных причин обращения к такой технологии подачи информации называют усталость аудитории интернета (то есть молодежи и людей среднего возраста) от дисциплинированного и профессионального контента – именно потому в YouTube стали популярны блогеры, активно использующие нецензурную лексику [Мусатова 2018]. Популярность же применения трэш-рейтинга

в журналистике некоторые связывают с растущим в обществе ощущением бессилия: невозможности быть везде и всюду; а также отмечают роль классового неравенства, которая всегда находила отражение в противопоставлении элитарной и массовой культуры. Проблема в том, что, регулярно предлагая аудитории «набор отклонений от нормы», медиа культивируют специфическую чувственность, которая бросает вызов нормализующей функции традиционной журналистики [Деминова, Чугулова 2022].

С психологической точки зрения, можно увидеть связь трэш-райтинга, трэш-журналистики и специфического типа мышления авторов и адресатов – драйв-мышления (от англ. drive – непреодолимое влечение, спонтанное движение). По мнению Е.Е. Прониной, драйв-мышление – это «осознанное следование принципу удовольствия как единому ориентиру поведения вследствие отрицания социальных запретов и предписаний, табу и идеалов, долга и ответственности» [Пронина 2003, с. 159]. Драйв-мышление связано с гедонистическим поведением, и важно понимать, что поиск новых стимулов для получения удовольствия небезопасен: привыканье и пресыщение наступают быстро, и человек ищет более сильные раздражители, а более сильные эмоции дает не удовольствие, а то, что вызывает страх – боль и смерть. Так постепенно возникает стремление увеличивать долю риска: от имитации опасных ситуаций переходить к их наблюдению, а потом – и к участию. Как отмечает Е.Е. Пронина, драйв-мышление связано с так называемым гедонистическим текстом, стержневой особенностью которого является эпатаж: «стремление подать как высшее удовольствие нарушение табу, осмеяние ценностей, выход за рамки норм и законов и т. п., подкрепляемый сверхсильными материальными раздражителями: демонстрацией больших выигрышей, картин страдания и смерти, порнографией, ненормативной лексикой...». Еще одна черта гедонистического текста – глумливость, которая проявляется в том, что журналисты свысока осуждают «низкие истины», срывают покровы и устраивают суд Линча, возбуждая своим текстом драйв-мышление аудитории. Так гедонистический текст становится средством информационного насилия [Пронина 2003, с. 171–172].

Таким образом, трэш-райтинг, трэш-журналистика и трэш-дискурс – это явления, которые достаточно распространены не только в среде интернет-коммуникации, но и в среде традиционных массмедиа. Они отображают объективные социокультурные процессы, но в то же время часто связаны с осознанным желанием отправителей сообщений привлечь внимание адресатов к своим посланиям, даже если это и сопряжено с определенным информационным насилием и нарушением общественных норм.

Порядок и хаос в коммуникативных пространствах

Трэш-рейтинг в той или иной форме присутствует в социальных коммуникациях с начала XXI в., однако по-прежнему ассоциируется скорее с неформальным общением в онлайн-среде, нежели с массовой коммуникацией. Впрочем, эмпирические наблюдения за новыми медиа заставляют усомниться в этом. Подобные выводы были сделаны после изучения 12 любительских и профессиональных локальных медиа г. Красноярска в январе и июне 2025 г. В трех из них были обнаружены приемы трэш-рейтинга.

Исследование было связано с апробацией идей синергетики по отношению к медиа. Одна из них состоит в том, что все системы (в том числе социальные и медиасистемы) постоянно балансируют между двух состояний – порядком и хаосом. Порядок при этом понимается как наличие четких и регулярных связей между элементами, а хаос – как отсутствие подобных связей. Была выдвинута гипотеза, что хаос постоянно присутствует в системах на низовом уровне, где простые элементы (а в социальных системах это индивиды и группы) не столь жестко связаны друг с другом, находятся в движении (в том числе благодаря возможности физически перемещаться), а потому могут вступать в новые взаимосвязи и образовывать любые новые союзы и группы. Медиа (в широком универсалистском понимании М. Маклюэна) помогают эти союзы поддерживать и привлекать новых сторонников. Существующая система либо борется с такими «инноваторами», либо пытается интегрировать их в уже существующую структуру.

На основе этого была выдвинута гипотеза о том, что локальные медиа в коммуникативном пространстве могут играть одну из трех ролей. Первая – это «консерваторы» системы, которые стремятся сохранять существующий порядок, поддерживая те или иные социальные институты и существующие нормы. Вторая роль – «хаотизаторы». Такие медиа ассоциированы с группами (например, владельцами медиа), которые пытаются продвигать альтернативные взгляды, идеи и нередко дестабилизируют систему для достижения собственных целей и утверждения нового порядка. Третья роль – «гармонизаторы»: такие медиа пытаются экологично соединить старое и новое, приспособить инновации к тому, что уже существует [Зорин 2025].

Для проверки гипотезы был выбран город Красноярск. Особенности развития региона с 1990-х гг. привели к заметному социальному расколу, что даже отразилось на специфике региональной медиасистемы. С одной стороны, этому способствовала географи-

ческая специфика: огромная территория, большие расстояния, но половина населения сконцентрирована в краевом центре. С другой стороны, на это влияли экономические диспропорции: регион всегда был одним из экономических лидеров, но расслоение по доходам населения всегда было одним из максимальных в России. Из-за этого пресса ориентировалась на интересы рекламодателя и небольшого слоя привилегированных жителей, а не на интересы массовой аудитории. С третьей стороны, здесь исторически проводились агрессивные избирательные кампании. Активное участие в этом противостоянии принимали массмедиа, открыто заявляя о своей ангажированности. А так как за регион еще в 1990–2000-х гг. боролись разные финансово-промышленные группы, в Красноярском крае возникло и долгое время функционировало большое количество телеканалов, распространявших разнообразные, в том числе и оппозиционные взгляды. Хотя практически все массмедиа оказались сосредоточены в Красноярске и замкнуты на его информационные потребности, игнорируя жизнь других территорий. Все это позволило предположить, что исторические причины влияют на современное коммуникативное пространство, и в нем присутствуют медиа всех трех типов («консерваторы», «хатаизаторы» и «гармонизаторы»).

Для проверки гипотезы на основе структурного анализа медиасистемы были отобраны 12 медиа: 6 профессиональных медиа и 6 пабликсов в социальной сети «ВКонтакте». Среди профессиональных медиа рассматривались издание администрации города «Городские новости» (gornovosti.ru), интернет-издания «Newslab» (newslab.ru) и «НГС24» (ngs24.ru), функционирующий как информагенство Telegram-канал «Борус», а также сайт традиционно оппозиционной телекомпании «ТВК» (tvknews.ru) и оппозиционный портал «Запад24» (zapad24.ru). Среди пабликсов рассматривались официальная группа администрации Красноярска «Город Красноярск» (57 тыс. подписчиков), и наиболее многочисленная группа одного из районов – «Октябрьский район. Красноярск» (9 тыс. подписчиков), а также одна из самых массовых групп «Я живу в Красноярске» (более 500 тыс. подписчиков), группа «Подслушано Красноярск» (132 тыс.), и группы микрорайонов Зеленая Роща (26 тыс. подписчиков) и Солнечный (60 тыс. подписчиков).

Проверка гипотезы осуществлялась с помощью контент-анализа. Разведывательное исследование проводилось за период с 13 по 26 января 2025 г. при помощи частотного количественного контент-анализа, основанного на сплошной выборке публикаций. В данный период информационное поле страны и региона было

спокойным. Повторное исследование проводилось за период с 3 по 15 июня 2025 г., который, наоборот, характеризуется как неспокойный: с 6 по 8 июня Красноярск отмечал день города, 9 июня произошел арест мэра. Частотный количественный контент-анализ был дополнен качественным анализом текстов.

Разведывательное исследование позволило определить роли части медиа за счет определения того, чему они отдают больше предпочтения – событиям властных, бизнес- или общественных институтов, повседневной жизни горожан, не связанной четко с институтами (это темы вроде погоды, здоровья, отдыха, развлечений и т. д.), или же разного рода происшествиям. Явными «хаотизаторами» системы выступили сайты tvknews.ru, zapad24.ru, паблик «Подслушано Красноярск», «консерваторами» – газета «Городские новости» и госпаблики Октябрьского района и администрации города. Единственным «гармонизатором» из 12 медиа оказалась группа жителей микрорайона Зеленая Роща.

Повторное исследование помогло отнести к «хаотизаторам» издание «НГС24» и Telegram-канал «Борус», к консерваторам – издание “Newslab”. Но главное для данной публикации то, что были обнаружены технологии трэш-рейтинга. Их используют паблик «Подслушано Красноярск», а также два профессиональных медиа – портал «Запад24» и «НГС24». Единственное отличие в том, что профессиональные медиа обходятся без обсценной лексики.

Трэш-рейтинг в красноярских медиа

Самое активное применение технологии трэш-рейтинга было обнаружено в непрофессиональном медиапаблике «Подслушано Красноярск» (https://vk.com/krsk_bus), который отдает предпочтение происшествиям, мемам, и старается публиковать материалы, собирающие большое число реакций в виде лайков (и дизлайков), реже – комментариев и репостов. В «спокойный» январский период более 101 поста из 216 набрали более ста лайков, и 6 из них – более тысячи. В «беспокойный» июньский – 74 из 164, в том числе 3 – более тысячи. Значение играет не только тематика, но и агрессивная подача информации.

Во-первых, в заголовках или первых предложениях (так как многие посты пишутся без заголовков) часто используется нецензурная лексика. Редакция приводит слова практически полностью, лишь заменяя одну из букв звездочкой или иными знаками. В июне использование нецензурной лексики было обнаружено в 13 постах из 164. Нецензурная лексика не только привлекает внимание, но

и усиливает безапелляционность оценок освещаемых ситуаций или упоминаемых персонажей, которые автор навязывает читателю.

Во-вторых, многие посты написаны с использованием элементов разговорного стиля. В июне он был обнаружен в 23 постах из 164. Тем самым как бы полностью стирается граница между медиа и читателем. Например, в посте о происшествии 4 июня поясняется, что «девушка была основательно *угашена наркотиками*», в посте от 8 июня сообщается, что «*чёткий пацан на быв (sic!)* заблокировал работу троллейбуса, ради знакомства с девушкой. Но девушка его *отшила*», в посте от 10 июня отмечается, что «*открыт новый уровень кринжа*». Но встречаются и отдельные посты от подписчиков, написанные не только в разговорном стиле, но и с нарушением орографических норм.

В-третьих, даже в текстах, написанных без использования нецензурной и разговорной лексики, заметна характерная для трэш-райтинга чрезмерная экспрессия, когда оценка носит демонстративно-личностный и безапелляционный характер. Хотя порой это отрицательно влияет на информативность: необходимо читать весь пост, чтобы понять его смысл. Пример поста от 3 июня о конфликте на пункте выдачи заказов: «“Я мама! Дай бог, чтоб ты сд*х! Помоги на себя, нищета! Кобель поганый. Сидит там выдаёт заказы”. В одном из ПВЗ девушка хотела проверить заказанную лупу, но оказалось, что розетки не работают. После этого начался конфликт с работником». Суть конфликта разъясняется лишь в конце текста, сопровождающего видео. Или пост от 6 июня о причинах нападения на прохожего: «“Я считаю, что таких нужно убивать”. Мужик, пырнувший прохожего ножом на Вильского, заявил, что он защищался». Только в конце текста выясняется, что это позиция нападавшего по отношению к своей жертве.

Профессиональные редакции – интернет-издания «НГС24» и «Запад24» не используют нецензурную лексику, но включают элементы разговорного стиля и безапелляционную эмоциональную подачу. Показательны некоторые публикации. Например, 5 июня была опубликована заметка «Уважающий традиции и мнение людей глава Хакасии выступил против реформы власти, в отличие от губернатора края», где событие в соседнем регионе использовано для критики власти. Автор использует публицистический стиль, но местами он включает разговорный для более эмоциональной передачи позиции. Например, сообщается, что «сегодня идет *отчаянная грызня за должности, спешное перепихивание имущества* и прочие веселые вещи». В публикации от 6 июня «Глава Минздрава края Наталья Говорушкина может покинуть пост после чудовищного скандала и поиска виноватых» уже содержится оценка в заголовке,

а в тексте содержатся элементы разговорного стиля. «*Она готовила стратегию, как “втащить” “Губернским аптекам”*» – о конфликте министра и крупной аптечной сети; «*пока конфликт и пересуды находятся, так сказать, в острой фазе*, Наталия Говорушкина предпочла *сбежать и затихариться*» – о его предварительных итогах. Безапелляционная оценочность и/или использование разговорного стиля характерны и для заголовков: «*Алчная управляющая Соцфонда края задержана и обвиняется по 3 статьям УК РФ*», «*В Красноярске объехавший пробку по “встречке” лихач попал на солидный штраф*» (10 июня). Хотя в целом подобные приемы встречаются в единичных публикациях, можно предположить, что трэш-рейтинг в данном медиа – следствие низкого профессионализма авторов, испытывающих трудности с правильным употреблением языка. Однако эти редкие публикации почему-то регулярно касаются определенных персон в краевой и городской администрации, что заставляет думать о намеренном использовании трэш-рейтинга для дискредитации этих новостмейкеров в угоду интересов владельцев медиа. Тем более что, согласно частотному анализу, 71 публикация из 113 в январе и 59 из 95 в июне относятся к категории «происшествия» (правонарушения, аварии, ДТП, скандалы и т. д.).

В интернет-издании приемы трэш-рейтинга также проявляются в использовании разговорной лексики и безапелляционных оценках, но только в заголовках: «*Трансжиры – фу! Чем заменить сладкое и не страдать – советы Роспотребнадзора и нутрициолога*» (8 июня), «*“Позвоночник высыпется в трусы”: какие тренировки опасны для похудения – мнение фитнес-тренеров и врачей*» (10 июня). Категорично оценивая героя или событие, авторы при этом могут упускать суть, которая становится ясна только после его полного прочтения материала: «*Креста на вас нет! Красноярец “наехал” на строителей метро. Что его возмутило?*» (3 июня, материал об отсутствии креста у изображения часовни на строительном баннере); «*Стою перед зеркалом и спрашиваю: “Что ж ты за тварь?!”*». Красноярцы рассказали, как регулярно изменяют женам» (8 июня); «*Получал в нос у “Иксов”*», а первый выезд в центр стал событием: комик из Красноярска раскрыл Джабраилову, почему не уедет в Москву (12 июня). Но иногда простой эмоциональной лексики не хватает, и в ход идут разговорные выражения: «*Отставка или “выкидоны”?* Наталия Говорушкина может уйти из-за скандалов в краевом минздраве» (6 июня); «*Не впендурился сначала*». Актер Михайлов рассказал, как отказывался от роли в фильме «*Мужики!*» (8 июня); «*Красноярск, размножайся*»: Виталий Гогунский спел «*шиягу шняжную*» и отправил Красноярск поднимать демографию (8 июня).

Заключение

Исследование ролей медиа в коммуникативном пространстве («консерватор», «хаотизатор» или «гармонизатор» системы) позволяет заключить, что трэш-рейтинг свойствен тем, кто стремится дестабилизировать существующий порядок. Вне зависимости от того, является ли это частью бизнес-стратегии (привлечение внимания за счет подобной подачи информации) или стремления говорить с аудиторией на одном языке, трэш-рейтинг соответствует роли «хаотизаторов», помогая им реализовывать стремление к подрыву существующих правил и норм. Социальные последствия этого неоднозначны. С одной стороны, «медиахаотизатор» сближается с массовой аудиторией, уже воспитанной средой интернета и привыкшей как к категоричности оценок, так и к активному использованию ненормативной лексики в общении. С другой стороны, профессиональные массмедиа традиционно воспринимались как носители определенных эталонов поведения, в том числе и речевого, и их обращение к трэш-рейтингу выглядит как участие в закреплении тех образцов, которые всегда воспринимались как маргинальные.

Литература

- Дементьева 2021 – Дементьева К.В. Развитие Telegram-каналов в медиапространстве российских регионов: специфика, типология, перспективы развития (на примере Telegram-каналов Республики Мордовия) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 6. С. 131–144.
- Деминова, Чугулова 2022 – Деминова М., Чугулова А. «За гранью»: трэш-журналистика на грани коммуникативных норм // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37). С. 81–89.
- Зорин 2025 – Зорин К.А. Медиа в локальных коммуникативных пространствах: «консерваторы системы», «хаотизаторы» и «гармонизаторы» // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 2. С. 335–353. DOI: 10.17150/2308-6203.2025.14(2).335-353
- Киуру 2018 – Киуру К.В. Рекламный интернет-текст в условиях постграмотности: от копирайтинга к трэш-рейтингу // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 298–300.
- Мусатова 2018 – Мусатова М.Л. Трэш-рейтинг как эффективная методика подачи информации // Медиасреда. 2018. № 14. С. 135–141.
- Николаева 2011 – Николаева А.В. Авторская интонация в журналистике // Русская речь. 2011. № 1. С. 74–78.
- Олешкова 2023 – Олешкова А.М. Современный новояз как связующий элемент между онлайн- и офлайн-коммуникацией // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 83–104.

- Пронина 2003 – Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М.: Изд. Московского ун-та, 2003. 320 с.
- Сибиданов 2019 – Сибиданов Б.Б. Две формы отрицания в телевизионном трэш-дискурсе // Ученые записки НовГУ. 2019. № 1 (19). С. 1–7.

References

- Dementieva, K.V. (2021), “The development of Telegram channels in the media space of Russian regions. Specifics, typology, development prospects (using the example of Telegram channels of the Republic of Mordovia)”, *Vestnik NGU. Seriya: Iстория, филология*, vol. 20, no. 6. pp. 131–144.
- Deminova, M. and Chugulova, A. (2022), “‘Beyond the edge’. Trash journalism on the verge of communicative norms”, *Legal Linguistics*, vol. 37, no. 26, pp. 81–89.
- Kiuru, K.V. (2018), “Advertising Internet text under the conditions of post-literacy. From copywriting to trash-writing”, *Dinamika языковых и культурных процессов в современной России*, no. 6, pp. 298–300.
- Musatova, M.L. (2018), “Trash writing as an effective method of information presentation”, *Mediasreda*, no. 14, pp. 135–141.
- Nikolaeva, A.V. (2011), “Author’s intonation in journalism”, *Russkaya rech'*, no. 1, pp. 74–78.
- Oleshkova, A.M. (2023), “Modern newspeak as a connecting element between online and offline communication”, *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*, vol. 6, no. 3, pp. 83–104.
- Pronina, E.E. (2003), *Psikhologiya zhurnalistskogo tvorchestva* [Psychology of journalistic creative works], Izdanie Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Sibidanov, B.B. (2019), “Two forms of denial in television trash discourse”, *Uchenye zapiski NovGU*, vol. 19, no. 1, pp. 1–7.
- Zorin, K.A. (2025), “Media in local communicative spaces. ‘Conservatives of the system’, ‘chaotists’ and ‘harmonizers’”, *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, vol. 14, no. 2, pp. 335–353.

Информация об авторе

Кирилл А. Зорин, кандидат философских наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Kirill_zorin@mail.ru

Information about the author

Kirill A. Zorin, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Kirill_zorin@mail.ru

История публицистики. Риторика

УДК 323.2:070

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-134-152

Публицистические приемы в пропагандистской практике декабристов: случай М.П. Бестужева-Рюмина

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН),
Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена публицистическим приемам в пропагандистской практике декабристов: описываются способы вербовки в тайную организацию начиная от сбора сведений о кандидатах в заговорщики и заканчивая предложением совершить цареубийство. Анализируется роль поэтической публицистики, и прежде всего стихов А.С. Пушкина, в привлечении в заговор новых участников. В центре статьи – фигура декабриста М.П. Бестужева-Рюмина, наиболее результативного агитатора, которого А.Х. Бенкendorф назвал «демоном пропаганды».

Ключевые слова: декабристы, публицистические приемы, пропаганда, М.П. Бестужев-Рюмин, А.С. Пушкин

Для цитирования: Киянская О.И. Публицистические приемы в пропагандистской практике декабристов: случай М.П. Бестужева-Рюмина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 134–152. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-134-152

**Journalistic techniques
in the Decembrists' propaganda practice.
The case of M.P. Bestuzhev-Ryumin**

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

Abstract. This article is about journalistic techniques in the Decembrists' propaganda practice: it describes the ways of recruitment into the secret organization, starting with the collection of information about the candidates for the conspirators and ending with the proposal to commit regicide. The article analyses the role of poetic journalism, primarily Pushkin's poems, in attracting new members to the conspiracy. The article centers on the figure of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Ryumin, the most effective agitator, whom A.Kh. Benckendorff called "the demon of propaganda".

Keywords: Decembrists, journalistic techniques, propaganda, M.P. Bestuzhev-Ryumin, A.S. Pushkin

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2025), "Journalistic techniques in the Decembrists' propaganda practice. The case of M.P. Bestuzhev-Ryumin", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 134–152, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-134-152

При всей кажущейся изученности декабристских тайных обществ публицистические методы их пропаганды исследованы явно недостаточно. Изучать феномен конспиративной агитации лучше всего на примере тайных обществ второй половины 1820-х гг., поскольку эти общества имели ярко выраженную антиправительственную окраску. Соответственно, вербовать в них новых участников было сложно, гораздо сложнее, чем в середине предыдущего десятилетия, когда целью такого рода обществ была объявлена помощь правительству.

Центральная фигура поздней декабристской агитации – подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Бестужев-Рюмин, младший из пяти повешенных, погибший в 25 лет. Не сделавший военной карьеры, он тем не менее достиг высот в заговоре: вступив в Южное общество в 1823 г., через год был уже сопредседателем одной из его управ, Васильковской. В юности Бестужев-Рюмин хотел стать дипломатом, но предпочел в итоге военную службу. Однако

он явно обладал дипломатическими способностями: с его именем связаны переговоры Южного общества о совместных действиях с Польским патриотическим обществом и с Обществом соединенных славян, влившимся в итоге в состав Васильковской управы. Один из следователей по делу о «злоумышленных тайных обществах», Александр Бенкendorф, назвал Бестужева-Рюмина «демоном пропаганды»¹.

В данном случае речь пойдет о личности агитатора, а также о методах, с помощью которых «демон пропаганды» привлекал в заговор многочисленных сторонников.

* * *

Отзывы современников о Бестужеве-Рюмине неоднозначны. Современники отмечали его ум и образованность. По их мнению, Бестужев был «одарен счастливою памятью, много читал, любил музыку и хоть не обладал обширным умом... но даже и в этом отношении мог обратить на себя внимание»².

Превалируют в воспоминаниях другие отзывы: казненный заговорщик был «странным существом», «взбалмошным и совершенно бесполковым мальчиком», «говорил самые невыносимые пошлости» и «делал самые непозволительные промахи», «играл в обществах роль шута», «вел себя так ветreno, что над ним смеялись», «в нем беспрестанно появлялось что-то похожее на недоумка; сердце у него было превосходное, но голова не совсем в порядке».

В глазах некоторых он был и вовсе «сумасшедшим»³.

Странной современникам казалась и манера разговора Бестужева. «Говорил он хорошо, но всегда скоро и восторженно», однако, услышав возражения, мог, например, замолчать, «показывая свое неудовольствие качанием головы», после чего «почти как

¹ Бенкendorф А.Х. Воспоминания: 1802–1837. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТриТэ»; Российский архив, 2012. С. 338.

² Капист-Салон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: ГПИБ, 2008. Т. 1. С. 398; Михайловский-Данилевский А.И. Вступление на престол императора Николая I // Русская старина. 1890. № 11. С. 497; Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск: «Восточно-Сибирское книжное изд-во», 1988. С. 340.

³ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. СПб.: Наука, 2007. С. 55; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 92; Пыхачев М.И., Нацокин Д.А. Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 148.

в забвении оставался несколько минут»⁴. Но история короткой жизни Михаила Бестужева-Рюмина свидетельствует: критически настроенные современники заблуждались.

С 1823 г. Бестужев-Рюмин вел двойную жизнь – и делал это легко и уверенно. По воспоминаниям генерала А.И. Михайловского-Данилевского, знавшего заговорщика лично, Бестужев «представлял из себя влюбленного во всех женщин и до того умел им нравиться, что со многими из них тоже вел переписку».

Маска недалекого молодого человека, «странныго существа» и «недоумка» защищала Бестужева от ненужного любопытства окружающих: тем, кто не знал о его конспиративной жизни, «в голову не приходило, чтобы человек столь рассеянный и ветреный мог быть заговорщиком»⁵.

Если же он открывался людям, желая сделать их союзниками, то использовал для этого все доступные средства: врожденный артистизм, риторические навыки, энтузиастический восторг. И те, кто признавал его правоту и превосходство, нередко сами готовы были последовать за ним в самых фантастических его предприятиях. Те же, кто отторгал его образ мыслей и образ действий, Бестужева в дальнейшем не интересовали.

* * *

Сослуживцы Бестужева-Рюмина по Полтавскому полку видели его нечасто. Он не скрывал, что «никогда почти не бывает в полку»⁶, а разъезжает по России, вербя сторонников и играя роль связного между основными участниками Южного общества.

«Он был главным связующим звеном между заговорщиками», – утверждал начальник армейского штаба, генерал Карл Толь⁷. Весьма активно он действовал во время крупных армейских сборов – в 1824 г. под Белой Церковью, в августе–сентябре 1825 г. под местечком Лещин недалеко от Житомира.

В полной мере проявить себя «демон пропаганды» сумел всего за год: до конца 1824 г. Пестель запрещал принимать в тайное общество никого, «кроме штаб-офицеров», но «в исходе... 1824-го года» переменил мнение и разрешил «принимать всех благо-

⁴ Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 340; Пыхачев М.И., Нащокин Д.А. Указ. соч. С. 142.

⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 497–498.

⁶ Пыхачев М.И., Нащокин Д.А. Указ. соч. С. 147.

⁷ Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина // Восстание декабристов: Материалы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. Т. 9. С. 38.

надежных и офицеров»⁸. По масштабу такого рода деятельности с Бестужевым не могли сравниться ни его друг, сопредседатель Вильковской управы подполковник Сергей Муравьев-Апостол, ни руководитель заговора на юге Павел Пестель, ни кто-либо другой из заговорщиков.

Точное количество офицеров, с которыми Бестужев-Рюмин вел опасные разговоры, установить сложно. Субординация его не останавливалась: в поле его зрения попадали как молодые, как он, обер-офицеры, так и воевавшие, опытные штаб-офицеры, даже командиры полков. Прежде чем заговорить с офицером о тайном обществе, Бестужев-Рюмин старался – если это было возможно – окольными путями собрать сведения о его характере, образе мыслей и жизненных обстоятельствах. Например, юный корнет Ахтырского гусарского полка Леонтий Годениус показался ему «решительным человеком». Однако предложение вступить в тайное общество не последовало: Бестужев выяснил, что корнет «легок и болтлив»⁹.

«Демон пропаганды» выбирал прежде всего офицеров, которые, на его взгляд, были обижены властью. Своим сторонникам, которые тоже должны были заниматься привлечением в общество новых лиц, он советовал вербовать тех, «кои имеют неудовольствия на правительство»¹⁰.

Так, подполковника Федора Левентяля, командира Низовского пехотного полка, он хотел принять в тайное общество потому, что у того был конфликт с корпусным командиром генералом Ротом¹¹. Пострадавшим от власти мог показаться и Дмитрий Нащокин, поручик 5-й конно-артиллерийской роты. С 1818 г. Нащокин служил в столице, при генерале Иване Сухозанете, командовавшем артиллерией Гвардейского корпуса, однако в 1820 г. вернулся в армию¹².

Штабс-ротмистр, служивший в Белорусском гусарском (принца Вильгельма Оранского) полку, Иван Жуков тоже прежде служил в гвардии, в Лейб-grenадерском полку, был некоторое время адъютантом начальника штаба Гвардейского корпуса генерала Петра Желтухина. Однако в мае 1822 г. командир лейб-гренадеров, полковник Николай Стюрлер, ходатайствовал о переводе Жукова

⁸ Там же. С. 90.

⁹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.

¹⁰ Следственное дело М.М. Спиридова // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 131.

¹¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 8–8об.

¹² Следственное дело М.М. Спиридова... С. 157.

в армию; ходатайство было удовлетворено. Причиной же перевода был тот факт, что Жуков «не успел отдать» командиру «полной чести» и «имел расстегнутый воротник»¹³.

Еще одним критерием, по которому отбирались кандидаты в заговорщики, был либеральный образ мыслей. Подтверждением либерализма была для Бестужева-Рюмина образованность кандидата. По свидетельству современника, он «не мог представить, чтобы образованные люди не разделяли его правил»¹⁴. Так, по его собственным словам, «образованность» полковника Вильгельма Ширмана, командира Муромского пехотного полка, позволяла ему надеяться, что «при удобном случае» его можно будет уговорить «взять участие в нашем предприятии»¹⁵.

Бестужев-Рюмин полагал, что заговорщиками вполне могут стать и те, кто в обычной жизни увлечен «горячим чувством» помочь ближнему. В этом «чувстве», по его собственным словам, было «нечто в высшей степени увлекательное» – «особенно когда чувствуешь себя совершенно измученным от бесстрастной учености наших книжников»¹⁶.

Так, в состоявшим в одной бригаде с Полтавским Черниговским полку служило несколько разжалованных бывших офицеров; одним из них был Флегонт Башмаков, в прошлом – полковник артиллерии. В 1820 г., когда он был разжалован за растрату, ему было 46 лет; он участвовал еще в Итальянском походе Суворова, а затем – во многих войнах начала XIX в., в том числе и в Отечественной войне.

Гуманный и человеколюбивый Сергей Муравьев-Апостол, командовавший одним из батальонов черниговцев, весьма сочувствовал Башмакову: подполковник пригласил рядового квартировать с ним в одном доме. Приглашение это было чисто филантропическим и конспиративного смысла не имело: Муравьев-Апостол поселил Башмакова у себя «из сострадания» к его «несчастному и вместе болезненному... положению». Полковнику Ивану Повало-Швейковскому Муравьев говорил, что не примет рядового в общество «до самого действия». В итоге тайна заговора ему так и не была открыта, хотя, по словам подполковника, рядовой «мог догадываться кое о чем». Башмакову многие сочувствовали:

¹³ Следственное дело И.П. Жукова // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 61.

¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 498.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 8–8об.

¹⁶ Муравьев-Апостол С.И. Два письма // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 223.

«из сожаления, сродного человечеству», ездили к нему в гости и предлагали денег¹⁷.

Разговор о Башмакове и его бедах был для Бестужева-Рюмина хорошим способом узнать образ мыслей собеседника. Комментируя его историю, можно было говорить о «неудовольствии *<на>* государя», который разжаловал Башмакова «по столь малым причинам и не уважил его службы»; соответственно, это был повод начать разговор о несправедливости российской власти в целом. В беседах с офицерами Бестужев хвалил тех, кто не забывал рядового, пытался собирать деньги – «делать подписку» – для него¹⁸.

Многие из тех, кто в 1823–1825 гг. был не чужд филантропии, помогал Башмакову добрым словом и деньгами, оказались втянутыми в круг действий тайного общества.

Еще одним – действенным и относительно безопасным – способом отличить «своего» от «чужого» были антиправительственные стихи, и прежде всего тексты Пушкина.

Исследователи хорошо знают эпизод с чтением Бестужевым-Рюминым наизусть стихов Пушкина в присутствии членов Общества соединенных славян. «Славяне» имели свою цель – объединение всех славянских племен в единую федерацию, и о революции не помышляли. Бестужеву-Рюмину необходимо было сделать их союзниками – и Пушкин пришелся тут весьма кстати [Мейлах 1955, с. 131].

В лагере же при Лещине, – показывал один из «славян», поручик Петр Громницкий, – Бестужев... в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно, приписывая оное ему¹⁹.

¹⁷ Следственное дело Ф.М. Башмакова // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 19. С. 224; Следственное дело И.С. Повало-Швейковского // Восстание декабристов: Документы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. Т. 11. С. 165; Следственное дело С.И. Муравьева-Апостола // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 331; Следственное дело А.Н. Фролова // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 86, 90–91.

¹⁸ Следственное дело А.Н. Фролова... С. 86; *Пыхачев М.И., Нащокин Д.А.* Указ. соч. С. 140, 143; Следственное дело И.И. Горбачевского // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 188–189.

¹⁹ Следственное дело И.И. Иванова // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1975. Т. 13. С. 299.

Точная дата чтения этих стихов неизвестна, но можно предположить, что происходило это сразу после установления контакта со «славянами». Декламировал же сопредседатель Васильковской управы пушкинский «Кинжал»:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды²⁰.

Один из наиболее радикальных текстов поэта, воспевающий тираноборчество, позволял Бестужеву-Рюмину провести своеобразную экспресс-разведку, быстро понять настрой собеседников.

Произнесши стихи сии, – показывал Громницкий, – Бестужев спросил: «Не желает ли кто иметь их?» – и, немедленно переписав, вручил их Спиридову, у которого я после брал с тем, чтобы переписать, но, носивши при себе их несколько дней, я потерял оные... Но Бестужеву должно знать их, ибо он очень твердо перечитывал их наизусть²¹.

После того как его чтение произвело благоприятное впечатление, а собеседники не отказались взять себе прочитанную «крамолу», можно было начинать серьезные разговоры. В итоге этих разговоров Общество соединенных славян вошло в состав Васильковской управы.

По признанию Бестужева-Рюмина, «рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина» в полках было столь много, что заговорщиков это «удивляло». Сам же Бестужев «везде слыхал стихи Пушкина, с восторгом читанные»²².

Сочинения сего рода, Пушкина и Рылеева и многих других были известны всем почти, кто только любил заниматься чтением стихов, и в это несчастное время ослепления умов оные были читаны без всякого опасения один другому, –

подтверждал его слова штабс-ротмистр Михаил Паскевич, как и Жуков, служивший в Белорусском гусарском полку. Паскевич был большим почитателем пушкинского таланта²³.

²⁰ Пушкин А.С. Кинжал // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2, кн. 1. С. 173.

²¹ Следственное дело И.И. Иванова... С. 302.

²² Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... Указ. соч. С. 118–119.

²³ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 94. Л. 26; Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... С. 118.

Аргументом за принятие в тайное общество артиллерийского капитана Матвея Пыхачева, командира 5-й конно-артиллерийской роты, стал – помимо его участия в судьбе Башмакова – тот факт, что «еще прежде принятия... в общество» он хранил «вольнодумческие» стихи «Пушкина, Вяземского и Дениса Давыдова»²⁴. Впрочем, Пыхачев на следствии настаивал, что держал у себя лишь текст под названием «У вас Нева, у нас Москва»²⁵.

С этих слов начиналось ходившее в списках стихотворение князя Петра Вяземского под названием «Сравнение Петербурга с Москвой» (1811 г.):

У вас Нева,
У нас Москва <...>
Боюсь, и здесь
Не лучше смесь:
Здесь вор в звезде,
Монах в...
Осел в суде,
Дурак везде <...>
У вас авось –
России ось –
Крутит, вертит,
А кучер спит²⁶.

Стихотворение это было широко известным: император Александр I, прочтя его, выражал недовольство сочинителем, утверждая, что поэт написал «ругательные стихи на правительство»²⁷.

Среди офицеров были и те, которые попадали в поле зрения Бестужева-Рюмина, поскольку сами создавали и распространяли «вольнодумные» тексты. Так в заговорщицкие сети попал, например, тот же Паскевич. На следствии он признавался, что

читавши многие вольные стихотворения господина Пушкина... был увлечен его вольнодумством и его дерзкими мыслями, но, не находя в самом себе подобных чувств, а по малодушию моему и без всякого к тому таланта, хотел было подражать ему²⁸.

²⁴ Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... С. 118.

²⁵ Пыхачев М.И., Нащокин Д.А. Указ. соч. С. 153.

²⁶ Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 56.

²⁷ Вяземский П.А. Моя исповедь // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. Т. 2. С. 95.

²⁸ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 94. Л. 25об.

Подражая Пушкину, Паскевич перевел с французского «описание смерти Диока де Бери» – т. е. герцога Беррийского, которого в 1820 г. убил кинжалом рабочий-седельщик Луи Лувель. Причем в исходном французском тексте Паскевича интересовало «только то место, где убийца», собираясь на преступление, «говорит для своего ободрения». Этот фрагмент он – на французском языке – воспроизвел на следствии:

Уничтожить тирана – это никогда не было преступлением,
Чтобы избавиться от него, – убийство законно,
Если бы я мог исполнить этот отважный замысел,
Который потом мне принесет звание убийцы.

Был у штабс-ротмистра и еще один текст, тоже, по его словам, перевод с французского; по-французски он его воспроизвел и в показаниях. Однако он оказался очень похож на знаменитое «...и на обломках самовластья напишут наши имена...»:

Подозрение, может ли оно нам навредить?
Сама смерть не представляет для нас ничего ужасного,
И если нас погребут обломки трона,
Мы воскреснем ради бессмертия,
И потомки будут завидовать нашей славе
И, проливая по нам слезы, сохранят память о нас²⁹.

Стихи Паскевича оказались у Бестужева-Рюмина. Естественно поэтому, что автора стихов сопредседатель Васильковской управы посчитал достойным вступить в общество.

* * *

На следствии Бестужев поведал и о том, как происходил сам процесс принятия в тайное общество. Для начала у кандидата в заговорщики он узнавал мнение «насчет правительства». И когда мнение совпадало с бестужевским, задавался другой вопрос: если «одинако с нами мыслящие» «ополчаться за свободу», то поддержит ли их собеседник?

«И тот, кто изъявлял свое согласие, считался принятым в члены», – показывал Бестужев-Рюмин³⁰. Правда, это был низший ранг участников тайного общества, так называемые «полученные».

²⁹ Там же. Л. 24–24 об. Переводы Н.Ю. Вощинской.

³⁰ Там же. Л. 16–16 об.

«Демон пропаганды» агитировал везде, где это было возможно: в дворянских усадьбах, в офицерских собраниях, в беседах с глазу на глаз, при случайных мимолетных встречах и даже «на дороге». Следственные дела сохранили конкретные и яркие эпизоды таких вербовок. Для начала Бестужев, как правило, заводил светский разговор, пытаясь узнать образ мыслей собеседника и расположить его к себе.

Вскоре после перевода из гвардии штабс-ротмистра Жукова Бестужев-Рюмин встретился с ним. Бестужев предложил гусару свою дружбу и «таковым дружеством обещал много добра», однако поначалу не рассказал, «в чем оное состоялось». Лишь несколько месяцев спустя новому другу было объяснено, «что есть общество, которое желает улучшение законов». Жуков дал однозначное согласие войти в заговор, поскольку думал, что «оно стремится к улучшению состояния... отечества». Получив согласие на вступление, Бестужев намекнул штабс-ротмистру о цареубийственных планах³¹.

Михаил Паскевич впервые услышал о тайном обществе от еще одного белорусского гусара, штабс-ротмистра Павла Веселовского, который, в свою очередь, получил сведения от Жукова.

Разговаривая раз с Паскевичем о существующем порядке вещей и видя, что он мыслей либеральных, спросил у него, что когда начнется освобождение России, то будет ли оному содействовать. Он подал мне руку – и с тех пор мы считали его полупринятым, –

утверждал на следствии Бестужев-Рюмин³².

Ротмистры Ахтырского гусарского полка Егор Франк и Николай Семичев были старше Бестужева первый на 6, а второй на 10 лет. С Бестужевым-Рюминым они случайно познакомились в 1824 г., когда «3-й пехотный корпус был в сбое под местечком Белой Церковью». Бестужев уговорил ротмистров встретиться с Муравьевым-Аpostолом и его друзьями, а потом «объявил», что «всякий благородный человек должен помышлять о вольности» и что «они все одних намерений о требовании конституции».

На следствии Франк и Семичев оправдывались, что поддерживали разговор с Муравьевым и Бестужевым лишь «для знакомства» и вскоре уехали из опасного дома. Когда ротмистры возвращались

³¹ Следственное дело И.П. Жукова... С. 50, 52–53; Следственное дело М.П. Бестужева-Рюмина... С. 90, 173.

³² ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 94. Л. 16 об.

в полк, Бестужев их догнал «на дороге» и ехал с ними «верхом версту или более». Подпоручик говорил ротмистрам примерно то же самое, что и Жукову –

о худом правлении в России и о том, что должно желать перемены оного; о том, что хотели лишить жизни блаженной памяти государя императора в прошлом году в Бобруйске, но кто именно, не говорил; что у них есть конституция в какой-то деревне Каменке и что много вельможей с ними в согласии; очень много говорил³³.

«Не имея от нас никакого согласия и видя, что мы смеялись на все его рассказы, просил нас, чтобы мы по крайней мере их не выдали, и с тем с нами расстался», – показывал Франк³⁴. Однако ротмистры на следствии лукавили: «полупринятие» все же состоялось. В конце 1824 г. в Ахтырском полку появился новый командир – полковник Артамон Муравьев, решительный и активный заговорщик. Строя революционные планы, Муравьев опирался на обоих своих подчиненных. Франк показывал, что действительно собирался содействовать командиру «при первом сигнале, как он говорил, и по которому вся масса должна была двинуться для общего соединения и чтоб, собравшись под Петербургом, требовать конституцию»³⁵.

Семичев на следствии старался доказать, что не давал согласие «требовать конституцию», а его отношения с полковым командиром не выходили за рамки уставных³⁶. Однако следствие установило, что в декабре 1825 г., накануне выступления Черниговского полка, ротмистр играл важную роль связного между Артамоном и Сергеем Муравьевыми.

Действенным способом влияния на кандидатов в заговорщики, тех, кто только что был принят в тайное общество, и «полупринятых», были собрания офицеров. В таких собраниях, на которых ораторствовал Бестужев-Рюмин, бывал, например, Паскевич. Он сам признал на следствии, что был «в числе тех», которых заговорщики «приготовлялись сделать своими жертвами» и на которых «господин Бестужев распространял свои вредные преступные мнения»³⁷.

³³ Следственное дело Н.Н. Семичева // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 117, 118.

³⁴ Следственное дело Е.Е. Франка // Восстание декабристов: Документы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 19. С. 103.

³⁵ Следственное дело Е.Е. Франка... С. 103.

³⁶ Следственное дело Н.Н Семичева... С. 118.

³⁷ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 128. Л. 7.

Когда мы собирались в лагере под Лещином, – показывал Паскевич, – то Бестужев начал довольно часто навещать Жукова, который в это время был болен, и где нас всегда почти собиралось очень много, ибо это была лучшая квартира в деревне и в оной стояло пять человек офицеров. И тут господин Бестужев изливал свой красноречивый ропот, но прямо никогда не говорил о цели общества, ни даже о существовании его.

На собраниях сопредседатель Васильковской управы «как оратор всегда почти говорил один», «рассуждая часто, как должны быть воспитаны молодые люди, как должны вольно мыслить и, наконец, как должны стараться свое отчество освободить из-под ига, его угнетающего». Говорил также, что Россия первая может подать пример и другим державам», и «прикрашивал» свою речь «патриотическими чувствами». Паскевич признавался, что ораторское мастерство подпоручика трогало слушателей, заставляло «убеждаться» в его правоте³⁸.

И Бестужев-Рюмин имел все основания, рекомендую двух гусарских офицеров, в том числе и Паскевича, командиру Полтавского полка, полковнику и заговорщику Василию Тизенгаузену, тихо сказать ему: «Это наши»³⁹.

О том, как проходили встречи «демона пропаганды» с офицерами, красноречиво свидетельствует и дело поручика Нащокина. С ним Бестужев-Рюмин – в присутствии других – встречался и говорил несколько раз. Первый разговор поначалу был «обыкновенным», речь шла, в частности, «о французской кампании». Кроме того, Бестужев «с жаром выхвалял» действия тех офицеров, в том числе и Пыхачева, которые «сделали посещение разжалованному из полковников в рядовые Башмакову».

«Странным» Нащокину показалась лишь настойчивая просьба Бестужева охарактеризовать присутствовавших: назвать их фамилии и пояснить, какого они «характера». Чем больше было свиданий, «тем более он высказывал в разговорах своих дух вольнодумства, неудовольствие против правительства», объяснял, что российские солдаты «чувствуют... всю тягость их состояния», что «это дух времени», что солдатский ропот «везде есть, восьмая дивизия также вся ропщет и недовольна, не исключая и нашей бригады». В итоге на одном из собраний у Сергея Муравьева-Апостола, куда

³⁸ Там же. Д. 94. Л. 16 об.

³⁹ Следственное дело В.К. Тизенгаузена // Восстание декабристов: Документы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. Т. 11. С. 255.

пришел и Нащокин, в ходе очередного «обыкновенного разговора» Бестужев вдруг заявил «Мы все здесь члены» – и таким образом артиллерист оказался в тайном обществе⁴⁰.

Нащокин убеждал следствие, что «Бог» его «избавил от вольнодумческих мыслей», что он не понимал, в каком тайном обществе оказался, а речи Бестужева-Рюмина считал проявлением его «странныостей». Однако сам Бестужев показывал, что на предложение войти в тайное общество с целью «искоренить злоупотребления правительства и ограничить власть государя» Нащокин ответил согласием. И с тех пор артиллерист «считался полупринятым, так как был только ознакомлен с обществом» и в его деятельности напрямую не участвовал. Впрочем, от других членов общества Нащокин знал о том, что «действие свое начать предполагало общество при соединении корпусов 3-го и 4-го пехотного под местечком Белою Церковью в 1826 г. для маневров»⁴¹.

Похожая история вербовки произошла и с капитаном Пыхачевым, другом Башмакова, любителем стихов князя Вяземского и непосредственным командиром Нащокина. Если Нащокина считали «полупринятым», то с Пыхачевым дело обстояло по-другому. «Капитан Пыхачев был принят в общество мною в лагере под Белою Церковью в 1824 г.», – показывал Бестужев-Рюмин⁴². О факте принятия Пыхачева в общество знал и Сергей Муравьев-Апостол, и другие офицеры-заговорщики. На следствии Пыхачев всеми силами старался доказать, что в обществе он не состоял, а Бестужев-Рюмин, не имея на то никаких оснований, «нарек» его членом общества⁴³.

Цель приема в общество заключалась не только в «умножении членов». Необходимо было найти людей, которые бы, согласно революционным планам Васильковской управы, могли бы в решающий момент нанести удар императору во время смотра и арестовать его свиту. Никогда, по-видимому, не рассматривавшийся на роль цареубийцы капитан Пыхачев о такого рода намерениях знал. Он сам признался, что при нем Бестужев-Рюмин привел на квартиру к Сергею Муравьеву «солдата, сказав: “Вот наш старый семеновец! Исполнишь ли ты, что тебе прикажут?” – “Исполню!” – отвечал солдат. “Будешь ли стоять на часах у государя?” – “Буду!”».

Речь, конечно, шла об убийстве Александра I; бывшему семеновскому солдату предлагалось пустить в царские покой тех, кто

³⁸ Там же. Д. 94. Л. 16 об.

³⁹ Следственное дело В.К. Тизенгаузена // Восстание декабристов: Документы. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. Т. 11. С. 255.

убьет императора. Пыхачев утверждал, что не понял, «к чему относились» эти слова, и полагал, что они «от сумасбродства вылетели из уст у сумасшедшего Бестужева». Однако капитан лгал: смысл фразы ему был вполне понятен. Судя по его показаниям, на следующий день он «намекнул» Бестужеву-Рюмину о возможности доноса. В итоге он не донес на тайное общество: испугавшись ли мести или, как он сам показывал, «по малодушию своему» полагая «все ничтожным»⁴⁴.

Знал о намерениях заговорщиков и штабс-ротмистр Жуков – на которого рассчитывали как на потенциального цареубийцу. Его хотели сделать одним из тех, кто в лагере при Белой Церкви, переодевшись в солдатский мундир, должен был «вторгнуться» в царскую спальню и убить императора⁴⁵. И хотя конкретного предложения ему «сделано не было», опасные разговоры с ним велись.

«Я знаю, что для успеха в предприятии нашем необходима смерть государя, – но если бы на меня пал жребий быть в числе заговорщиков... то я после сего сам бы лишил себя жизни», – заявил Жуков⁴⁶. Иными словами, саму возможность цареубийства он не отверг.

Вместе с Жуковым должны были, по предположению Бестужева, нанести удар царю прaporщик Кременчугского пехотного полка Сенявин, а также поручик-черниговец Анастасий Кузьмин. Кузьмин был отчаянным заговорщиком; он сыграл важную роль в восстании Черниговского полка и застрелился при разгроме восставших. Но о том, что ему предназначена роль цареубийцы, он, вероятно, так и не узнал. Ни о чем не подозревал и Сенявин, поскольку, по словам сопредседателя Васильковской управы, он «обществу никогда не принадлежал»⁴⁷.

В цареубийцы был назначен и «болтливый» корнет Годениус. Кроме того, в список «назначенных» попали юнкер Белорусского гусарского полка Николай Лосев и корнет того же полка Александр Рославлев, «на которых тоже считали, но им не объявляли». Лосев и Рославлев не догадывались об уготованной им роли. Не знали о том, что им, возможно, предстоит «вторгнуться в спальню государя

⁴⁰ Пыхачев М.И., Нащокин Д.А. Указ. соч. С. 156–158, 145, 143.

⁴¹ Там же. С. 142, 144, 153.

⁴² Там же. С. 131.

⁴³ Там же. С. 146.

⁴⁴ Там же. С. 148.

⁴⁵ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 90.

⁴⁶ Жуков И.П. Указ. соч. С. 59; Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 91.

⁴⁷ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 89, 90.

и лишить его жизни», и разжалованные из офицеров рядовые – и в их числе бывший полковник Башмаков⁴⁸.

* * *

Далеко не все офицеры, с которыми беседовал Бестужев, давали согласие поддержать военную революцию. Чем старше возрастом и чином был намеченный к принятию, тем сложнее были стоявшие перед «демоном пропаганды» задачи. Так, полковник Ширман имел неосторожность пригласить его «к себе обедать». Ширман повествовал на следствии, что во время обеда Бестужев «изъяснялся насчет правительства весьма вольно» и весьма «дерзко», однако после обеда сразу же уехал. «И с тех пор более я его не видал», – показывал полковник.

Подполковник Левенталь рассказывал следователям: Бестужев, зная о его «неприятных сношениях с корпусным командиром», уговаривал «потерпеть, уверяя», что подполковника «многие люди знают и поддерживают». «На сие я отвечал, что протекция мне не нужна, что служу я без оной 23 года, что естьли продолжать службы мне будет не можно, то имею средство пойти в отставку», – показывал Левенталь⁴⁹.

Подполковник Петр Криднер в момент вербовки, в марте 1823 г., служил в Муромском пехотном полку и был подчиненным Ширмана. В службу он вступил в январе 1801 г.⁵⁰ Встретив случайно Криднера в городе Лохвице Полтавской губернии, Бестужев и с ним завел опасную беседу. Но подполковник обаянию подпоручика не поддался. «Я не токмо не входил с ним в рассуждения, но, заметив нелепые его разговоры, счел ветреным пустым человеком и не обращал даже на бредни его никакого внимания», – утверждал Криднер, к моменту следствия уже ставший командиром Ревельского пехотного полка⁵¹. Соответственно, в ходе следствия Ширман, Левенталь и Криднер были признаны невиновными.

Не понесли серьезного наказания и те принятые и «полупринятые» в общество, которые не знали до конца планов Васильковской управы. На следствии они долго и обстоятельно каялись. У некоторых из них были серьезные смягчающие обстоятельства – 3 января 1826 г. они участвовали в подавлении восстания Черниговского

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 128. Л. 1, 2, 3; *Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 39, 62, 90.*

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 1, 2.

⁵⁰ Декабристы: Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 91.

⁵¹ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Св. 17. Д. 143: 1826 г. Л. 6–6 об.; ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 130. Л. 26 об., 8.

полка. Наиболее серьезное наказание для поддавшихся бестужевской вербовке «полупринятых» – заключение на несколько месяцев в тюрьму и затем перевод в другой полк.

* * *

С теми, кто поддался бестужевской агитации и однозначно согласился войти в заговор, разговор был совершенно другим. После чтения пушкинских стихов и бурных собраний в лагере под местечком Лещин члены Общества соединенных славян дали согласие и на участие в будущей революции, и на цареубийство как один из методов достижения заговорщиками власти.

«Теперь остается нам только поклясться и исполнять все постановления свято», – заявил Бестужев. Он «снял <с> себя образ», «поцеловал сам и положил на стол». Нашлись противники клятвы, закричавшие: «зачем целовать образ», «мы и без того будем исполнить». Но Бестужев «отвечал, что того требует порядок»⁵².

В сем собрании по требованию его (Бестужева-Рюмина. – *O. K.*) мы поклялись не щадить своей жизни для достижения предпринятой цели, при первом знаке поднять оружие для введения конституции, нам уже известной. Сию клятву подтвердили, целуя образ, который Бестужев снял своей шеи, –

показывал «славянин», подпоручик Петр Борисов⁵³.

Мемуарист Общества соединенных славян Иван Горбачевский, в 1825 г. – тоже подпоручик, красочно описал этот момент в воспоминаниях:

Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал онный пламенно, призывая на помошь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вместе странной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные страшные клятвы смешивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!».

⁵² Следственное дело Н.Ф. Лисовского // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1975. Т. 13. С. 364.

⁵³ Следственное дело П.И. Борисова // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 35.

Образ переходил из рук в руки: славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались как дети, одним словом, это собрание походило на сборище людей исступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной⁵⁴.

На этом история объединения Общества соединенных славян с Южным обществом не закончилась; клятва на образе оказалась не единственной. Бестужев-Рюмин искал среди «славян» тех, кто был готов взять на себя арест императора или его убийство.

В самом конце лагерных сборов, когда воинские части собирались уже уходить из Лещина, Бестужев-Рюмин пригласил к себе в палатку – «якобы для получения последних наставлений» [Нечкина 1927, с. 80] – нескольких «славян».

Разговор сначала был общим. Но от общего Бестужев-Рюмин быстро перешел к конкретике. Взяв в руки список «славян», у присутствующих он спросил: «буде необходимость окажется для свершения переворота наложить руку на государя», кто конкретно из «славян» может иметь «достаточно духу» покуситься на императора⁵⁵. Он заставил присутствовавших снова поклясться на образе, на этот раз в готовности убить царя⁵⁶. На прощанье подпоручик просил «славян» собрать «несколько денег для пособия в бедности разжалованному в рядовые полковнику Башмакову».

«Славяне», сами жившие на нищенское жалованье, собрали 85 рублей – и по этому поводу Сергей Муравьев-Апостол назвал их «благородными людьми», которые «с жаром» и «самоотвержением» отдаются «доброму делу»⁵⁷.

К «славянам» Бестужев относился с большой долей иронии. На следствии, опровергая одно из их показаний, он скажет: «Я даже не припишу этого их раздражению против меня, но только малому навыку мыслить и некультурности». И добавит в другом показании: «Я из “славян” пятой доли не знал, ибо видел их толпою, и то только три раза», «как “славяне” были многочисленны и незначащи, то... я не давал себе труда узнавать поименно членов»⁵⁸.

⁵⁴ Горбачевский И.И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 27–28.

⁵⁵ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 85; Следственное дело М.М. Спиридова... С. 113.

⁵⁶ Следственное дело М.М. Спиридова... С. 154.

⁵⁷ Следственное дело И.И. Горбачевского... С. 188; Муравьев-Апостол С.И. Два письма. С. 222.

⁵⁸ Бестужев-Рюмин М.П. Указ. соч. С. 78, 140, 85, 82.

Правда заключалась и в том, что, поклявшись на образе «умереть за свободу», «демон пропаганды» клятву исполнил. Во имя торжества своих идей он пошел до конца и погиб на виселице. Большинству же «славян» после неудачи вооруженных выступлений декабристов была уготована многолетняя каторга.

Литература

- Мейлах 1955 – *Мейлах Б.С.* Пушкин в ходе следствия и суда над декабристами // Известия Академии наук СССР. Отд-ние литературы и языка. 1955. Т. 14. Вып. 2. С. 124–135.
- Нечкина 1927 – *Нечкина М.В.* Общество соединенных славян. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. 245 с.

References

- Meilakh, B.S. (1995), “Pushkin during the investigation and trial of the Decembrists”, *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, vol. 14, iss. 2, pp. 124–135.
- Nechkina, M.V. (1927), *Obshchestvo soedinennykh slavyan* [Society of the united Slavs], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences; 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

Феномен декабристов в стихотворной публицистике 1820–1850-х гг.

Дарья И. Булдакова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, darinbouldakova@yandex.ru*

Аннотация. Статья открывает цикл, посвященный восприятию феномена декабристов в стихотворной публицистике. Вначале автор формулирует публицистические концепции осмыслиения феномена декабристов – монархическую, романтическую, либеральную, революционную – и подробно описывает первые две, релевантные указанному временному промежутку.

Первая концепция возникла практически сразу после восстания декабристов на Сенатской площади: рассматривать восстание декабристов с иных позиций было, разумеется, запрещено. Вторая концепция прямо противоположна первой и неразрывно связана с именем А.И. Герцена, который более двух десятилетий провел из-за своей политической позиции в эмиграции и основал за рубежом «Вольную русскую типографию».

Далее автор подробно рассматривает стихотворные произведения о феномене декабристов и самих декабристах, относящиеся к той или иной из этих двух концепций. Так, например, декабрист А.И. Одоевский еще до Герцена сформулировал целый набор фраз-символов, характерных именно для герценовской интерпретации, в то время как А.С. Пушкин придерживался монархических взглядов и именно с этих позиций писал послание декабристам в Сибирь.

В заключение автор отмечает, что не ставит знак равенства между стихотворными произведениями как таковыми и публицистикой, однако исходит из того, что любое произведение, в котором осмысляются исторические события, не может не содержать публицистическую компоненту.

Ключевые слова: публицистика, стихотворения, декабристы, 1820–1850-е гг., А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, А.И. Одоевский, Н.П. Огарев

Для цитирования: Булдакова Д.И. Феномен декабристов в стихотворной публицистике 1820–1850-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 153–165. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-153-165

The phenomenon of the Decembrists in the poetic journalism of the 1820s – 1850s

Daria I. Buldakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, darinbouldakova@yandex.ru*

Abstract. The article opens a series dealing with the perception of the Decembrist phenomenon in poetic journalism. At first, the author formulates journalistic concepts for understanding the Decembrist phenomenon (monarchist, romantic, liberal, revolutionary) and describes in detail the first two, relevant to the specified time period.

The first concept arose almost immediately after the Decembrist revolt on Senate Square: it was, of course, forbidden to consider the Decembrist uprising from other positions. The second concept is directly opposite to the first and is inextricably linked to the name of A.I. Herzen, who spent more than two decades in exile due to his political position and founded the “Free Russian Press” abroad.

Then the author considers in detail poetic works about the Decembrist phenomenon and the Decembrists themselves, related to one or another of those two concepts. For example, the Decembrist A.I. Odoevsky even before Herzen formulated a whole set of symbolic phrases characteristic of Herzen’s interpretation, while A.S. Pushkin subscribed to monarchist views and wrote a message to the Decembrists in Siberia from those positions.

In conclusion, the author notes that he does not equate poetic works as such with journalism, but proceeds from the fact that any work in which historical events are interpreted cannot but contain a journalistic component.

Keywords: journalism, poetry, the Decembrists, 1820–1850s, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev, A.I. Odoevsky, N.P. Ogarev

For citation: Buldakova, D.I. (2025), “The phenomenon of the Decembrists in the poetic journalism of the 1820s – 1850s”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 153–165, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-153-165

На протяжении двухсот лет, прошедших с восстания декабристов, феномен декабристов осмыслился публицистически. Публицистические элементы осмысления этого феномена содержались не только в газетных и журнальных статьях. Влияние публицистических нарративов обнаруживается и в серьезных научных работах, и в художественных произведениях. В контексте осмысления феномена декабристов в публицистике автором были выявлены

четыре концепции: монархическая, романтическая (герценовская), либеральная, революционная (ленинская) [Булдакова 2024а; Булдакова 2024б]. Все эти концепции существуют в том или ином виде и сейчас.

Первая возникла практически сразу после восстания декабристов: с охранительной точки зрения в газете «Санкт-Петербургские ведомости» описывалось вступление на престол императора Николая I. Восстание представлялось в таком контексте лишь трагической случайностью, предательским бунтом во главе с «несколькими людьми гнусного вида во фраке» (т. е. штатскими, вероломно обманувшими солдат гвардии), испытанием верности, которое нация выдержала с достоинством¹. Логичным развитием концепции стало «Донесение Следственной комиссии»² Д.Н. Блудова, появившееся на страницах российских газет 12 июня 1826 г., а затем – уже в 1840-х и в 1850-х гг., в верноподданнических работах барона М.А. Корфа³.

Вторая концепция не зря носит имя А.И. Герцена – именно он одним из первых публично возмутился трактовками Корфа⁴. Он же сыграл важную роль в формировании так называемого «мифа о декабристах» – мифа о мучениках, которые осознанно пожертвовали собой ради спасения России от ига самодержавия. Так, например, комментируя роль Николая I в судьбе декабристов, Герцен сказал: «Этот тупой тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения»⁵. Миф прочно вошел в сознание тогдашних россиян: тому способ-

¹ Цит. по: Готовцева А.Г. Движение декабристов в официальной прессе 1825–1826 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2007. № 9. С. 159–162.

² Его императорскому величеству высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад // Восстание декабристов: Документы и материалы / под ред. М.В. Нечкиной. Т. 17. М.: Наука, 1980. С. 24–61.

³ См., например: Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М.: Наука, 1994. 455 с.

⁴ См., например: Герцен А.И., Огарев Н.П. 14 декабря 1825: Император Николай <...> По поводу книги Барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М.: Наука, 1994. С. 65–70; Герцен А.И. Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа) // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 35–46.

⁵ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 62.

ствовали и популярность Герцена, и реформы императора Александра II, и амнистия оставшимся в живых участникам тайных обществ.

В данной работе речь пойдет о стихотворных текстах, написанных в конце 1820 – конце 1850-х гг. и посвященных декабристам. В них также содержится публицистическая компонента: отношение к декабристам менялось по мере того, как менялась историческая обстановка, как взросел автор того или иного текста и т. п. Естественно, речь пойдет прежде всего о монархической концепции, а также о стихотворных текстах, из которых выросла концепция Герцена; по этой причине подробные описания либеральной и революционной концепций, относящихся к уже другим историческим периодам, в данной статье представлены не будут.

Узкие рамки статьи не позволяют сделать полного обзора всех стихотворных текстов даже этого относительно недолгого периода. Однако она начинает серию работ, посвященных стихотворениям о декабристах и самих декабристов.

Монархическая концепция

Анализ публицистических нарративов в стихотворных текстах о декабристах следует начать с хрестоматийно известного пушкинского текста «Во глубине сибирских руд...» (1826/1827) – послания выжившим участникам тайных обществ, отправленным императором Николаем I на каторжные работы и в ссылку. Ввиду традиций советской историографии, предпочтавшей рассматривать Пушкина преимущественно как атеиста и оппозиционера⁶, при осмыслиении биографии поэта даже сейчас зачастую игнорируются его монархические взгляды, окончательно утвердившиеся как раз после восстания декабристов [Черниговский 2009, с. 33–34].

Безусловно, этот стихотворный текст содержит моральную поддержку сосланным в Сибирь «братьям, друзьям, товарищам»; именно так трактовал стихотворение поэт-декабрист А.И. Одобевский, автор поэтического ответа декабристов на пушкинское послание. В действительности же это стихотворение вместе с сочиненным ранее стихотворением «Стансы» представляют собой диалогию, написанную под впечатлением от первой личной встречи Пушкина с Николаем I [Альтшуллер 2024].

⁶ См., например: Щеголев П.Е. Из жизни и творчества Пушкина: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1931; Чулков Г.И. Жизнь Пушкина. М.: Республика, 1999. 447 с.

Император произвел на поэта самое благоприятное впечатление: общеизвестно, что тот не просто вернул его из ссылки, но также принял решение стать его личным цензором, избавив от общей цензуры. Кроме того, «Николай I <...> смог все же внушить Пушкину иллюзии (хотя и кратковременные) о своих намерениях» [Мейлах 1958, с. 202] – о намерениях, касавшихся в том числе и декабристов. «Слово поэта, казалось Пушкину, должно растопить жестокость монарха, осудившего декабристов столь сурово. И он решает вновь напомнить Николаю I о том, что он может простить декабристов, вернуть их. Пушкин думал, что естественна была бы амнистия» [Цывловская 1975, с. 217], – мнения литературоведов Б.С. Мейлаха и Т.Г. Цывловской, как и многих других советских специалистов, высказанны с использованием оценочных суждений, но фактологически точно. Сложно сказать, действительно ли император прямо давал какие-либо обещания или хотя бы делал намеки, однако «в конце XIX и первой трети XX в. господствовало представление о том, что Пушкин имел в виду скорую амнистию, возможно, опираясь на какие-то неизвестные обещания Николая I» [Пушкинская энциклопедия 2009, с. 276–277].

Первой попыткой убеждения стало стихотворение «Стансы». Пушкин начал с хвалы новоиспеченному императору:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра (I. – Д. Б.)
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой...

Далее же, воздав должную – и, по всей вероятности, искреннюю – хвалу, Пушкин перешел к прямому обращению к царю:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прашуру (Петру I. – Д. Б.) подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен⁷.

⁷ Пушкин А.С. Стансы (В надежде славы и добра...) // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 3. Кн. 1. С. 40.

«Во глубине сибирских руд...», соответственно, стало логичным продолжением:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отدادут⁸.

«Братья», которые «отдадут меч», – те, кто этот метафорический меч ранее и отобрали. Отдадут, потому как помилование, как надеялся Пушкин, состоится уже скоро. Тогда правительство и выступавшие ранее против него действительно станут «братьями».

Реакция декабристов на это послание была неоднозначной: многие обвинили Пушкина в предательстве. Ответом поэта на это стало стихотворение «Друзьям» (1828):

...Он (Николай I. – Д. Б.) бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит⁹.

На стыке охранительной и герценовской концепций находится стихотворение Ф.И. Тютчева «14-ое декабря 1825», написанное спустя полгода после восстания. Стихотворение получилось неоднозначным, а потому и литературоведы трактуют его по-разному [Матяш 2007, с. 40–41].

Ввиду того, что декабристов Тютчев назвал «жертвами мысли безрассудной» и намекнул ни их вероломство, которое не мог не заметить народ, данное стихотворение легко на первый взгляд принять за «охранительное». Однако нельзя не учитывать, что вместе с этим Тютчев уже в самых первых строчках обвинил в произошедшем и правительство:

Вас (декабристов. – Д. Б.) развратило Самовластье,
И меч его вас поразил...

⁸ Пушкин А.С. Во глубине сибирских руд... // Там же. С. 49.

⁹ Пушкин А.С. Друзьям (Нет, я не льстец, когда царю...) // Там же. С. 89.

Из этих строчек напрашивается вывод: абсолютная монархия разрушительна как в прямом, так и в переносном смысле. Безусловно, имеются точки зрения, что под «Самовластием» Тютчев имел в виду не монархию, а Запад [Мизгулин 2018]. Однако в этом же стихотворении Тютчев сравнил власть с непреходящей, вечной зимой:

Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скучной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула –
И не осталось и следов¹⁰.

Противоположность вечной мерзлоте – оттепель. Согласно публицисту-славянофилу И.С. Аксакову, зятю Тютчева и его первому биографу, слово «оттепель» впервые употребил в политическом значении, характеризуя правление императора Александра II, именно Тютчев¹¹.

Безусловно, взгляды Тютчева следует рассматривать через призму славянофильства. Однако нельзя не учитывать: в изучении политического мировоззрения Тютчева ученые регулярно сталкиваются со сложностями и приходят к неоднозначным выводам [Твардовская 1988, с. 132]. Кроме того, монархизм славянофилов не подразумевал слепое согласие со всеми действиями власти. Тот же Тютчев был противником крепостного права и прочих проявлений государственной тирании [Прийма 1971, с. 167], а в 1855 г. он подвел итог правления скончавшегося Николая I:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей¹².

¹⁰ Тютчев Ф.И. 14-ое декабря 1825 (Вас развратило Самовластье...) // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М.: Издат. центр «Классика», 2002–2005. Т. 1: Стихотворения, 1813–1849. М.: 2002. С. 56.

¹¹ Аксаков И.С. Письма к родны: 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 343.

¹² Тютчев Ф.И. Не Богу ты служил и не России... // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. М.: 2003. С. 73.

Соответственно, поведение императора в отношении декабристов – тоже «ложь» и «пустые призраки».

Романтическая (герценовская) концепция

Приговоренный к каторжным работам за участие в восстании поэт-декабрист А.И. Одоевский ответил на пушкинское послание в стихах («Струн вещих пламенные звуки...»), тоже ставших хрестоматийными:

...цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!¹³

Конечно, данное стихотворение не было опубликовано при жизни его автора (как не были опубликованы пушкинские «Во глубине сибирских руд» и даже «Друзьям»), однако активно распространялось в списках [Савельев 2010, с. 1].

В этом ответе Пушкину – целый набор фраз-символов, характерных именно для романтической интерпретации произошедшего: «своей судьбой гордимся мы», «наш скорбный труд не пропадет», «святое знамя», «пламя свободы» и т. п.

Естественно, Одоевский написал стихотворение еще до того, как Герцен сформулировал концепцию борьбы декабристов со «змеем» российского самодержавия. Однако для Герцена этот текст стал подтверждением верности собственных рассуждений: недаром именно он впервые опубликовал «Струн вещих пламенные звуки...» на страницах сборника «Голоса из России»

¹³ Одоевский А.И. Струн вещих пламенные звуки... // Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1958. С. 73.

за авг. 1857 г., издававшегося в «Вольной русской типографии» в 1856–1860-х гг.

Впрочем, мнение Одоевского было поддержано Герценом лишь в середине XIX в.; сам поэт умер на Кавказе в 1839 г., где он после каторги служил рядовым. Его точка зрения при его жизни вовсе не была общепризнанной.

М.Ю. Лермонтов, друживший с Одоевским, откликнулся на его смерть стихотворением «Памяти А.И. Одоевского». Стихотворение пронизано горькой тоской по рано ушедшему другу [Морозова 1941, с. 624], однако горечь Лермонтов испытывал не только из-за кончины Одоевского, а из-за тщетности его попыток борьбы с системой и непонятости его идей:

...и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

...И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...¹⁴

Н.П. Огарев, ближайший друг и соратник Герцена, сооснователь «Вольной русской типографии», писал в 1860 г. о «христиоподобном», по его мнению, Одоевском, который был его «учителем»: «...он принадлежал к числу тех из членов общества, которые шли на гибель сознательно, видя в этом первый вслух заявленный протест России против чуждого ей правительства и управления, первое вслух сказанное сознание, первое слово гражданской свободы; они шли на гибель, зная, что это слово именно потому и не умрет, что они вслух погибнут»¹⁵.

Еще в детстве Огарев «...отчалил от угрюмого консервативного берега; <...> и мы (Герцен и Огарев. – Д. Б.), чуть ли не в первый день, решились действовать в пользу цесаревича Константина!». Впоследствии, в 1827 г., двое друзей принесли друг другу клятву в Москве на Воробьевых горах – «пожертвовать нашей жизнью на

¹⁴ Лермонтов М.Ю. Памяти А.И. Одоевского // Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 2: Стихотворения, 1832–1841. М.: 1954. С. 131–133.

¹⁵ Огарев Н.П. Кавказские воды (Отрывок из моей исповеди) // Огарев Н.П. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2: Поэмы. Проза. Литературно-критические статьи. М.: 1956. С. 383–385.

избранную нами борьбу»¹⁶. Огарев своему товарищу в воспоминаниях не противоречил:

<...>

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.

Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас молча сердце содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

Своим «отцом, родным по духу» Огарев называл и К.Ф. Рылеева. И в том же стихотворении, посвященном Рылееву, пообещал ему:

...И слягут бронзовые кони
И Николая (I. – Д. Б.) и Петра (I. – Д. Б.).
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года¹⁷.

В заключении статьи – еще одно важное замечание. Автор работы понимает специфику стихотворного текста и не ставит знак равенства между поэзией и публицистикой. Тем не менее он исходит из того, что стихотворения, связанные с осмыслением исторических событий, всегда в той или иной степени содержат публицистическую компоненту.

¹⁶ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 8. С. 79, 81.

¹⁷ Огарев Н.П. Памяти Рылеева // Огарев Н.П. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. С. 342–343.

Литература

- Альтшуллер 2024 – Альтшуллер М.Г. Диалогия Пушкина: «Стансы» (1826) и «Во глубине сибирских руд...» (1826<?>) // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 77–92.
- Булдакова 2024а – Булдакова Д.И. Декабристы в отечественной публицистике XIX–XXI вв. // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2024. Т. 15. Вып. 8 (142). URL: <https://history.jes.su/S207987840032325-6-1> (дата обращения 14.07.2025).
- Булдакова 2024б – Булдакова Д.И. Осмысление исторических событий в отечественной публицистике XIX–XXI веков (на примере феномена декабристов): дис. ... канд. филол. наук. РГГУ, 2024. 169 с.
- Матяш 2007 – Матяш С.А. Жанр инвективы в поэзии Ф.И. Тютчева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 11. С. 36–43.
- Мейлах 1958 – Мейлах Б.С. Пушкин и декабристы в период после поражения восстания 1825 года // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 196–213.
- Мизгулин 2018 – Мизгулин Д.А. Политическая лирика Ф.И. Тютчева // Роман-газета. 2018. № 21. URL: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/politicheskaya-lirika-f-i-tutcheva-0> (дата обращения 28.07.2025).
- Морозова 1941 – Морозова Г.В. Встречи Лермонтова с декабристами на Кавказе // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сб. 1 / под ред. Н.Л. Бродского, В.Я. Кирпотина, Е.Н. Михайловой, А.Н. Толстого. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 617–632.
- Прийма 1971 – Прийма Ф.Я. Тютчев и фольклор // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика В.В. Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 167–174.
- Пушкинская энциклопедия 2009 – Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1: А – Д / рук. проекта И.С. Чистова. СПб.: Нестор-История, 2009. 520 с.
- Савельев 2010 – Савельев А.Е. Кавказская ссылка поэта-декабриста А.И. Одоевского // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 219–224.
- Твардовская 1988 – Твардовская В.А. Тютчев в общественной борьбе преформенной России // Федор Иванович Тютчев. М.: Наука, 1988. Кн. 1. С. 132–170.
- Цявловская 1975 – Цявловская Т.Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 195–218.
- Черниговский 2009 – Черниговский Д.Н. Биография А.С. Пушкина в литературоведении 1920–1930-х гг. в СССР и русском зарубежье: генезис, эволюция, методология: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М.: МПГУ, 2009. 38 с.

References

- Al'tshuller, M.G. (2024), "Pushkin's diptych 'Stanzas' (1826) and 'In the Depths of Siberian Mines...' (1826)<?>", in *Literaturnyi fakt*, vol. 34, no. 4, pp. 77–92.
- Buldakova, D.I. (2024), "[The Decembrists in the national journalism of the 19th – 21st century]", *Istorya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, vol. 15, iss. 8 (142), available at: <https://history.jes.su/S207987840032325-6-1> (Accessed 14 July 2025).
- Buldakova, D.I. (2024), *Osmyslenie istoricheskikh sobytiy v otechestvennoi publitsistike XIX–XXI vekov (na primere fenomena dekabristov)* [The reflection on historical events in Russian journalism of the 19th – 21st centuries (based on the phenomenon of the Decembrists)], Ph.D. Thesis, RGGU, Moscow, Russia.
- Chernigovskii, D.N. (2009), *Biografiya A.S. Pushkina v literaturovedenii 1920–1930-kh gg. v SSSR i russkom zarubezh'e: genezis, evolyutsiya, metodologiya* [Biography of A.S. Pushkin in literary criticism of the 1920s – 1930s in the USSR and the Russian diaspora. Genesis, evolution, methodology], D. Sc. Thesis (Philology), MPGУ, Moscow, Russia.
- Chistov, I.S., head of the project (2009), *Pushkinskaya entsiklopediya: Proizvedeniya* [Pushkin encyclopedia. Works], iss. 1, Nestor-Istorya, Saint Petersburg, Russia.
- Matyash, S.A. (2007), "The genre of invective in the poetry of F.I. Tyutchev", *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, pp. 36–43.
- Meilakh, B.S. (1958), "Pushkin and the Decembrists in the period after the defeat of the 1825 revolt]", in *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR, vol. 2, pp. 196–213.
- Mizgulin, D.A (2018), "Political lyrics by F.I. Tyutchev", *Roman-gazeta*, no. 21, available at: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/politicheskaya-lirika-f-i-tyutcheva-0> (Accessed 28 July 2025).
- Morozova, G.V. (1941), "Lermontov's meetings with the Decembrists in the Caucasus", in Brodskii, N.L., Kirpotin, V.Ya., Mikhailova, E.N. and Tolstoi, A.N., eds, *Zhizn' i tvorchество M.Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy* [Life and work of M.Yu. Lermontov. Research and materials], OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literature, Moscow, USSR, pp. 617–632.
- Priima, F.Ya. (1971), "Tyutchev and Folklore", in *Poetika i stilistika russkoi literatury: Pamyati akademika V.V. Vinogradova* [Poetics and stylistics of Russian literature. In memory of academician V.V. Vinogradov], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 167–174.
- Savel'ev, A.E. (2010), "Caucasian exile of the Decembrist poet A.I. Odoevsky", in *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no. 3, pp. 219–224.
- Tvardovskaya, V.A. (1988), "Tyutchev in the public struggle of post-reform Russia", in *Fedor Ivanovich Tyutchev* [Fedor Ivanovich Tyutchev], Nauka, Moscow, USSR, book. 1, pp. 132–170.
- Tsyavlovskaya, T.G. (1975), "Responses on the fate of the Decembrists in Pushkin's work", in *Literaturnoe nasledie dekabristov* [The literary heritage of the Decembrists], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 195–218.

Информация об авторе

Дарья И. Булдакова, кандидат филологических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; darinbouldakova@yandex.ru

Information about the author

Daria I. Buldakova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; darinbouldakova@yandex.ru

УДК 351.751

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-166-185

К истории советской публицистики и цензуры
конца 1920-х гг.:
роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу публицистических аспектов романа «Двенадцать стульев», подготовленного И.А. Ильфом и Е.П. Петровым к публикации в 1928 г., а также вмешательству цензоров и редакторов в текст романа. Рассмотрены варианты правки, обусловленные и факторами политическими, и вкусовыми редакторскими пристрастиями. Автор доказывает, что исходный текст романа соответствовал актуальным пропагандистским установкам периода обострения борьбы партийного руководства, возглавляемого И.В. Сталиным, и оппозиции, лидером которой был Л.Д. Троцкий. Но осенью 1927 г. оппозиционеры были разгромлены и многие фрагменты рукописи, уместные ранее, оказались недопустимыми. В ходе переизданий цензурные установки становились более строгими, редакторская правка – все обильнее.

Ключевые слова: И.А. Ильф, Е.П. Петров, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, «шанхайский переворот»

Для цитирования: Фельдман Д.М. К истории советской публицистики и цензуры конца 1920-х гг.: роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». 2025. № 10. С. 166–185. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-166-185

On the history of Soviet journalism and censorship
in the late 1920s.
The novel “The Twelve Chairs” by I. Ilf and Ev. Petrov

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article discusses the journalistic aspects of the novel The Twelve Chairs, prepared for publication in 1928 by I.A. Ilf and Ev.P. Petrov,

© Фельдман Д.М., 2025

as well as the interference of censors and editors in the text of the novel. The author considers the various revisions, which were influenced by both political factors and the editors' personal tastes. The author argues that the original text of the novel was in line with the propaganda of the period, which saw an intensification of the struggle between the party leadership, headed by I.V. Stalin, and the opposition, led by L.D. Trotsky. But in the autumn of 1927, the opposition was crushed, and many fragments of the manuscript that had previously been appropriate became unacceptable. In the course of reissues, censorship became stricter and editorial revisions became more abundant.

Keywords: I. Ilf, Ev. Petrov, I. Stalin, L. Trotsky, "shanghai coup"

For citation: Feldman, D.M. (2025), "On the history of Soviet journalism and censorship in the late 1920s. The novel 'The Twelve Chairs' by I. Ilf and Ev. Petrov", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 166–185, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-166-185

Аксиоматика и практика

Для решения заявленной в названии статьи задачи используется ряд источников текста. Их можно разделить на основные и дополнительные.

Основные – рукописи И.А. Ильфа и Е.П. Петрова, относящиеся к роману «Двенадцать стульев». Хранятся они в Российском государственном архиве литературы и искусства¹. Дополнительные – прижизненные издания романа. Включая и публикации фрагментов².

Такой выбор источников обусловлен особенностями эдиционной практики в советскую эпоху. До ее окончания тема цензурных

¹ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 31, 32: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев.

² См.: Ильф И., Петров Евг. Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 1–7; Они же. Двенадцать стульев. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928; Они же. Двенадцать стульев. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929; Они же. Прошлое регистратора загса // 30 дней. 1929. № 10. С. 62–71; Они же. 12 стульев. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930; Они же. 12 стульев. М.: ГИХЛ, 1931; Они же. 12 стульев. М.: Федерация, 1933; Они же. 12 стульев. М.: Советская литература, 1934; Они же. 12 стульев // Ильф И., Петров Евг. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1935; Они же. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание. сочинений: В 4 т. М.: Советский писатель, 1938. Т. 1.

искажений в романе оставалась, можно сказать, табуированной. После смерти Ильфа и Петрова аксиоматически подразумевалось, что при очередной публикации воспроизводится последнее прижизненное издание, якобы отражающее «последнюю авторскую волю».

Ильф и Петров готовили роман одновременно для публикации в московском журнале «30 дней» и к выпуску книги в издательстве «Земля и Фабрика». Руководство обоих учреждений было, по сути, общим [Одесский, Фельдман 2012, с. 542–567].

Каждое следующее издание романа готовилось на основе предыдущего, апробированного цензурой. Но она становилась все строже, и без цензорско-редакторской правки не обходилось даже после смерти обоих авторов. Вмешательства прекратились с выходом собрания сочинений в 1961 г., и публикаторы ссылались на «последнюю авторскую волю»³.

В целях выявления правки, внесенной после смерти авторов, рассмотрены издания 1948–1961 гг. включая и фрагменты романа⁴. Некоторые изменения вносили сами авторы. Отделить их правку от цензорско-редакторской позволяет совокупный анализ рукописной базы и публикаций – с учетом эволюции политического контекста⁵.

Подготовка романа к публикации совпала с периодом обострения борьбы возглавляемого И.В. Сталиным партийного руководства против оппозиции, чьим основным лидером был Л.Д. Троцкий. Ему в периодике инкриминировали отказ от так называемой новой экономической политики, стремление ориентировать страну на продолжение войны ради «мировой революции». Словом, в прошлое вернуться.

Большинство интеллектуалов оказались под влиянием антироцкистских кампаний. Так называемую новую экономическую

³ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 1. С. 25–382; Вулис А.З., Галатов Б.Е. Примечания // Там же. С. 560.

⁴ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1948. С. 7–337; Они же. Двенадцать стульев // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: ГИХЛ, 1956. С. 15–25; Они же. Прошлое регистратора загса // Крокодил. 1957. № 24. С. 7–10; Они же. Двенадцать стульев // Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений: В 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 1. С. 25–382.

⁵ Далее цит. по: Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017. С. 8–412.

политику многие восприняли как переход к миру и стабильности, чему, согласно утверждениям сталинских пропагандистов, мешал Троцкий.

Его атаковали и средствами художественной литературы. Вполне опознаваемые карикатуры на Троцкого в прозе и поэзии были достаточно частотны [Фельдман 2015, с. 289–330].

К 1927 г. оппозиционеры, казалось бы, разгромлены. Но ситуация изменилась из-за провала советской политики в Китае. Там шла многолетняя гражданская война. Лидером считалось правительство, опиравшееся на партию, именовавшую себя национально-демократической: Гоминьдан. Та блокировалась с местными коммунистами, ориентировавшимися на советское руководство. Оно тогда обеспечивало финансирование, снабжение оружием и советниками. Противники – сепаратисты, англо-американской и японской ориентации.

Гоминьдановцы наступали на Шанхай, где были обладавшие правами экстерриториальности дипломатические резиденции, объединенные в Международный сеттльмент. При разгроме такого административного центра возможная перспектива – восстания по всему Китаю.

В марте 1927 г. взят город, уже охваченный восстанием под руководством коммунистов. В ЦК ВКП(б) ожидали разгрома Международного сеттльмента. Однако его взяли под охрану гоминьдановцы. Восстание подавили, начались массовые расстрелы повстанцев.

Сталинские пропагандисты маскировали провал инвективами в адрес гоминьдановцев. Тон задавала опубликованная 15 апреля статья в «Правде» «Шанхайский переворот»⁶. Это словосочетание вскоре стало термином. Провалом же воспользовалась оппозиция⁷. Ее лидеры даже обратились к ЦК партии. Утверждали, что противники СССР, избавившись от угрозы в Китае, сообща подготовят интервенцию, а обороносспособность страны снижена, потому что сталинское лобби отвергло идею «мировой революции», да еще и НЭП множит внутренних врагов⁸.

Сталинские пропагандисты оказались в сложном положении. Основа аргументации оппозиционеров – базовая модель советской идеологии: «осажденная крепость» [Одесский, Фельдман 2017, с. 23–27].

⁶ См.: Шанхайский переворот // Правда. 1927. 15 апр.

⁷ См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Книга, 1990. Т. 2. С. 275.

⁸ См: Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923–1927. М.: Терра – Terra, 1990. Т. 3. С. 61.

Правительство не могло отказаться от собственной политической аксиоматики. Вот и пришлось объяснять, что «мировая революция» остается актуальной задачей, но решить ее удастся не вскоре, и угрозы войны нет.

Ильф и Петров отстаивали тезисы официальной пропаганды на уровне литературы. 15 апреля 1927 г. начинается романное действие. Затем три кладоискателя отправляются на поиски бриллиантов, которые владелица десять лет назад зашила в сиденье одного из двенадцати стульев мебельного гарнитура. Разумеется, алчущие сокровищ чужды советской действительности. К ней лишь приспособился бывший помещик Воробьянинов, аналогично и священник Востриков, узнавший о сокровищах, исповедуя умывавшую владелицу, ну а Бендер – мошенник-профессионал. Они мыслят категориями прошлого: хотят жить богато и праздно.

Немало внимания в романе уделено теме заговора противников советского режима. Они в прошлом – дворяне, купцы и прочие «классово чуждые». Но заговорщики, предавшись мечтам о возвращении прошлого, вскоре осознают, что это бесплодно, и наперегонки бросаются к следователям – каяться, вымаливать прощение.

Таким образом, Ильф и Петров убеждали читателей: в СССР нет питательной среды восстаний. Это противоречило базовой идеологической установке, но соответствовало задаче полемики с Троцким.

Завершается роман к ноябрю 1927 г. Кладоискателям не удалось вернуться в прошлое. В ноябре 1927 г. Троцкий исключен из партии. На состоявшемся в декабре XV партийном съезде принято решение продолжать нэп.

Соавторы еще не завершили роман, а полемика с оппозицией утратила актуальность. Уместные ранее шутки стали рискованными. Потому у готовивших публикации редакторов и цензоров работы хватало. Но роман все равно переиздавали. Его политическая прагматика оставалась актуальной: чьи бы то ни было надежды на падение большевистского режима – смешны.

Ильф и Петров, конечно, пытались восстановить купюры. Например, исключенные журнальным редактором две главы о до-советском прошлом Воробьянинова были под общим заголовком – «Прошлое регистратора загса» – напечатаны журналом «30 дней» в октябрьском номере за 1929 г. Разумеется, после редакторской правки. Этой публикации авторы дали и жанровое определение – «рассказ»⁹.

⁹ См.: Ильф И., Петров Е. Прошлое регистратора загса // 30 дней. 1929. № 10. С. 62–71.

Текст вновь правил редактор журнала «Крокодил» в 1957 г. Новый вариант опубликован в двадцать четвертом номере¹⁰. Публикация снабжена редакционным предисловием. Сообщалось, что печатается глава из романа «Двенадцать стульев», которая «не была включена в отдельные издания романа»¹¹. Так называемая глава «Прошлое регистратора загса» включена и в первый том собрания сочинений 1961 г. Но помещена в раздел «Приложение»¹². Согласно комментарию, пресловутая «глава» уже дважды издана. Как источник для издания 1961 г. указана публикация в журнале «30 дней»¹³.

На самом деле основа – публикация в журнале «Крокодил». В этот текст очередной редактор свою правку внес. При дальнейших изданиях так называемая глава – уже традиционно в разделе «Приложение».

Стоит отметить, что роман, завершенный в январе 1928 г., изобиловал общепонятными тогда политическими аллюзиями, шутками по поводу фракционной борьбы в руководстве ВКП(б) и газетно-журнальной полемики, а также пародиями на именитых литераторов. Все это складывалось в единую систему, каждый элемент ее композиционно обусловлен.

Цензорско-редакторскими стараниями исходный текст сокращен почти на треть. Некоторые шутки Ильфа и Петрова стали попросту непонятными. В этом аспекте характерна поэтика такого персонажа, как Воробьянинов.

Житель «города N»

На страницах романа первым из кладоискателей появляется Воробьянинов. Житель «уездного города N». Частотны в русской прозе XIX в. такие обороты, как «уездный город N», «губернский город N» или просто «город N». Это общие места, своего рода символы захолустья. Однако российское захолустье стало советским. Новые реалии соседствовали здесь с досоветскими, на что и намекали авторы романа, используя определение «уездный», которому вскоре надлежало исчезнуть: с 1921 г. планировалось

¹⁰ Ильф И., Петров Евг. Прошлое регистратора загса // Крокодил. 1957. № 24. С. 7–10.

¹¹ [От редакции] // Крокодил. 1957. № 24. С. 7.

¹² Ильф И.А., Петров Е.П. Прошлое регистратора загса // Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. С. 531–550.

¹³ Булис А.З., Галанов Б.Е. Примечания // Там же. С. 562.

так называемое районирование – постепенное введение краев, округов, областей и районов вместо прежних губерний, уездов и волостей.

Несмотря на цензорско-редакторскую правку, читатели и после 1961 г. имели возможность составить представление о внешности, привычках и характере Воробьянинова. Основные сведения даны в I–IV главах. Уместно отметить, что его фамилия в 1928 г. воспринималась как вымышленная. Предсказуемы были ассоциации с Воробьевыми, обычно выходцами из простонародья, и аристократами Обольяниновыми.

По ходу повествования конкретизируются характеристики Воробьянинова. Ему пятьдесят два года. Рост – сто восемьдесят пять сантиметров. Худощав, стрижка коротко, сед, носит длинные, горизонтально закрученные усы. Вдовец. Он не из коренных обитателей «уездного города N»: там лишь «осел». После чего поступил на службу в загс. Должность невысока – делопроизводитель, т. е. ведущий так называемые дела – текущую документацию.

В его обязанности входила регистрация смертей, рождений и бракосочетаний. Значит, заполнение документов, хранившихся затем в папках, «из которых можно было почерпнуть все сведения о родословных жителей города N и о генеalogических (или, как шутливо говорил Ипполит Матвеевич, гинекологических) древах, произросших на скучной уездной почве».

Журнальный редактор удалил фрагмент «(или, как шутливо говорил Ипполит Матвеевич, гинекологических)». Но шутка Воробьянинова – элемент его речевой характеристики: шутил он пошло.

В качестве совокупности намеков воспринималось и описание гардероба Воробьянинова. Каждый элемент – характеристика владельца. Утром 15 апреля 1927 г. регистратор одевается, чтобы идти на службу. Прежде всего он «сунул сухощавые ноги в довоенные штучные брюки, завязал их у щиколотки тесемками...». Воробьянинов носил узкие брюки, фиксировавшиеся у щиколоток тесемками, благодаря чему штаны оставались всегда натянутыми. Это соответствовало моде начала 1910-х гг. – «довоенной». Ну а «штучными» называли товары, изготовленные на заказ.

Характеризуется и обувь Воробьянинова. Надев брюки, он «погрузился в короткие мягкие сапоги с узкими квадратными носами и низкими подборами». Журнальный редактор удалил фрагмент «и низкими подборами». Авторы же указывали, что и обувь у регистратора «штучная».

Традиционно «подборами» именовали каблуки. Сапожник, в зависимости от пожелания клиента, «подбирал» их по высоте,

наклеивая слоями куски толстой кожи, а после обтачивал, чтобы придать нужную форму. Воробьянинов носил так называемые полусапожки с мягкими и короткими – немного выше щиколотки – голенищами. Ему не требовалось увеличивать свой рост, потому и заказаны «низкие подборы», носы же не округлые или острые, а усложненной формы – «узкие квадратные». Моде именно «довоенной» соответствовал такой фасон. Затем регистратор надел «лунный жилет, усыпанный мелкой серебряной звездой, и переливчатый люстриновый пиджачок».

Жилет сшит из хлопчатобумажной орнаментированной ткани «пике» (от фр. *piquer* – стёганый). Она была плотной, глянцевой с выпуклыми узорами. В начале 1910-х гг. пикейный жилет – атрибут респектабельности. Упоминание же о «лунном» цвете указывает: пожелтела ткань от времени.

Пиджак Воробьянинова сшит из люстрина (от фр. *lustre* – лоск, глянец, блеск) – шерстяной жесткой, безворсовой ткани с характерным отливом. Модной и дорогой она была в начале 1910-х гг., а десять лет спустя считалась дешевым видом сукна.

Далее характеристика гардероба дополнена. Встретив знакомого, регистратор «вежливо приподнял запятнанную касторовую шляпу». Сшита она из материала «кастор» (от фр. *castor*, т. е. бобр) – плотной ткани с густым, ровным и гладким ворсом, которую изготавливали с использованием бобрового или козьего пуха. Шляпа соответствовала «довоенной» моде.

Авторы романа акцентировали внимание читателей на контрастах. Брюки, пиджак, обувь и шляпа – «довоенной» моды, а выцветший белый жилет от вечернего костюма неуместен при заправленных в полусапожки штанинах. Характерно также, что носит регистратор не очки, а пенсне в золотой оправе и вместо обычной расчески использует головную щетку, аксессуар тоже не из дешевых, однако Воробьянинов и его теща живут в двухкомнатном одноэтажном доме, где нет электрического освещения.

Прием контрастного описания коррелируется с пародийным обыгрыванием фамилии героя. Читатели-современники могли сразу догадаться: он, как тогда говорили, «из бывших». В досоветском прошлом – щеголь. Это и обозначают авторы, упоминая, что «в свое время он нашивал корсет».

Регистратор, сядясь за стол, положил на стул войлочную подушку. Деталь знаковая: «он боялся протереть брюки». Служебные обязанности исполнял педантично. Внес «имена новобрачных в толстые книги, строго допросил свидетелей, за которыми невеста сбегала во двор, долго и нежно дышал на квадратные штампы и, привстав, оттискивал их на потрепанных паспортах».

Речь шла не собственно о паспортах: документов с этим названием в стране еще не было. По аналогии досоветское именование неофициально употреблялось применительно к так называемым удостоверениям личности, которые выдавались отделом управления местного исполкома. Они содержали фотографию владельца и бланк с анкетными данными, включая графу «семейное положение», куда и вносили записи регистратор.

Имперскую паспортную систему советское правительство отменило – как символ так называемого буржуазного полицейского государства. Вот и «удостоверения личности» получать было необязательно. До 1932 г. в пределах страны разрешалось использовать для идентификации практически любой официальный документ, например, профсоюзный билет, служебный пропуск или справку, выданную сельским советом. Лишь выезжавшим за границу выдавался сертификат международного образца, т. е. паспорт – иностранный.

Что до свидетелей, которых Воробьянинов «строго допросил», так их присутствие не было обязательным в 1927 г., о чем знали многие современники. Авторы романа указали: регистратору нравится командовать хоть кем-то.

Обозначена и склонность Воробьянинова к позерству. Так, внеся в загсовскую документацию запись о бракосочетании, он, встав, обратился к супружеской паре:

Молодые люди, – заявил Ипполит Матвеевич выспренно, – позовльте вас поздравить, как говаривалось раньше, с законным браком. Очень, оч-чень приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов. Очень, оч-чень приятно.

Регистратор вызвал насмешки сослуживцев. По их словам, Воробьянинов «опять проповедь читал». Но в целом он характеризуется не вовсе негативно. К примеру, умирающую нелюбимую тещу Воробьянинову стало жаль.

Правда, чувство жалости сразу оттеснили другие соображения. Боялся регистратор, «что со смертью тещи исчезнут те маленькие удобства и привычки, которые он с усилиями создал себе после революции, похитившей у него большие удобства и широкие привычки». К реальности вернуло его сказанное тещей о кладе, оставленном там, откуда Воробьянинов некогда приехал. Ранее жил он в Старгороде.

На пути в прошлое

Старгород – название заведомо вымыщенное. Не было такого города в Российской империи. Аналогично и в СССР. При этом сам топоним вызывал предсказуемые ассоциации. Захолустный Старгород – место действия романа Н.С. Лескова «Соборяне».

Допустимо, что Ильф и Петров выбрали топоним еще и по аналогии со Старобельском, уездным городом Харьковской губернии, куда они ездили в журналистскую командировку. Однако многие старгородские реалии – аллюзии на досоветскую Одессу.

Новость о сокровищах – первая и прямая отсылка к биографии персонажа. Воробьянинов

отчетливо вспомнил гостиную в своем особняке, симметрично расставленную ореховую мебель с гнутыми ножками, начищенный восковой пол, старинный коричневый рояль и овальные черные рамочки с дагерротипами сановных родственников на стенах.

Итак, Воробьянинов – потомственный дворянин и богач. Вот и мебель у него «превосходная, гамбсовская». Значит, она изготовлена петербуржской фирмой, которую основал немецкий краснодеревщик Г. Гамбс в 1795 г. Через пятнадцать лет ему дано право именоваться «придворным мебельщиком». Затем фирму возглавляли наследники. Они тоже добились успехов: «гамбсовская» мебель – символ роскоши.

Теща спрятала бриллианты, боясь обыска. Причины были понятны современникам: дома купцов и дворян обыскивали с начала советской эпохи, конфискация драгоценностей, одежды и даже мебели – обыденность. Разумеется, Воробьянинов спросил, почему он не узнал про клад до отъезда из родного города. Теща ответила исчерпывающе: «Как же было дать вам бриллианты, когда вы пустили по ветру имение моей дочери?».

В досоветскую эпоху Воробьянинов – мот. Ну а в Старгороде теща просто не успела вынуть спрятанные бриллианты: «Вы помните, как быстро и неожиданно нам пришлось бежать».

Авторам романа не требовалось объяснять современникам, почему Воробьянинову и его теще «пришлось бежать». В сентябре 1918 г. декретирована политика «красного террора», и дворян чекисты нередко причисляли к потенциальным врагам советского режима, что, как минимум, подразумевало арест – на срок неопределенный.

Следовательно, гардероб регистратора составляли вещи, захваченные впопыхах при отъезде. Донашивает он старое, некогда

модное и добротное. Богатство пока что иллюзорно. Однако Воробъянинов уже вообразил себя прежним и слышал

цыганские хоры, грудастые дамские оркестры беспрерывно исполняли “танго-амапа”; представлялась ему московская зима и черный длинный рысак, презрительно хрюкающий на пешеходов. Многое представлялось Ипполиту Матвеевичу: и оранжевые, упоительные дорогие кальсоны, и лакейская преданность, и возможная поездка в Тулузу.

Редактор издания, вышедшего в 1935 г., заменил «Тулузу» на «Канны». Авторы же подчеркивали: Воробъянинов мыслит категориями прошлого.

Амапа – область на севере Бразилии. Речь идет о стиле танго, популярном в США и Европе к началу 1910-х гг. Названием подчеркивалось, что он – бразильский, аутентичный. Упомянутые «дорогие кальсоны» – чистого шелка, натуральный цвет его похож на оранжевый. В Российской империи Тулузу была своего рода символом фешенебельного курорта на Лазурном берегу.

Все ближе казалось Воробъянинову прошлое, и еще более убогим выглядело настоящее. Особенно – с учетом возможных поисков клада: «Где эти стулья теперь искать? Их, конечно, растащили из моего дома по всему Старгороду. По всем этим пыльным, вонючим учреждениям, вроде моего ЗАГСа». Журнальный редактор удалил этот фрагмент. Авторы же напоминали, что учреждения в начале советской эпохи часто снабжались мебелью, отобрannой у частных лиц.

Похоронив тещу, Воробъянинов решает покрасить волосы и усы, чтобы его не узнали в Старгороде. За краской идет в аптеку, где и встречается с провизором Леопольдом Григорьевичем, которого знакомые называли попросту – Липа. Из вежливости провизор начинает разговор. Конечно, о политике:

– Как вам нравится Шанхай? – спросил Липа Ипполита Матвеевича, – не хотел бы я теперь быть в этом сеттльменте.

– Англичане ж сволочи, – ответил Ипполит Матвеевич. – Так им и надо. Они всегда Россию продавали.

Далее тема «шанхайского переворота» обсуждается, но все относящиеся к ней фрагменты удалены редактором в издании 1935 г. Они были допустимы лишь в контексте полемики с Троцким.

Характерно, во-первых, что трехдневной давности газетная новость не воспринимается собеседниками как событие важное.

Во-вторых, реплика Воробьянинова не относится к советской действительности. Антианглийские настроения были распространены еще со второй половины XIX в. – результат британской внешней политики, официально характеризуемой тогда в качестве антироссийской.

Осторожен регистратор. Впрочем, провизору важнее реклама товара: «Для окраски есть замечательное средство “Титаник”. Получено с таможни. Контрабандный товар. Не смывается ни холодной, ни горячей водой, ни мыльной пеной, ни керосином. Радикальный черный цвет».

Провизор намекает Воробьянинову на свои нелегальные каналы получения от сотрудников таможенной службы контрабандных товаров, точнее конфиската. Но само название «замечательного средства» указывает, что изготовлено оно не фабрично, да и не за границей: сенсацией 1912 г. стала катастрофа «Титаника» – крупнейшего в мире британского трансатлантического лайнера, затонувшего после столкновения с айсбергом. О катастрофе провизор не упомянул. Главное в рекламе – иностранное слово на этикетке.

«Радикальный черный цвет» обрели седые усы и прическа регистратора. Значит, ранее Воробьянинов брюнетом не был. От путешествий регистратор отвык. Это и подчеркнуто авторами: «Уже и делопроизводитель загса, Ипполит Матвеевич Воробьянинов, потревожен в самом нутре своем и задумал черт знает что такое».

Редактор первого отдельно издания романа сочинил новый вариант: «Уже и бывший предводитель дворянства, а ныне делопроизводитель загса потревожен в самом нутре своем и задумал черт знает что такое». Но авторами не указывалось ранее, что Воробьянинов – «бывший предводитель дворянства». Об этом сообщалось в следующих далее главах. Редакторская ошибка обусловлена знаниями, полученными благодаря журнальной публикации романа.

«Старгородский лев»

Таково название первой части романа. Подразумевается репутация Воробьянинова в Старгороде. Но о том, чем она была обусловлена, нет сведений в советских изданиях романа.

Пятая глава – «Бойкий мальчик» – начинается описанием одного из многих скандалов, учиненных Воробьяниновым. На этот раз он скандалил весной 1913 г. в старгородском «кафешантане “Сальве”». Не из дешевых было это увеселительное заведение. Увлекались представители местной торговой и административной

элит, когда «вошел известный мот и бонвиван, уездный предводитель дворянства Ипполит Матвеевич Воробьянинов, ведя под руки двух совершенно голых дам».

Эскапада Воробьянинова квалифицировалась юридически как нарушение общественных приличий. В связи с чем за нарушителем шел полицейский, «держа под мышкой разноцветные бебехи, составлявшие, по-видимому, наряды разоблачившихся спутниц Ипполита Матвеевича». С полицейским Воробьянинов беседовал надменно-издевательски, эскападу не прекратил. Итог – двадцатипятирублевый штраф и газетная статья «под осторожным заглавием “Приключения предводителя”».

Уверенность в своей безнаказанности – характерная черта скандалиста. Он ведь наследник богатого помещика, даже и магната, по старгородским, разумеется, меркам.

Как тип «уездный предводитель дворянства» рассчитан не только на социальную узнаваемость. Подразумевались еще и аллюзии на популярнейшие досоветские публикации А.Т. Аверченко.

В 1917 г. издательство журнала «Новый Сатирикон» выпустило сборник Аверченко «Синее с золотом», куда включен цикл новелл «Пять эпизодов из жизни Берегова». В первой заглавный герой, будущий инженер, еще студент занимается воспитывать сына богачей, семилетнего Костю. Домашнее имя воспитуемого – «Кися»¹⁴.

У Аверченко такой выбор мотивирован. Уменьшительное имя Константина – Костя, следующий диминутив, соответственно, Котя, т. е. котенок, далее же, по ассоциации, Кися.

Подопечный студента – монструозный домашний тиран. Дерзкий, грубый, манипулирующий родителями. Они на время уезжают, вот и оставляют воспитателя, чтоб за сыном присматривал, учил и развлекал его. Знаменательно, что грубоść и дерзость сына только умиляли родителей. Их апологетическая реплика – «бойкий мальчик». Он поначалу и новоявленным воспитателем пытается манипулировать, угрожая Берегову родительским гневом. Но студент хитростью и жестокостью быстро заслужил уважение «бойкого мальчика», подчинил себе некогда строптивого «Кисю».

Бендер отчасти напоминает Берегова. Жизнерадостен, умен, хитер, циничен, порою жесток и компаньона буквально воспитал, подчинив себе. При этом пятая глава романа получила название «Бойкий мальчик», а в тридцать третьей выясняется, что детское имя Воробьянинова – «Киса».

¹⁴ См.: Аверченко А. Берегов – воспитатель Киси // Аверченко А. Синее с золотом. Петроград: Тов-во «Новый Сатирикон», 1917. С. 5–15.

У Ильфа и Петрова это мотивировалось аллюзией на аверченковские новеллы. Ономасиологическая традиция не объясняла, почему «Ипполит» редуцирован до «Кисы», зато детское имя регистратора отсылало к названию пятой главы, которое воспроизвело характеристику Воробьянинова, полученную на приемном экзамене в первый класс гимназии: «Бойкий мальчик».

Не удали редактор главы о досоветском прошлом Воробьянинова, аллюзия на аверченковские новеллы стала бы прозрачной. Однако после удаления связь отнюдь не очевидна.

Что до гимназии, то десятилетний Воробьянинов поступал в первый класс, минуя два приготовительных. Вступительные экзамены выдержать не смог, но принят благодаря отцовскому авторитету. Отец же был вдовцом, страстным голубятником, и на воспитание сына не оставалось времени.

Сын учился плохо. Был ленив, эгоистичен и трусоват, уверенность в собственной безнаказанности лишь формировалась. После смерти отца – «двадцать тысяч годового дохода и огромное, плохо поставленное, хозяйство». Он стал едва ли не самым перспективным женихом – в старгородских масштабах. Ну а переход к «самостоятельной жизни молодой Воробьянинов ознаменовал блестяще организованным кутежом с пьяной стрельбой по голубям и облавой на деревенских девок».

Журнальный редактор целомудренно удалил фрагмент «и облавой на деревенских девок». Авторы же обозначили специфику «кутежа» Воробьянинова. Кутите тогда – двадцать лет. Восьмилетний гимназический курс он завершил бы к восемнадцати годам, но дважды был второгодником. От военной службы его избавила взятка. Формальный предлог – «общая слабость здоровья».

На самом деле он вполне здоров. Что и позволяло радоваться холостяцкой свободе, пока не произошли события, описанные в шестой главе – «Продолжение предыдущей». Воробьянинов, участвуя в благотворительной акции, оплаченной старгородской элитой,

познакомился с женой нового окружного прокурора – Еленой Станиславовной Боур. Прокурор был стар, но жена его, по уверению секретаря суда –

...сама юность волнующая,
Сама младость ликующая,
К поцелуям зовущая,
Вся такая воздушная.
Секретарь суда грешил стишками.

Знакомство вскоре перешло в стадию, что называется, бурного романа. «Старгородский лев» не пытался скрыть это, наоборот,

позволил себе совершенную бес tactность. Он велел выкрасить свой экипаж в белый цвет и прокатился в нем вместе с угоревшей от любви прокуроршей по Большой Пушкинской улице. Напрасно Елена Станиславовна прикрывала мраморное лицо вуалеткой, расшитой черными птичками, – ее все узнали.

С учетом правового контекста эпохи у шокирующего поведения Воробьянинова прагматика вполне понятная. Он не мог жениться на замужней, вот и провоцировал скандал, который бы вынудил прокурора дать жене развод. Без согласия мужа такое было весьма затруднительно.

Маршрут воробьяниновского экипажа – аллюзия на одесскую Пушкинскую улицу. До 1880 г. она называлась Итальянской, переименована в связи с решением городской администрации открыть музей А.С. Пушкина.

Напрасно прокурору слали анонимные письма, а также извещали о его недворянском поведении министерское начальство. Он, планируя карьерный рост, избегал скандала. Но тот, как подчеркнули авторы, окончился «совершенно неожиданно: Ипполит Матвеевич увез прокуроршу в Париж, а прокурора перевели в Сызрань».

Итоги обусловлены реалиями эпохи. Замужняя женщина – круга Боур и Воробьянинова – не могла поселиться в особняке или квартире неженатого мужчины, это подразумевало бы социальную изоляцию нарушительницы приличий, тогда как за границей такой опасности не было. Ну а перевод высокопоставленного чиновника в Сызрань – отнюдь не повышение, скорее уж понижение статуса. В этом городе прокурор и умер.

Как явствует из повествования, Воробьянинов и Боур с 1899 г. жили в Париже. Но фрагмент, относящийся к их пребыванию там, удалил редактор журнала «30 дней», готовивший публикацию так называемого рассказа «Прошлое регистратора загса».

Чтобы соединить продолжение с предшествующим фрагментом редактор изменил фразу, написанную авторами. Вместо «Старгород был завален снегом» – «Когда через год они вернулись назад, Старгород был завален снегом». Воробьянинов и Боур опять ехали по Большой Пушкинской. Видели, что «деревья Александровского сада были абонированы галками». Это очередная аллюзия на одесские реалии. В родном городе Ильфа и Петрова был Александровский парк. Далее сказано: «Галки карталили необыкновенно

возбужденно, что напоминало годичные собрания “Общества приказчиков-евреев”».

Журнальный редактор удалил эту фразу. Авторы же упомянули досоветскую одесскую реалию. Официальное название созданной в 1862 г. организации – «Общество взаимного вспомоществования приказчиков-евреев».

В Российской империи приказчиками традиционно именовали служащих торговых заведений, занятых непосредственно работой с покупателями. Разумеется, такие работники зависели от произвола хозяина, потому им нередко требовалась денежная помощь. Бюджет организации формировался вступительными и ежемесячными взносами, а также пожертвованиями. Деятельность ее не сводилась к финансовой, немаловажные элементы – благотворительность и трудоустройство потерявших или не нашедших работу. Кроме того, помочь в самообразовании, для чего и была создана библиотека. Участники «годичных заседаний» разговаривали на идиш. Соответственно, грассировали.

Когда Воробьянинов и Боур вернулись из Парижа, скандал в связи с их отношениями поутих. Но и бурный роман вскоре завершился. Воробьянинов остался холостяком. Он продолжал бывать у поселившейся отдельно Боур, «ежемесячно посыпал ей в конверте 300 рублей и нисколько не обижался, когда заставал у нее молодых офицеров, по большей части бойких и прекрасно воспитанных».

Журнальный редактор заменил слово «офицеров» на «людей». Что до ежемесячной суммы, то она превышала жалование полковника: Воробьянинов еще не привык скучиться.

Меж тем доходы от имения таяли. В 1911 г. Воробьянинов нашел способ вновь разбогатеть:

Наибольшее приданое можно было получить за Мари Петуховой, долговязым и кротким скелетом. Два месяца Ипполит Матвеевич складывал к подножию кроткого скелета белые розы, а на третий сделал предложение, женился и был избран уездным предводителем дворянства.

Журнальный редактор опять внес правку. Новый вариант:

Наибольшее приданое можно было получить за Мари Петуховой, долговязой и кроткой девушкой. Два месяца Ипполит Матвеевич складывал к подножию Мари белые розы, а на третий сделал предложение, женился и был избран уездным предводителем дворянства.

Результат правки оказался комическим. Не заметил редактор, что характеристика Петуховой использована авторами и в другом эпизоде: «Ну, как твой скелетик? – нежно спрашивала Елена Станиславовна, у которой Ипполит Матвеевич после женитьбы стал бывать чаще прежнего». Вне удаленного фрагмента вопрос утратил смысл. Получилось, что Боур постоянно интересовало костное строение Воробьянинова.

Журнальный редактор, удаливший в 1927 г. две главы, относящиеся к досоветскому прошлому Воробьянинова, следовал актуальной пропагандистской установке. Схематизировал характер персонажа «из бывших», снижая таким образом вероятность читательского сочувствия. Но очередной раз невнимательным оказался редактор. В двенадцатой главе – там, где авторы описывают старгородский быт уже советской эпохи, вновь появляется героиня давнего скандала:

Она шла по двору, и если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то никогда не узнал бы Елену Боур, красавицу-прокуроршу, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она «к поцелуям зовущая, вся такая воздушная».

Упоминаний о «Елене Боур» не было ранее в журнальном тексте, и редактор, исправляя положение, внес правку в двенадцатую главу. Новый вариант:

Она шла по двору, и если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то никогда бы не узнал Елену Боур, красавицу-прокуроршу, многолюбимую им Елену, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она «к поцелуям зовущая, вся такая воздушная».

Ясности не прибавилось. Читателям оставалось лишь гадать, где Воробьянинов успел познакомиться с «Еленой Боур», когда она стала «многолюбимой им», а главное, почему названа «прокуроршей», т. е. женой прокурора, о котором в журнальном тексте романа нет упоминаний.

Редактор первого отдельного издания попытался исправить оплошность предшественника. Новый вариант:

Если бы Ипполит Матвеевич увидел ее сейчас, то он никогда не узнал бы Елены Боур, старой своей возлюбленной, о которой секретарь суда когда-то сказал стихами, что она «к поцелуям зовущая, вся такая воздушная».

После такой правки читатели могли хотя бы отчасти уяснить, какие отношения связывали некогда Воробьянинова с «Еленой Боур». Но если она не «прокурорша», то неясным оказалось, при чем тут «секретарь суда» и его манера выражаться «стихами».

Образ жизни Воробьянинова не изменился после женитьбы. Скандалу 1913 г. в «кафе-шантане „Сальве“» предшествовала ссора с тещей, обеспокоенной мотовством зятя, и тот, разгневанный, уехал в Москву – развлечься. Ну а там, как обычно, скандалил. Теперь – на клубном банкете, устроенном аристократами «в честь умерщвления известным охотником г. Шарабарином двухтысячного, со времени основания клуба, волка». Изрядно пьяный Воробьянинов сорвал празднование. Он

быстро накинул на себя шкуру волка и, позабыв о семейных делах, торжественно сказал:

– Милостивые государи, господа члены охотничьего клуба! Позвольте вас поздравить от имени старгородских любителей ружейной охоты с таким знаменательным событием. Очень, очень приятно видеть таких почтенных любителей ружейной охоты, как господин Шарабарин, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов! Очень, очень приятно!

Выспренная речь Воробьянинова должна была напомнить читателям о его загсовском поздравлении молодоженам. Комический эффект создавало повторение одних и тех же конструкций по разным поводам. Но такая, можно сказать, рифма удалена из текста романа стараниями журнального редактора.

Жена Воробьянинова умерла в 1913 г. Пять лет спустя он и теща спешно оставили «потухший Старгород...».

Описание регистраторского гардероба продолжено в седьмой главе. Весна холодная выдалась, и Воробьянинов носит «пальто с осыпавшимся бархатным воротником». Бархатный воротник пальто считался модным еще до второй половины 1910-х гг. Соответственно, к началу романного действия бархат осыпался.

В восьмой главе указаны и другие подробности. Так, первый ночлег после возвращения – в дворницкой, где Воробьянинов, снимает пальто и пиджак, а под пикейным жилетом у него еще один: «гарусный, ярко-голубой». Жилет связан из гаруса – тонкой шерстяной сученой пряжи. Эта деталь вновь напоминала читателям о досоветском статусе Воробьянинова.

Знаковы и другие подробности. В частности, у регистратора – «шерстяные напульсники». Имеются в виду носившиеся на запястьях узкие эластичные вязаные повязки-браслеты. Этот аксессуар

стал популярным в начале 1910-х гг.: считалось, что «напульсники» предохраняют от простуды и ревматизма. Но и контраст указан тут же. Сняв верхнюю одежду, Воробьянинов ложится спать «в заштопанном егерском белье».

Так называемое егерское, точнее, егеровское белье считалось гигиеническим. Название дано в честь немецкого медика-гигиениста Г. Егера, пропагандировавшего ткани из шерсти. Эта часть гардероба – тоже «довоенная».

Утратил регистратор и «широкие привычки» и дерзость, обусловленную лишь уверенностью в собственной безнаказанности. Даже будучи влюбленным и располагая полученной от Бендера солидной денежной суммой, делопроизводитель в Москве не может стать прежним. Следуя давней привычке, он пригласил юную избранницу в ресторан, однако там сразу же смущился, заробел «светский лев и покоритель женщин Воробьянинов. Потертые брюки светского льва свисали с худого зада мешочком. Покоритель женщин сгорбился и, чтобы преодолеть смущение, стал протирать пенсне».

Воробьянинов побаивается официантов, не помнит, как вести себя за столом, из-за стеснительности безобразно напивается, теряет деньги, а потом безропотно переносит оскорблений и даже побои рассерженного Бендера. «Старгородского льва», как доказывают авторы, более нет. Есть лишь алчный, трусоватый и скуповатый регистратор загса.

Жадность его иногда оказывается сильнее трусости. Итог – безумие, убийство, обусловленные неудачей маниакального стремления разбогатеть, вернуться в прошлое.

Литература

- Одесский, Фельдман 2017 – Одесский М.П., Фельдман Д.М. История легенды: Роман «Двенадцать стульев» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017. С. 542–567.
- Одесский, Фельдман 2012 – Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти: Тираноборчество. Террор. Революция. М.: РОССПЭН, 2012. 265 с.
- Фельдман 2015 – Фельдман Д.М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Форум: Неолит, 2015. 480 с.

References

- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2012), *Poetika vlasti: Tirannoborchestvo. Terror. Revolyutsiya* [The poetics of power. Tyrannicide. Terror. Revolution], ROSSPEN, Moscow, Russia.

- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2017), "The history of a legend. The novel 'Twelve Chairs' in the literary and political context of the era", in Il'f, I.A. and Petrov, E.P., *Dvenadtsat' stul'ev* [Twelve Chairs], AST, Moscow, Russia, pp. 542–567.
- Feldman, D.M. (2015), *Terminologiya vlasti: Sovetsknie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste* [Terminology of power. Soviet political terms in historical and cultural context], Forum, Neolit, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Давид М. Фельдман, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the author

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-186-198

«Язвы» и «яды» эмигрантской публицистики: метафора болезни в «Дневнике политика» П.Б. Струве

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kutarenkova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям метафоры болезни в публицистике П.Б. Струве в период с 1925 по 1935 г. Материалом для анализа послужили статьи, выходившие в постоянной рубрике главного редактора «Дневник политика» в газетах «Возрождение», «Россия» и «Россия и славянство». Определяется специфика предметов и образов сравнения, соответствующие фреймы, а также преобладающий синтаксический тип метафоры, роли морбуальной метафоры в публицистике Струве как важной составляющей эмигрантского дискурса 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: метафора, П.Б. Струве, публицистика, политика, русское зарубежье

Для цитирования: Бондарева-Кутаренкова Т.С. «Язвы» и «яды» эмигрантской публицистики: метафора болезни в «Дневнике политика» П.Б. Струве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 10. С. 186–198. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-186-198

“Sores” and “poisons” of emigrant journalism.

The metaphor of disease
in “The politician’s journal” by P. Struve

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kutarenkova@yandex.ru*

Abstract. The article deals with particularities of the metaphor of disease in P. Struve’s journalism in the period of 1925–1935. The material for analysis consisted of articles published in the regular column of the editor-in-chief “The politician’s journal” in newspapers “Vozrozhdenie”, “Rossiya”, “Rossiya i slavyanstvo”. The article defines the specifics of metaphorical subjects and

© Бондарева-Кутаренкова Т.С., 2025

images, appropriate frames, the dominant syntactic type of metaphors, features and principles of using the morbal metaphor in Struve's journalism as an important component of the 1920–1930s emigrant discourse.

Keywords: metaphor, P. Struve, journalism, politics, Russians diaspora

For citation: Bondareva-Kutarenkova, T.S. (2025), “‘Sours’ and ‘poisons’ of emigrant journalism. The metaphor of disease in ‘The politician’s journal’ by P. Struve”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 186–198, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-186-198

Скрытое сравнение одного явления с другим на основе конкретного сходства может иметь разные функции в публицистическом тексте. М. Минский писал о метафорах:

Такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области. Именно таким образом осуществляется распространение знаний от одной научной парадигмы к другой [Минский 1988, с. 291–292].

Примером, подтверждающим этот вывод, являются метафоры болезни в политической публицистике, выражающие авторскую оценку социальных и политических явлений. Подобные приемы позволяют публицисту быть особенно убедительным: болезнь и ее проявления – это то, что каждый читатель легко визуализирует и эмоционально переживает в силу имеющегося личного опыта или знаний.

В публицистике политика, историка, экономиста, юриста, известного деятеля русской эмиграции первой волны П.Б. Струве встречаются самые разные типы метафорических конструкций, в частности – связанные с образами болезни. Наиболее интересным источником в данном контексте исследования представляется его «Дневник политика» – в этой постоянной рубрике Струве, занимая пост главного редактора газет «Возрождение», «Россия» и «Россия и славянство», представлял свой взгляд на международные отношения, европейскую политику, историю России и советскую современность, жизнь русской эмиграции в период с 1925 по 1935 г.

Исследователь Е.Г. Трубецкова утверждает, что метафорические конструкции, включающие номинации заболеваний, медицинских манипуляций, физиологических состояний – сегмент широкого морбуального кода, который мы можем наблюдать в русской литерату-

туре ХХ–XXI вв.: в терминах болезней происходит метафорическое осмысление различных социальных и политических процессов – революций, гражданской войны, первой волны эмиграции и т. д. [Трубецкова 2021, с. 47–54]. Автор исследований отмечает широкую распространенность образа смертоносной болезни при описании революции в эмигрантской литературе и публицистике, а также в произведениях писателей и философов, оставшихся в Советской России, но не принявших новую власть. «Высокой болезнью» называет революцию Борис Пастернак, «злостной болезнью» – Михаил Булгаков. «Медицинский дискурс становится одним из языков описания катастрофической эпохи конца XIX – начала XX в. в творчестве Марка Алданова», – пишет исследователь. Корни подобного метафорического восприятия революции уходят в публицистику XIX в. – достаточно вспомнить Ф.И. Тютчева: «Революция – болезнь, пожирающая Запад, а не душа, сообщающая ему движение и развитие...» [Трубецкова 2018, с. 65–68].

Традиция олицетворения государства и общества и восприятие их как живого организма идет еще из Античности, а нарушение функционирования этого «организма» рассматривалось как «болезнь» [Трубецкова 2018, с. 65–68]. П.Б. Струве использует метафору *«политическое мело»*, говоря о государстве, а точнее – государственном механизме. Оно может быть здоровым и больным, молодым и дряхлым. Скелетом этого «тела» он называет «властвующих физических лиц». Он утверждал, что советская власть «обескровила» и довела *«мело»* российского государства до состояния обнаженного и уже сгнившего остова. Если в государстве нет полноты всей политической жизни, утверждал Струве, от него остается только скелет, *«голое властвование физических лиц»*. *«Крепкий “мужицкий” костяк убьет гнилой и размягченный остов коммунистической власти»* – такой прогноз давал он в 1926 г.¹

Метафорическая картина международных отношений, внешней политики СССР и крупнейших мировых держав, проблем русской диаспоры и идеологических столкновений общественно-политических сил эмиграции в статьях П.Б. Струве позволяет увидеть многочисленные «болезни» различных государственных «организмов» (не только Советской России, но и зарубежных стран, а также русского эмигрантского сообщества, которое представляется таким же «телем», являясь малой моделью государства), а также «симптомы», «синдромы» и способы их «лечения», которые видел публицист.

¹ Струве П.Б. Два обнажения и два остова // Возрождение. 1926. 28 апр. С. 1.

Идеологию большевизма Струве считал опасной для мира «болезнью». Ослабленные (в первую очередь – экономически) страны, понесшие большие потери в ходе Первой мировой войны, оказались наиболее уязвимыми для проникновения коммунистических идей, считал Струве [Вандалковская 2004, с. 7–13]. В его публицистических текстах эти государства уподобляются организмам с ослабленным иммунитетом.

Метафорические проекции морбуальности в текстах Струве связаны не только «болезнями» «политического тела». В качестве сравнения в текстах Струве могут выступать также самые разные понятия: физиологические состояния, причины этих состояний, медицинские профессии, номинации видов лекарств, врачебные манипуляции и др. Анализ статей в «Дневнике политика» позволяет увидеть следующие тематические категории.

1. Болезнь как обобщенное понятие

В рецензии на книгу А. Эрта и Ю. Швейкерта, название которой Струве переводит как «Разнуздание подполья. Анализ процесса большевизации Германии», вышедшую в 1932 г., Струве пишет: «Книга гг. Эрта и Швейкерта с необыкновенной выпуклостью изображает этот процесс, прослеживает его пути и формы, вскрывает “этиологию” этой болезни»². Большевизм метафорически осмысливается как болезнь.

2. Интоксикация

В этой категории метафор чаще всего встречается упоминание отравления ядами: «...господство большевизма прямо-таки *отравило* организм России лошадиными дозами социализма, иначе коммунизма». Далее об опасности коммунизма на Востоке: «Так называемое пробуждение Востока, подталкиваемое и субсидируемое из Москвы, есть его разложение московскими культурами сильно-действующих коммунистических *ядов*». «...Главным экспортным продуктом Советской России всегда был, есть и будет один: коммунистический *яд*»³. «Другой чертой внутренней слабости Китая и царящей в нем анархии является зараженность его идущим из

² Струве П.Б. Национал-большевизм в Германии // Россия и славянство. 1932. 4 июня. С. 1.

³ Струве П.Б. Беда и вина Японии // Возрождение. 1925. 17 дек. С. 1.

красной Москвы и все время оттуда поддерживаемым коммунистическим *ядом*, вошедшим в великой азиатской стране в какое-то стойкое соединение с китайским национализмом...»⁴. «...Ошибочно было невнимание к губительности большевистского *яда* для самих же немецких масс, как вооруженных, так и не вооруженных»⁵.

Помимо коммунистического «яда» Струве упоминает и «западноевропейский». Коммунизм, который публицист называет также «чудовищем» – «вовсе не порождение русской государственности, а ужасный плод прививки западноевропейских *ядов* к молодому, не окрепшему духовно-политическому организму русского народа, силы которого еще не перебродили».

«Вообще все русские чрезмерности и уродства получаются из сопряжения русской дикости и озорства с западными *ядами*», – рассуждал Струве в статье «Мысли Мишле о русском коммунизме, и в чем была их ошибка»⁶.

В следующем фрагменте речь идет об особом виде – трупном яде: «Разлагающийся труп большевистского коммунизма своими *ядами* и зловониями глубоко отравил русскую неисправимо мечтательную, вечно блуждающую и скверно блудящую “интеллигентскую” мысль»⁷.

В некоторых текстах причиной «отравления» выступают не «яды», а некая «зараза», под которой, вероятно, понимается инфекция: «Внешние силы, одни не видят всего зла и всей опасности коммунистической заразы, другие не хотят избавления от нее России, потому что желают, чтобы Россия оставалась навсегда отравленной и слабой»⁸. Словосочетание «коммунистическая зараза» встречается также в статьях «Необходимое сосредоточение охранительных сил»⁹ и «Большевизм и западное общественное мнение. Наблюдение Юста и впечатления Ясперта»¹⁰:

⁴ Струве П.Б. Японо-китайский конфликт и положение на Дальнем Востоке: Анализ его факторов // Россия и славянство. 1933. 4 марта. С. 1.

⁵ Струве П.Б. Мысли Мишле о русском коммунизме, и в чем была их ошибка // Возрождение. 1927. 5 мая. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Струве П.Б. Евразийское суесловие // Россия. 1927. 1 окт. С. 1.

⁸ Струве П.Б. Восемнадцать политических максим на сегодняшний день // Возрождение. 1925. 6 дек. С. 1.

⁹ Струве П.Б. Необходимое сосредоточение охранительных сил // Возрождение. 1925. 25 дек. С. 1.

¹⁰ Струве П.Б. Большевизм и западное общественное мнение. Наблюдение Юста и впечатления Ясперта // Россия и славянство. 1932. 15 окт. С. 1.

Конечно, мы должны стремиться к тому, чтобы везде рассеивать роковой *ядовитый* туман,пущенный на весь мир Лениным и до сих пор безобразно пускаемый его наследниками и продолжателями...¹¹

Совершенно наивно думать, что, не «вмешиваясь» в коммунистическое владычество над Россией, «буржуазные» силы мира этим охраняют себя от коммунистического *яда*. Совсем наоборот, признавая последний в его государственной форме, «буржуазные» государства сами, одни медленнее, другие быстрее, но неуклонно, вводят в свой *организм* большевистскую *отраву*¹².

В 1928 г. Струве пишет об отношении зарубежных политиков к советской власти: «...мертвый очаг мертвящей заразы, от которой они, однако, – именно потому что везде существуют свои коммунистические *яды* и противокоммунистические *противоядия* – не имеют ни желания, ни нужды отбиваться вооруженной рукой»¹³.

Подобные метафоры можно обнаружить и в некоторых выступлениях Струве в доэмигрантский период. Осенью 1917 г., выступая на Временном совете Российской Республики, он подверг жесткой критике А.Ф. Керенского за недооценку большевистской опасности.

Большевизм – это смесь интернационалистического *яда* со старой русской сивухой. Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, старых и молодых, подкрепляемых тучей германских агентов. Давно пора этот *ядовитый* напиток заключить в банку и по всем правилам фармацевтического искусства поместить на ней мертвую голову и надпись «*яд*», –

заявил тогда Струве [Пайпс 2001, с. 312].

В одной из статей Струве заменяет «*яд*» синонимом «*отрава*»: «Мир болен уже – и серьезно – это *отравой*, принимающей самые разные обличья...»¹⁴, – пишет Струве в 1933 г. о непонимании во многих странах угрозы распространения коммунизма. Он говорит

¹¹ Струве П.Б. Об одном мнении газеты «Молва» // Россия и славянство. 1933. 6 марта. С. 1.

¹² Струве П.Б. События на Кубе – грозное предостережение // Россия и славянство. 1933. Окт. С. 1.

¹³ Струве П.Б. О Красной армии, об «интервенции» и о других ве- щах // Россия. 1928. 7 апр. С. 1.

¹⁴ Струве П.Б. Об одном мнении газеты «Молва» // Россия и славянство. 1933. 6 марта. С. 1.

о том, что из «коммунистической крепости» будут осуществляться «вылазки и нападения на остальной мир, чтобы распространять в нем заразу и отраву».

3. Психические и нервные болезни

Метафорические конструкции, в которых как сравнения выступают номинации различных ментальных и нервных расстройств, чаще всего встречаются в полемике Струве с идеиними оппонентами в эмиграции (в первую очередь – с евразийцами: «Евразийство – это духовная и душевная болезнь...»¹⁵), а также в описании и оценке публицистом настроений русской эмиграции.

В 1929 г. он с сожалением отмечает, как много среди активных деятелей зарубежья любителей громких слов и истеричных выпадов. Струве называет их неспособными к продуктивной деятельности, «графоманами» и «влюбленными в себя политическими чревовещателями» и предупреждает: именно таких, «упивающихся ролью ветхозаветных пророков», «неврастеников и психопатов» непременно «впрянут в свой советский экипаж»¹⁶.

В другой статье, посвященной той же проблеме, он пишет:

Не всякий человек, которого *нервная система* расшатана, может притязать быть Достоевским. Не всякий *nevрастеник*, как бы он ни разочаровался в «капитализме», может быть ветхозаветным пророком. Не всякий кандидат в дом умалишенных должен быть признаваем за новоявленного Ницше. И надлежит сделать простой практический вывод: таких людей нужно не приближать к печатному станку, а более или менее деликатно удалять от него, рекомендуя им вместо литературных упражнений санаторное лечение. А может быть, и более суровый режим¹⁷.

Струве намекает на факты из биографии писателя (эпилепсию с фобиями, галлюцинациями и прочими проявлениями), а также на факты из биографии известного философа (психическое заболевание и помещение в психиатрическую больницу), чтобы доказать читателю, что в эмигрантских кругах распространяется немало абсурдных и утопических идей в газетах и журналах, которые нельзя рассматривать как авторитетное мнение.

¹⁵ Струве П.Б. Евразийское суесловие // Россия. 1927. 1 окт. С. 1.

¹⁶ Струве П.Б. Душно // Россия и славянство. 1929. 31 авг. С. 1.

¹⁷ Там же.

В статье «Три задачи Зарубежья» Струве, в частности, рассуждает о настроениях в эмигрантской среде, являющихся препятствием для осуществления важнейших задач русских за рубежом (создания экономического самоуправления, культурно-национального сохранения, активного политического воздействия извне на внутреннюю политику Советской России) и отмечает «безразличие и индифферентизм к судьбам России как государства и нации». Корни такого отношения автор видит в «душевной слабости». Он называет это «“психостенией”, в которую повергли многих и многих русских зарубежников или которую у них усилили тяжелые удары судьбы и горькие разочарования»¹⁸.

Еще одно яркое выражение Струве – «старорежимная одержимость». Автор называет это «настоящей болезнью» той части русской эмиграции, которая не желает оставить прежние, доэмигрантские политические распри, претензии, личные счеты, болезнью «многих “правых” и почти всех “левых” противников большевизма». Струве пишет: «<...> сейчас людей следует оценивать не потому, чем они были в прошлом, а по их годности в настоящем и пригодности в будущем»¹⁹.

Есть и пример-исключение: единственный раз Струве используют метафору психического заболевания, говоря о происходящем в СССР, в статье о деле Промпартии. Обвинительный акт Н.В. Крыленко автор называет «документом политической *психопатии*»²⁰.

4. Патологии беременности

Подобная разновидность морбуальной метафоры не так часто встречается в текстах Струве, но стоит упомянуть и образ сравнения, и предмет, с которым он соотносится в нескольких статьях публициста. В первом выпуске «Дневника политика» он пишет о том, что русская республика, провозглашенная Керенским, оказалась лишь «историческим *выкидышем*». «Предоставлю П.Н. Милюкову в его двойном качестве историка, а ныне исторического *акушера* русской республики определить, на каком месяце случился этот первый *выкидыш*? Моему же историческому смыслу и эстетическому чувству канонизация исторического *выкидыша*

¹⁸ Струве П.Б. Три задачи Зарубежья // Россия. 1928. 26 мая. С. 1.

¹⁹ Струве П.Б. Старорежимная одержимость и сонливая беспечность // Возрождение. 1926. 10 янв. С. 1.

²⁰ Струве П.Б. Эволюция революции // Россия и славянство. 1930. 29 нояб. С. 1.

просто претит»²¹. В 1927 г., к годовщине Февральской революции, Струве публикует статью, которая так и озаглавлена – «Исторический выкидыш»²². Республика Керенского не смогла «развиться» и «родиться на свет» в качестве полноценной формы правления в России – делает вывод автор.

5. Дефекты кожи и слизистых

Наиболее часто в «Дневнике политика» встречается образ «язвы». В 1927 г. Струве пишет об опасностях социального радикализма: «Разводить же такой радикализм на тощающем народно-хозяйственном организме – значит, – обольщая народные массы социальным захарством, только усиливать народное истощение». Такая политика, по словам автора, способна лишь «углубить язвы»²³. В других статьях он пишет: «Большевистское иго потому есть не сравнимое ни с каким внешним владычеством зло, что оно, как злокачественная роковая язва, разрушает субстанцию России»²⁴. «Как такое живое целое национальная Россия имеет перед собою только одну, все превозмогающую задачу: побороть политически, морально и культурно язву большевизма...»²⁵. Мировой задачей Струве называл «истребление язвы коммунизма»²⁶.

Не менее интересен иной пример. В 1930 г. в Париже был похищен агентами ОГПУ генерал А.П. Кутепов. В первые дни после его исчезновения в эмигрантских кругах обсуждались самые разные версии произошедшего, в том числе выдвигались абсолютно сенсационные и рискованные предположения. «Зуд гипотез» – так назвал состояние эмигрантского дискурса в этот момент П.Б. Струве, выразив тем самым свое негативное отношение к тому, что «подлинно серьезное неизбежно перемешано с кифо-мокиевщиной, предается

²¹ Струве П.Б. <Статья>1 // Возрождение. 1925. 8 июня. С. 1.

²² Струве П.Б. Исторический выкидыш // Возрождение. 1927. 12 марта. С. 1.

²³ Струве П.Б. Блуждания и заблуждения французского фашизма // Возрождение. 1927. 3 мая. С. 1.

²⁴ Струве П.Б. Об одном заблуждении // Россия и славянство. 1933. 25 апр. С. 1.

²⁵ Струве П.Б. Восемь положений, предложенных на собрании в Белграде, и несколько дополнительных к ним разъяснений // Россия и славянство. 1934. 4 марта. С. 1.

²⁶ Струве П.Б. События в Германии: Их всемирно-исторический смысл // Россия и славянство. 1933. 15 марта. С. 1.

тиснению»²⁷. «Зуд» означает «раздражение», вызывает дискомфорт и беспокойство – именно такие чувства испытывал Струве как журналист и редактор, будучи неизменным противником сенсаций и слухов в прессе.

6. Медицинские манипуляции в целях устранения проблемы

В статьях о внешней политике СССР и международных отношениях Струве нередко обращался к вопросу об интервенции западных стран в СССР – как ее целесообразности, так и вероятности. Возможность подобного сценария публицист считал фантастической и очень маловероятной. Скорее, как он писал в 1932 г., интервенцией советское руководство просто пугает население страны. И для убедительности своих доводов он снова использует медицинскую метафору. «Это, в условиях величайшей нужды, испытываемой Россией, есть единственный способ отвлечения внимания от ужасов голода и гнета или, выражаясь по-медицински, единственное «болеутоляющее средство»»²⁸.

В статьях, посвященных японо-китайскому конфликту, Струве использует выражение «хирургическое вмешательство Японии», не разделяя симпатий к китайскому национальному движению и утверждая, что такое вмешательство оправдано²⁹.

Два вышеуказанных примера демонстрируют разные предметы и образы сравнения: в роли «хирургов» выступают правительства и армии стран, осуществляющих военно-политическое вторжение, а в качестве «терапевтов» – пропагандисты.

Во всех рассмотренных ранее метафорических конструкциях предметом сравнения чаще всего выступают: государство, внешняя политика, идеология, общественный и экономический строй, настроения и взаимоотношения внутри эмигрантского сообщества.

Также стоит изучить упомянутые метафоры болезни с точки зрения их отношения к следующей типологии:

²⁷ Струве П.Б. Против зуда гипотез // Россия и славянство. 1930. 22 февр. С. 1.

²⁸ Струве П.Б. Большевистское запугивание мнимой «буржуазной интервенцией» и их собственное реальное и хроническое вмешательство в дела «буржуазного» мира // Россия и славянство. 1932. 24 сент. С. 1.

²⁹ Струве П.Б. Еще о дальневосточной проблеме // Россия и славянство. 1932. 2 апр. С. 1.

- Субстантивные метафоры болезни (номинация заболевания, его причины и источника – существительное): «исторический *выкидыши*», «старорежимная *одержимость*», «коммунистический *яд*», «противокоммунистическое *противоядие*», «политическая *психопатия*». Среди них выделяются и генитивные (существительное, связанное с морбуальной тематикой, употребляется в родительном падеже): «*зуд гипотез*», «*хирургическое вмешательство Японии*», «*язва коммунизма*», «*разлагающийся труп большевистского коммунизма*», «*остов коммунистической власти*».
- Адъективные метафоры (определение является номинацией заболевания или телесного ощущения): «...социальных тканей, *зараженных гангреной* при красном режиме», «*ядовитый туман*».
- Глагольные (глагол или деепричастие обозначает действие врача, лекарства, влияние заболевания на организм и т. д.): «*отравил* русскую неисправимо мечтательную, вечно блуждающую и скверно блудящую “интеллигентскую” мысль», «господство большевизма прямо-таки *отравило* организм России лошадиными дозами социализма, иначе коммунизма».

Стоит отметить, что, даже цитируя современников, Струве часто обращает внимание на медицинские метафоры и выделяет их. Так, приветствуя выступление посла США во Франции М. Геррика, Струве передает такие речевые обороты из доклада дипломата, как «*бациллы ужасной болезни*», «*предумышленная зараза*» (когда речь идет о коммунизме)³⁰.

Струве нередко подмечал и ценил подобные метафоры в текстах и выступлениях своих идеиных оппонентов и нередко их цитировал. Например, он отразил в своих статьях слова А.Ф. Керенского «*психоз боязни реставрации*»³¹ и фразу П.Н. Милюкова «процесс восстановления социальных тканей, *зараженных гангреной* при красном режиме»³².

Подводя итог анализа, опишем в общих чертах метафорическую картину, характерную для политической публицистики Струве, ориентируясь на упомянутые метафоры болезни. Россия,

³⁰ Струве П.Б. Громкое и мужественное слово // Возрождение. 1927. 1 июня. С. 1.

³¹ Струве П.Б. Некоторые положительные результаты полемики с П.Н. Милюковым: топчутся в партийных тупиках // Возрождение. 1925. 26 дек. С. 1.

³² Струве П.Б. Отказ П.Н. Милюкова от активной борьбы с большевиками // Возрождение. 1925. 5 июля. С. 1.

как и любое государство, метафорически осмысляется как живой организм. Власть – скелет тела. Революция и большевизм – «болезни». Эти болезни тянутся и, как осложнение, возникают «язвы» и интоксикация. Для облегчения «симптомов» в качестве «обезболивающего» применяется запугивание интервенцией. Эта болезнь заразна для «соседей». Некоторым «заболевшим» (Китай) уже необходима помочь хирурга (Японии). Русское зарубежье (также метафорически предстающее в образе некоего организма) страдает иными расстройствами: активисты – неврастенией и психопатией, остальные – психостенией и одержимостью прошлыми политическими претензиями времен царизма.

Преобладающим типом являются субстантивные метафоры. Большинство метафор болезни в текстах Струве типичны – как для публицистов идеино-политического лагеря Струве, так и для всей эмиграции первой волны (при всей ее политической неоднородности и идейных разногласиях), и даже в целом для эпохи. Он говорит на одном метафорическом языке даже с оппонентами и врагами – образы сравнения идентичны, но предметы сравнения противоположны друг другу. В этом можно убедиться, обратившись к примерам из советской политической публицистики, которые приводит в своей статье Е.Г. Трубецкова: в 1920 г. В.И. Ленин писал о «детской болезни левизны» у своих политических оппонентов, а в 1938-м Л.Д. Троцкий называл сталинизм «сифилисом рабочего движения» [Трубецкова 2018, с. 65–68].

Есть и исключения, выделяющие Струве-публициста на фоне как оппонентов, так и единомышленников: в его статьях встречаются также оригинальные, отличающиеся новизной метафоры болезни (к примеру, «исторический выкидыш», «старорежимная одержимость», «политическая психопатия», а также многочисленные метафоры, ярко отражающие настроения русской эмиграции в период между двух мировых войн).

Литература

- Вандалковская 2004 – *Вандалковская М.Г.* П.Б. Струве и его «Дневник политика» // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 7–13.
- Минский 1988 – *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281–309.
- Пайпс 2001 – *Пайпс Р.Э.* Струве: правый либерал, 1905–1944: В 2 т. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 2. 680 с.

- Трубецкова 2018 – Трубецкова Е.Г. Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 65–68.
- Трубецкова 2021 – Трубецкова Е.Г. К вопросу о морбидальном коде русской литературы // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 47–54.

References

- Minskii, M. (1988), “The wit and logic of the cognitive unconscious”, in *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 23, Progress, Moscow, USSR, pp. 281–309.
- Pipes, R.E. (2001), *Struve: pravyi liberal, 1905–1944* [Struve. The right liberal, 1905–1944], vol. 2, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanii, Moscow, Russia.
- Trubetskova, E.G. (2018), “Disease as a social and political metaphor in literature and journalism of the 20th century”, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 18, iss. 1, pp. 65–68.
- Trubetskova, E.G. (2021), “On the question of the morbidity code of Russian literature”, *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 467, pp. 47–54.
- Vandalkovskaya, M.G. (2004), “P.B. Struve and his ‘The politician’s journal’”, in Struve P.B., comp., *Dnevnik politika (1925–1935)* [The politician’s journal (1925–1935)], Russkii put’, Moscow, Russia; YMCA-Press, Paris, France, pp. 7–13.

Информация об авторе

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; kutarenkova@yandex.ru

Information about the author

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kutarenkova@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология»
№ 10
2025

Дизайн обложки
E.B. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
H.B. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 17.11.2025
Выход в свет 24.11.2025
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 12,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2267

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru